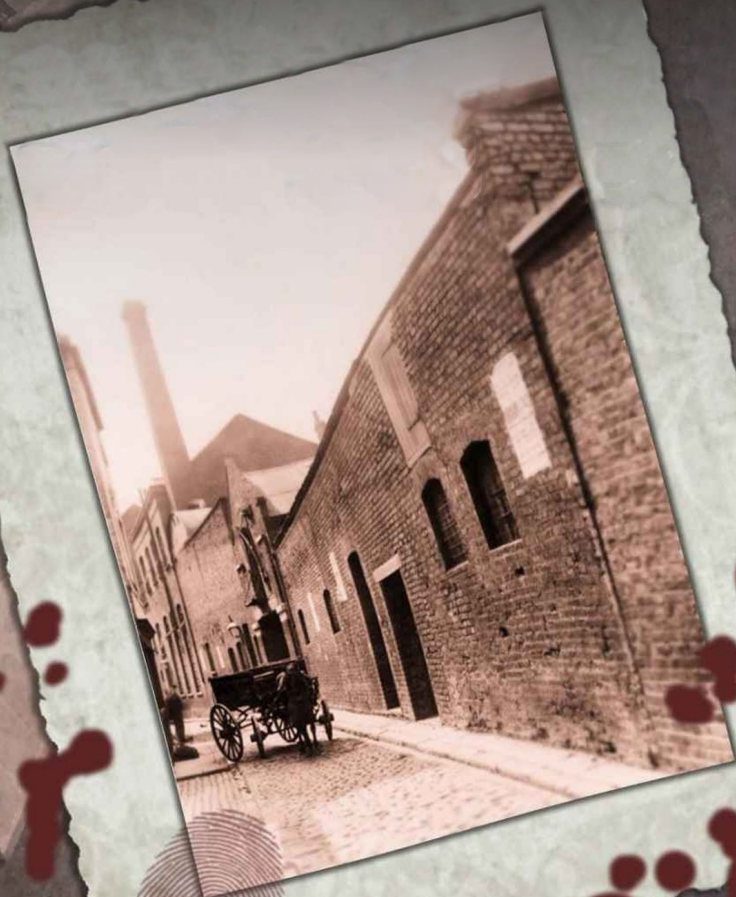

Картина из прошлого

Поль Альтер

Романы о докторе Твисте:

1987. La quatrième porte

1988. La mort vous invite

1989. La mort derrière les rideaux

1990. La chambre du fou

1991. La tête du tigre

1991. La septième hypothèse

1993. Le diable de Dartmoor

1994. A 139 pas de la mort

1995. L'image trouble

1995. La malédiction de Barberousse

1996. L'arbre aux doigts tordus

1998. Le cri de la sirène

1998. Meurtre dans un manoir anglais

1999. L'homme qui aimait les nuages

2001. L'allumette sanglante

2001. Le toile de Pénélope

2005. Les larmes de Sibyl

2009. Les meurtres de la salamandre

2010. La corde d'argent

2012. Le voyageur du passé

2013. La tombe indienne

ПОЛЬ АЛЬТЕР

КАРТИНА ИЗ ПРОШЛОГО

2022

УДК 821.133.1
ББК 84 (4Фра)
А58

Paul Halter

L'image trouble

Перевод Николая Баженова

*Случайно уведенная в окне магазина обложка книги лишила покоя.
Изображенная там улица чем-то притягивает к себе, одновременно
пробуждая в душе воспоминания, о которых хочется забыть.*

Альтер, Поль

А58 Картина из прошлого : [детективный роман] / Поль
Альтер; пер. с англ. – 2022. – 204 с.

УДК 821.133.1
ББК 84 (4Фра)

© Перевод. Н.Баженов, 2021

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В современной истории:

Джон Брейд, молодой человек, обеспокоенный странной
фотографией
Андреа, его красивая жена
Грэм Моррис, таинственный продавец старинных безделушек,
увлечённый гипнозом
Мистер и миссис Гидеон Брейд, приёмные родители Джона
Дэвид Брейд, их сын
Чарльз Хеймер, сосед Джона и Андреа, увлечённый садовод
Мистер Мерлин, другой сосед Джона и Андреа
Стив Салливан, инспектор полиции
...и зловещий «убийца с кислотной ванной»

В истории из прошлого:

Джонас Джейкобс, молодой человек, который исчез после
жестокого убийства
Паула, красивая молодая женщина, которая всё ещё
продолжает думать о нём
Джек Этмор, таинственный хиромант
Мистер и миссис Гидеон Джейкобс, родители Джонаса и
Адама
Адам Джейкобс, брат Джонаса, любитель вина,
женщин и лошадей
Чарльз Хаарман, владелец «Принцессы Элис»
Уолтер Донован, инспектор полиции

ПРОЛОГ

Рано утром 27 апреля 1959 года через деревню Джайлс-Ярд в Эссексе медленно проехал автомобиль. Он ещё больше замедлился и, наконец, остановился перед ветхим складом. Воздух был промозглым, и день казался почти таким же мрачным, как старое кирпичное здание, фронтон которого виднелся позади ограды, готовой, похоже, рухнуть в любой момент.

Четыре пассажира автомобиля вышли, и вид их был довольно мрачен. Двое были в полицейской форме и казались намного моложе своих компаньонов: старшего инспектора Арчибальда Хёрста из Скотланд-Ярда, крупного мужчины приблизительно шестидесяти лет с красным лицом, и его друга, криминолога доктора Твиста, который, несмотря на то, что был старше, отличался значительно большей подвижностью.

Старший инспектор движением подбородка указал на дверь в ограде, и один из младших по званию полицейских без труда открыл её.

– Тише, Джонсон. Пожалуйста, меньше шума, – проворчал Арчибальд Хёрст. – Люди всё ещё спят.

Четверо мужчин пересекли грязный внутренний двор и остановились перед небольшим зданием с навесом, под которым была свалена груда досок.

В ответ на ещё одно движение подбородка молодой Джонсон открыл вторую дверь, на этот раз с большими затруднениями, чем первую, поскольку пришлось взломать замок.

На первый взгляд обветшалый склад, который состоял из единственного побелённого помещения, не содержал

ничего необычного: банки с краской, старые бутылки, тряпки и различные инструменты. Но в одном углу их внимание привлекла большая оплетённая бутылка, обёрнутая соломой, вроде тех, в которых хранят опасные химикаты. Рядом стоял ящик, содержащий резиновый передник и перчатки, противогаз и ручной насос.

Под навесом позади груды досок они нашли четыре большие металлические ёмкости, изъеденные ржавчиной.

– Похоже, мы угадали, – пробормотал старший инспектор после быстрого осмотра ёмкостей.

Джонсон, ударив по ёмкостям кулаком, предположил, что они пусты; тем временем доктор Твист указал на странно грязный участок во внутреннем дворе, в остальном заполненном зарослями вторгшейся ежевики:

– Не волнуйтесь. Их опорожнили туда.

В сером свете туманного апрельского утра лицо старшего инспектора стало мрачным.

– Джонсон и Смит, – приказал он, – идите за подкреплением. Похоже, мы следуем по пятам за нашим убийцей... и он только что избавился от новой жертвы.

Как только двое полицейских удалились, он повернулся к своему другу:

– Теперь мы можем восстановить его метод. Прежде всего, жертву разрезают на куски, помещают в ёмкости и заливают серной кислотой из оплетённой бутылки. Для безопасности он использует ручной насос, резиновый передник и противогаз. Затем, когда кислота делает свою работу, он выливает этот адский раствор туда. В это трудно поверить... Прямо под нашими ногами находится всё, что осталось...

Он на мгновение смолк, а его глаза остановились на грязном пятне, а затем продолжил:

– Это точно моё последнее дело, Твист, и должен признать, что не стану сожалеть, когда оставлю эту чёртову профессию. – Он повернулся к другу. – Скажите: а вам не

надоели эти непрерывные расследования? Или на сей раз вы захотите разделить со мной? У меня складывается впечатление, что вы что-то от меня скрываете...

Пожилой человек кивнул и со вздохом ответил:

– Верно, у меня появились проблески мысли. Но они настолько незначительны и настолько абсурдны, что я предпочитаю пока держать их при себе.

I

Из окна вагона первого класса я наблюдал за пассажирами, суетящимися вдоль платформы, ожидая свистка кондуктора и неизбежного толчка вслед за этим. Точно так же, как в любой день, в этот час вокзал Чаринг-Кросс напоминал улей на пике активности.

Как в любой другой день? Едва ли. Прежде всего, последние двое суток отличались драматичным скачком температуры. Можно было почти задохнуться под сверкающей стеклянной крышей главного зала, и на всех лицах виднелась усталость. Даже багаж казался тяжелее. Я внутренне улыбнулся, подумав о своём портфеле на верхней сетке, который три четверти времени был вообще пуст, а в остальное содержал не больше, чем пару листов бумаги и газету!

Но, конечно же, не только внезапным скачком температуры запомнился этот удивительный весенний день конца весны 1959 года. Случилось нечто чрезвычайно любопытное несколькими часами ранее, когда я вошёл в книжный магазин на Шафтсбери-авеню.

Вы когда-нибудь испытывали сильное чувство? Вид эмоции, когда в горле жжёт, а кожу охватывает такой озноб, что глаза не могут сосредоточиться должным образом? Сильный страх, ужас вполне может вызвать такое чувство. Счастье тоже. Я говорю о тех редких случаях в вашей жизни, тех нескольких секундах интенсивного счастья, от которых дрожат руки и ноги, холодеет всё внутри. Или печаль и горе. Ужасная пустота внутри, когда тот, кто дорог, покидает эту землю. Один из тех, про кого можно сказать:

«Без него мир опустел». Или внезапное возбуждение, когда преступник пойман на месте преступления. Конечно, у вас случались подобные события, как и у всех остальных. Каждый из нас, по крайней мере раз в жизни, испытывает такое сильное чувство.

Именно это и произошло со мной этим днём. Я испытал очень сильное чувство. Но вот вам разница: *я был совершенно неспособен его определить*. Страх? Счастье? Ностальгия? Вина? Невозможно сказать.

В равной степени странной была причина этой эмоции: обложка книги. Простая обложка в виде фотографии. В магазине было несколько человек, большинство которых уже осмотрело полку, где стоял роман. Ни один из них не проявил ни малейшего интереса. Что касается меня, сам вид этой фотографии вызвал странное чувство, которое нарастало тем больше, чем дольше я смотрел.

И самым странным была банальность изображённого: улица, несколько зданий... вот и всё!

Поезд вздрогнул. Занятый своими мыслями, я не услышал свистка кондуктора, и леди средних лет, которая была в купе со мной, казалась тоже удивлённой. Она опустила взгляд, когда я посмотрел на неё. Наблюдала ли она за мной? Я был готов держать пари, что да. Её упорный взгляд на вязание, которое она чуть не уронила, казалось, подтверждал это.

Почему в последнее время люди шпионят за мной? Да, в последние несколько дней у меня сложилось впечатление, что за мной украдкой наблюдают. И даже буквально следят. Кто-то шёл за мной несколько раз. Я совершенно в этом уверен даже при том, что не смог уличить никого конкретно. Если подумать, это не могла быть леди напротив меня – слишком стара, чтобы не отставать при моём быстром шаге. Типичная бабушка, решил я, не более любопытная, чем я

сейчас. Моё более раннее суждение было серьезнее. В последнее время я стал слишком подозрительным.

Мы выехали с Чаринг-Кросс, и перестук колёс поезда стал более регулярным. Более регулярным... В купе было душно. Я закрыл глаза...

Почему эта фотография так растревожила меня? И почему я не смог точно определить свои эмоции? Непостижимо!

Простая фотография. Которая, очевидно, сделана довольно давно. Зернистость была заметной, и я, кажется, вспомнил тележку такого вида, который в наши дни уже не встретишь. И одежда на людях...

Совершенно обычная улица. Ряд скромных кирпичных домов, небольшой магазин с хозяином в дверях и несколько других людей. А ещё дальше – телега на перекрёстке. Дымовые трубы чётко выделяются на фоне чистого неба. Должно быть, снимали утром. Весенним утром. Нет, это лишь моё воображение. В последнем пункте я не был уверен.

«Хозяйка поместья» – название книги я заметил лишь в самом конце, и оно мне ни о чём не говорило. Не больше, чем сам сюжет, насколько я смог выяснить, бегло пролистав книгу: банальная любовная история.

Весь эффект вызвала лишь фотография на обложке. Больше ничего. Я жалел сейчас, что не купил книгу. Эта фотография не даст мне покоя. В этом я не сомневался. Завтра, вернувшись в Лондон, первым делом пойду в книжный магазин. Я должен исследовать картину спокойно и с ясной головой.

Во время остальной части поездки я пытался воссоздать в памяти эту картину, но, к моему огорчению, она исчезла.

Поезд прибыл в Шепвик три четверти часа спустя.

Шепвик – это деревня, где я живу с Андреа уже три месяца, другими словами, с нашей свадьбы. До этого мы были знакомы с ней лишь несколько недель, и я знаю, многие

найдут странным (помимо быстроты нашего союза), что больше всего привлекла меня в ней линия её шеи. Тонкая, изящная шея, увенчанная прекрасным лицом с мягкими чертами, одновременно нежными и решительными.

Она представляла собой гармоничную смесь мягкости и энергии. Её короткие светлые волосы подошли бы девчонке-сорванцу, но большие голубые глаза и другие аспекты её анатомии не оставляли сомнений относительно её женственности. Ей двадцать шесть (я старше на два года) и мне приятно считать, что она счастлива.

Мы не могли и надеяться на более мирную и приятную обстановку, чем Шепвик, небольшая деревня, которая, как мы поняли, лишь её увидев, станет для нас родной.

– Джон, посмотри на этот дом! Он продаётся, причём въехать можно немедленно! – воскликнула Андреа спустя несколько дней после того, как стала миссис Брейд, и мы колесили по этой местности на машине. – Остановись!

Это было просторное здание, хоть и старое, но ухоженное, со строгими и изящными линиями. Не было никакого мха на шиферной крыше, а безупречная белизна оконных рам предполагала, что их недавно красили. Дом фасадом выходил на дорогу и отделялся от неё лужайкой, окружённой низко подстриженной живой изгородью. Французские окна в задней части выходили на большой сад и, далее и чуть в стороне, на небольшой флигель, скрытый в так называемом «закутке». Идеальное место для отдыха!

– Неплохо, – ответил я, – но не слишком ли он велик для нас?

– Дом никогда не может быть слишком большим, Джон. Все это знают.

– Ну, хорошо, но что с ценой? Она не указана. Оглянись, безусловно, это лучший дом в окрестностях. Он не может быть дешёвым.

Я оказался прав. И мог бы добавить, что даже слишком, поскольку владелец заметил нашу заинтересованность. К счастью у меня не было особых проблем с деньгами.

В конце концов, биржевой маклер хорошо зарабатывает. Это не имеет никакого отношения к моему настоящему источнику доходов, но это то, что думают о моей работе Андреа и все остальные. Кстати, в последнее время она задаёт по этому поводу всё больше вопросов.

– В конце концов, Джон, ты мог бы, по крайней мере, оставить мне номер своего телефона. Ты уезжаешь рано утром, а возвращаешься поздно вечером... Никогда не знаешь, что может случиться.

– Но у нас даже нет телефона!

– Я всегда могу зайти на почту.

– Дорогая, я постоянно нахожусь в Лондонском Сити, но не всегда в одном и том же месте. И вспомни, что я сказал тебе вначале: я работаю там, где требуется некоторая секретность.

– Я даже не знаю, на какой банк ты работаешь.

– В этом всё и дело. Я не работаю на какой-то конкретный банк. Послушай, Андреа, прекрати волноваться. То, что я делаю, абсолютно честно.

– Если честно, тогда...

– Как ты можешь сомневаться во мне, Андреа?

– Поставь себя на моё место.

– Я зарабатываю хорошие деньги, причём *честно*, мы счастливы и... ну, мы же не станем проходить всё это снова. Кроме того, ты обещала не расспрашивать меня об этом, помнишь? Я работаю в отделении... специальном отделении, в котором требуется большая секретность.

И это, должен сказать, было абсолютно верно. Но кроме этой небольшой детали на нашем браке не было ни облачка. Андреа была очень счастлива в Шепвике и могла пре-

даваться страсти к садоводству – страсти, которую я разделял. Само собой разумеется, для тяжёлой работы мы нанмали садовника из деревни. Андреа проводила большую часть времени около флигеля в «закутке», постепенно превращающемся в царство зелени и цветов.

Андреа очень мила и нравится абсолютно всем. Чарльз Хеймер, наш сосед с западной стороны, кажется особенно восприимчивым к её очарованию. Всякий раз, когда она выходит в сад, он появляется будто по волшебству, прижимаясь носом к проволочной сетке, которая служит забором между нашими участками. Он – бесконечный источник советов по садоводству и знает, о чём говорит. Неудивительно, поскольку он проводит большую часть времени в саду. Это маленький, довольно забавный человек чуть старше пятидесяти, который всегда носит соломенную шляпу – вероятно, у него осталось не так уж много волос. Он живёт на пенсию по инвалидности после армии, хотя мне всегда казалось, что он просто пышет здоровьем. Я не считаю его серьёзным соперником и нахожу довольно забавным. Никогда не упускаю случая поддразнить Андреа, когда она приходит с руками, полными новых растений, которые он регулярно ей дарит. Мистер Мерлин, наш сосед с другой стороны, – намного более осторожный человек. И старше. Высокий и тонкий, он кажется достаточно любезным. Но мы едва знаем его. Он поселился лишь через месяц после нас. И мы с ним не единственные вновь прибывшие в Шепвик. Есть также некий Моррис, который открыл магазин старинных безделушек около продуктового магазина непосредственно перед тем, как приехал мистер Мерлин. И это довольно любопытно: Шепвик, конечно, не маленькая деревня – это своего рода рыбный садок для отставного люда, – и в нём по меньшей мере тысяча жителей и имеется определённая торговля. Но даже в этом случае мне трудно по-

нять, как подобный магазин может приносить прибыль, потому что Шепвик не является туристическим центром. Кроме того, даже при том, что я ещё не познакомился с этим человеком, я считаю его довольно оригинальным. Невозможно угадать его возраст из-за аккуратно подстриженной чёрной бороды, но ему, должно быть, не меньше сорока. У меня создалось впечатление, что он наблюдает за мной уголком глаз всякий раз, когда я прохожу мимо его магазина. Однажды я увидел его на платформе Чаринг-Кросс, когда прибыл из Шепвика. Он притворился, что не заметил меня, но было ясно, что он ехал в том же поезде.

Церковные часы как раз пробили шесть, когда я шёл мимо вышеуказанного магазина. Небольшая клетушка, где едва достаточно места для комода, двух или трёх кресел, нескольких безделушек, различного старья и сутулой фигуры хозяина. Я шёл без спешки, помахивая портфелем, и едва смог различить некий силуэт позади пыльного окна: он как раз не смотрел в моём направлении. Однако мне вновь показалось, что за мной следят.

Несколько минут спустя я увидел наш дом и пошёл быстрее. Постепенно я начал потеть. Над изгородью я заметил голову мистера Хеймера в неизменной соломенной шляпе. Притворился, что не вижу его. Невозможно поздороваться с ним и не застрять на четверть часа. А единственное, чего я сейчас хотел, это вернуться домой и усесться с бокалом холодного напитка в руке. Думая об Андреа, я задавался вопросом, как она отнесётся к моей новой и таинственной навязчивой идее.

Она, более чем вероятно, повторит ход моих мыслей, и я опровергну, одно за другим, все её предположения, как делал весь день со своими.

Один из персонажей на фотографии напоминает тебе кого-то дорогого, кто потом пропал?

Ни один из них не напоминает мне о ком-то, кого я знал. И, между прочим, лица там едва различимы.

Это – старая фотография. Она возвращает воспоминания детства?

Ничего конкретного. И вообще, похоже, что фотография была сделана намного раньше моего рождения.

Одно из зданий или улица в целом напоминает тебе о конкретном месте?

Это в принципе возможно. Но сцена похожа на многие другие места в столице. Я действительно не вижу, как она могла бы напомнить мне об определённом месте.

Это – фотография из прошлых времён, но не слишком далёких от нынешнего. Возможно, она вызывает своего рода ностальгию?

Ностальгия по прошлому? Признаю, что до некоторой степени я к ней восприимчив. Но, откровенно говоря, мне трудно поверить, что такая банальная сцена может вызвать столь сильную эмоцию, которую я почувствовал.

Эта фотография будит что-то, о чём ты не знаешь?

Что я могу на это ответить?

Что-то, о чём ты не знаешь, но уходящее в далёкое прошлое...

Часы на соседней церкви пробили десять, когда фургон Чарльза Хаармена остановился перед «Принцессой Элис». Тем вечером эркеры паба не освещали угол узкой улицы, и золотая вывеска паба виднелась только благодаря газовому уличному фонарю, расположенному напротив. Ночную тишину нарушало лишь фырканье пони и случайный стук копыт по булыжнику. Чарльз Хаармен не привык, чтобы его заведение было погружено во тьму в будний день. Сегодняшнее закрытие паба было исключением: его обычный поставщик подвёл, и пришлось самому ехать за товаром. Беда не приходит одна: по дороге отлетело одно из колёс фургона. К счастью, даже при том, что потребовалось много времени, чтобы поставить его на место, товар не пострадал. Что было чудом само по себе. Он оглянулся через плечо и ещё раз в этом убедился. Все бочки стояли на месте в целости. Действительно чудо. Всё, что осталось сделать, это разгрузить бочки. Поскольку, само собой разумеется, оставлять их до рассвета в таком месте было безумием.

Он вылез из фургона и огляделся. Вечер выдался холодным. Очень холодным для весны. Точно таким же, как в ту ночь два года назад, когда он стал свидетелем особо жестокого убийства. Его глаза нашли начало крытого прохода, ведущего к небольшой площадке, где всё произошло. Отвратительное, одиозное преступление, которое он никогда не забудет. Два года прошли почти день в день, но все подробности всё ещё не потускнели в памяти. Если бы только он знал, что это была *она*, то не-

медленно вмешался бы. Для *неё* у него хватило бы храбрости броситься на противников в одиночку...

Увы! Нападения такого рода стали обычными явлениями в этой части города, где некоторые глухие улочки приобрели очень плохую репутацию. Прохожий, который просто прочитал бы названия улиц, мог рассказать дома друзьям об очаровательном районе, где улицы носят названия: Цветочная, Белая церковь, Полумесяц, Зелёные поля, Ежевичная... Очень много приятных названий, словно их выбрали специально, чтобы облагородить и украсить лабиринт из неприятных тупиковых улиц, узких проходов, мрачных внутренних дворов с печальными кирпичными зданиями, потемневшими от сажи, и рядами тоскливых зданий с постоянно дымящими трубами. И всё же двести лет назад этот район знал лучшие времена, когда там поселились беженцы-гугеноты. Краснодеревщики, ювелиры, часовщики и, прежде всего, изготовители шёлковых тканей быстро организовали процветающую торговлю, прежде чем новые волны иммигрантов и индустриализация привели к нищете и сопутствующей ей развращённости.

Печально было видеть эти красивые и прочные здания, построенные французскими торговцами шёлком и до последнего времени так тщательно сохраняемые, а теперь столь зловещие и грязные. Скруглённые эркеры на верхних этажах, которые давали так много света ткачам, теперь были серыми и тёмными. Как и изящный портик, поддерживаемый двойными пилястрами тонкой работы, которые плохая погода и облупившаяся краска сделали почти отгалкивающими. Кое-где всё ещё оставались здания в хорошем состоянии, главным образом сгруппированные вокруг церкви. Семейный дом Джейкобса был одним из них. Внушительное здание с большим подъездом, к нему примыкал соответственно большой сад, огороженный высокими стенами. Его владелец, Гидеон Джей-

кобс, был довольно эксцентричным человеком. Преуспевающий бизнесмен, он принимал близко к сердцу проблемы многочисленных нуждающихся обитателей квартала, которые жили в жалких условиях. Он постоянно надоёдал властям, чтобы те снесли лачуги и построили приличное жильё с разумной арендной платой. Несмотря на множество подготовленных планов и проектов, его усилия до сих пор ничего не дали. Тем не менее, он жил вполне счастливо до того дня, когда беда постучала в его дверь.

Гидеон Джейкобс был в расцвете сил, высокий, крепкий и импозантный. Квадратно подстриженная тёмная борода обрамляла торжественное, серьёзное лицо. Амелия, его любимая красивая и нежная Амелия родила ему двух детей, Адама и Джонаса, каждому из которых сейчас было больше двадцати. Последним членом семьи было восхитительное создание по имени Паула, лишь чуть моложе, чем её братья. Братья? Не совсем так. Её появление в доме произошло благодаря ему, Чарльзу Хаармену, а не миссис Джейкобс. Именно он приблизительно десятью годами ранее озаботился бедственным положением Паулы после исчезновения её родителей-алкоголиков. Но, будучи холостяком, он не мог взять её в свой дом.

С комком в горле владелец «Принцессы Элис» вспомнил незабвенный день, когда он привёл маленькую фею с кукольным личиком в дом Джейкобса. Словно луч света проник через открытую дверь. Сердце предпринимателя тут же растаяло. Хаармен словно снова увидел его, по-отечески перебирающего светлые локоны маленькой девочки своей огромной волосатой ручищей. Амелия также была очарована ребёнком и радостно стала заботиться о ней. Что касается двух мальчиков, они были рады обрести «сестру» сверстницу.

В доме Джейкобса Паула расцвела. Её улыбка и шелковистые светлые локоны, казалось, освещали дом. Но Чарльз

Хаармен всё ещё считал её немного своей. Он был её защитником и регулярно приходил навестить и побаловать небольшим подарком. Было трогательно видеть тучного пятидесятилетнего мужчину, такого неуклюжего, но так нежно привязанного к ней, как к родной дочери. Шли годы, Адам, Джонас и Паула росли вместе в беззаботном счастье юности. Затем случилось неизбежное: Купидон пустил свои стрелы, и Паула с Джонасом влюбились друг в друга.

Вскоре после этого и произошло то ужасное событие. Чарльз Хаармен с трудом сглотнул, а его пристальный взгляд обратился к проходу, ведущему к небольшой площади.

Той ночью было холодно, и только что прошёл дождь. Около часа ночи, не в силах спать, он подошёл к окну, откуда мог видеть небольшую часть площади, смутно освещённую мерцающим светом уличного газового фонаря. Угол, тёмный вход в крытый проход и синеватые отражения от блестящих булыжников. Это всё, что он смог разглядеть, когда в крытом проходе появился женский силуэт. Женщина шла совершенно спокойно. Проститутка – никаких сомнений. Они часто появлялись в этом месте и, насколько он мог судить, она была похожа на них соломенной шляпкой с цветком. И какая порядочная женщина шлялась бы в таком месте среди ночи?

Внезапно из тени вынырнули трое мужчин и окружили её. Прежде, чем она успела позвать на помощь, они бросились на неё и сбили с ног. Всё произошло так быстро и неожиданно, что Хаармен словно прирос к месту в течение нескольких секунд, прежде, чем протереть глаза и убедиться, что это не сон. Нападавшие продолжали избиение. У одного из них была трость или палка, которой он постоянно наносил удары. По мнению Хаармена, это могла быть только одна из банд, которые вы-

могали деньги у проституток под предлогом их защиты. Тех, кто не мог заплатить, конечно же избивали.

Что делать? У него не было бы никаких шансов против этих трёх бандитов, которые, очевидно, были в прекрасной форме. Всё, что он получит, это нож в горло. Он почувствовал себя трусом, но бой был явно неравным. Бой? Бедная женщина лежала и не двигалась. Чёрт побери, они же убьют её, если продолжат. Он колебался ещё в течение нескольких секунд, но тут преступники исчезли так же быстро, как возникли, оставив неподвижное тело на мостовой.

Через пять минут он был на месте. Но там никого не оказалось. Бедная женщина пришла в себя и убежала? Это казалось едва ли возможным. Скорее всего, она, кое-как дотащилась до какого-то места поблизости. Тёмные пятна на булыжниках убедили его в этом. Он нашёл больше пятен на входе в крытый проход. Затем на углу улицы. Бедная женщина – должно быть, она в ужасном состоянии. Но он не мог сдержать восхищения её настойчивостью и упорством. Поскольку готов был поклясться, что эти трое мужчин оставили её умирать. Но тут (увы!) следы оборвались. Осмотр оказался бесполезным, и он с тяжёлым чувством прекратил поиски. Именно тогда его посетила ужасная мысль: а вдруг это *она*? Она, которой было предсказано большое несчастье. Нет, это невозможно!

Подумав об этом Хаармен вернулся к дому Джейкобса, который был неподалёку и, по случайности, очень близко к месту, где произошло нападение... Его прошиб пот, поскольку ужасное подозрение обрело основание. Несколько дней назад она навестила того странного Джека Этмора, хироманта, который только недавно прибыл в эти места. Это было достаточно странным, но несколько человек видели, как она входила и выходила из его студии. Как владелец «Принцессы Элис», Хаармен был в курсе всех местных сплетен. Кроме того, некоторые члены её семьи

доверили ему, что Этмор предсказал ей большое несчастье в ближайшие дни.

Он добрался до дома Джейкобса и подошел к портику. На пороге виднелось свежее пятно. Подозрения сменились уверенностью. Он открыл дверь, вошёл в проход и в темноте услышал стоны, идущие с места поблизости от входа в сад.

Она лежала там в агонии. Дрожа, он опустился на колени около неё, инстинктивно понимая, что она живёт последние минуты. Несмотря на темноту, он видел её разбитое лицо. То самое лицо, которое всегда было таким красивым, таким безмятежным. Её приоткрытые губы были покрыты кровью, как и руки. Как мог он не узнать её? Он видел её так много раз в той же одежде!

Она держала в руке синеватые растения, ранние цветы глицинии, растущей при входе в сад, которые она схватила, когда падала. После ещё одной заключительной судороги она сжала ладони, ломая импровизированный букет, а затем вытянулась неподвижно. Миссис Амелия Джейкобс испустила последний вздох.

3

Чарльз Хеймер нервничал.

Из-за опущенной газеты я некоторое время наблюдал за пухлым силуэтом с другой стороны проволочной ограды. Когда Андреа направилась по центральной дорожке, он поздоровался с ней, приподняв соломенную шляпу, и приблизился к ограде. Последовала беседа, из которой я уловил лишь несколько кусочков.

– Какой прекрасный день, миссис Брейд. Но немного дождя не помешало бы.

– Это правда. Все его ждут.

– Послушайте, у меня гораздо больше ирисов, чем мне нужно, и вы выручите меня, если возьмёте несколько. У вас должен найтись для них небольшой уголок. Фактически я уже вижу прекрасный пяточок: там, около большого цветочного горшка.

– Там? Какая прекрасная мысль!

Я поднял газету и слегка улыбнулся. Бедная Андреа, ей не удастся так легко от него отделаться.

Было шесть часов, и я обосновался на своём обычном месте позади дома перед садом. Прошло ещё двадцать минут перед тем, как жене удалось присоединиться ко мне и усесться в шезлонге около маленького столика. Она выглядела восхитительно в зелёном платье без рукавов с цветочным узором, и под её короткими светлыми волосами уже заметен был загар. Решительно, у мистера Хеймера хороший вкус.

– Выглядит так, – заметил я, всё ещё не отрываясь от газеты, – что мистер Хеймер считает тебя своей собственностью.

– Не говори чепухи, Джон, будь так добр.

– Что ты имеешь в виду под чепухой? Он балует тебя, словно ты его дочь.

– Ты говоришь об ирисах?

– Ирисах, советах, помощи в посадках, маленьких подарках и обо всём остальном.

– Ты что, ревнуешь? – спросила она с вызовом.

– Ревную? Нет, но тем не менее...

Внезапно выражение её лица изменилось, и я увидел, что она уставилась на газету. Было нетрудно понять, что привлекло её внимание: заголовок, набранный жирным шрифтом и занимающий половину первой полосы.

ДЬЯВОЛЬСКИЙ ПЛАН УБИЙЦЫ С КИСЛОТНОЙ ВАННОЙ РАЗОБЛАЧЁН?

– Можно взглянуть? – спросила она и, не дожидаясь ответа, выхватила газету.

Она начала читать вслух статью, которую я уже прочитал и несколько раз перечитал в поезде:

«Дни преступника сочтены», – заявляет старший инспектор Арчибальд Хёрст после опознания третьей жертвы убийцы с кислотной ванной. Этот зловещий человек впервые привлёк внимание общественности 19 февраля прошлого года. В тот день в ванне квартиры в Южном Ламбете была найдена странная жидкость. Она выглядела грязной и

едкой и содержала жир и фрагменты человеческих костей. Заключение: сатанинская рука избавилась от жертвы, погрузив её в кислотную ванну. По стечению обстоятельств полиция оказалась на месте прежде, чем все следы ужасного убийства исчезли, но личность жертвы остаётся столь же таинственной, как и самого убийцы. Несколько ме-

сяцев спустя на севере Лондона была сделана аналогичная находка в подвале заброшенного дома, хотя там кислота вылилась на пол и смешалась с землёй. Осталось лишь несколько фрагментов человеческих костей. Расследование не привело никуда и в этом случае.

Что касается последней жертвы, наши читатели могли следить за всем, что было сказано с тех пор, как в прошлом месяце на небольшом складе в Эссексе была сделана ужасная находка. Но теперь мы можем объявить о прорыве: благодаря настойчивости полиции, которая нашла на дне соседнего озера сумку с одеждой и несколькими камнями, была установлена личность последней жертвы. Это Харви Стрэндж, молодой лондонец, двадцать восемь лет, сирота, которого никто не видел после того, как он обналичил крупный страховочный чек после смерти от несчастного случая жены, бракосочетание с которой состоялось лишь недавно. Мы ссылаемся непосредственно на старшего инспектора Хёрста, проницательность которого, как мы знаем,

такова, что нет причин сомневаться в его выводах: «Дьявольские планы нашего убийцы теперь кажутся ясными: этого молодого человека устранили, чтобы убийца смог занять его место, обольстить девушку и тайно жениться на ней, – отметим, что у этого «молодожёна» нет никакой семьи, которая могла бы его опознать, а молодая женщина, само собой разумеется, не погибла в результате несчастного случая, а была убита им после того, как её жизнь застраховали на значительную сумму. Как только страховка была выплачена, наш человек исчез, вернувшись к своему нормальному облику. Это – идеальное преступление, которое невозможно отследить. Следует опасаться, что две другие жертвы убийцы с кислотной ванной, также «молодожёны», которые получили большие страховые суммы после «случайной» смерти их жён. Всё, что мы можем сказать об убийце пока: он относительно молод, довольно обольстителен и относительно богат, получив премии за три страховых полиса».

Андреа отложила газету и глубокомысленно заметила:

– Это напоминает мне кое о чём.

– Прости, что?

– Если этот инспектор полиции прав, те преступления столь же макиавеллевские, сколь и изобретательные. Убийца занимает чьё-то место, совершает преступление в новом обличье, присваивает страховку, а затем исчезает. Найти его столь же трудно, как иголку в стоге сена. Действительно очень изобретательно.

– Ты сказала, что это тебе что-то напоминает?

Андреа ехидно улыбнулась:

– Думаю, что знаю, где убийца черпал вдохновение.

После чего, не дав мне ответить, она резко встала и исчезла через французские окна. Две минуты спустя она вновь появилась, держа в руках детективный роман, который протянула мне:

– «Семь исчезнувших женщин» Айвена Хайлендера. Там есть всё. Весь сюжет основан на этом трюке. Убийца меняет свою личность и заставляет жертвы исчезнуть в кислотной ванне.

На задней странице обложки имелась фотография указанного Айвена Хайлендера, старающегося выглядеть как можно таинственнее. Ему не пришлось слишком стараться. Человек около шестидесяти с тёмными волосами, непостижимым выражением лица и окладистой бородой. Я пролистал книгу, положил её на стол и ответил:

– Я всегда задаюсь вопросом, почему этот мусор так популярен.

– Этот мусор, – парировала Андреа, – по крайней мере, служит поставленной цели. В любом случае, нравится тебе это или нет, Айвен Хайлендер действительно гениальный писатель.

– ...кто подсказывает убийцам идеи для преступлений, если я правильно тебя понял.

– Если бы преступник не выбрал этот способ, то выбрал бы другой.

– Послушай, Андреа. Я не эксперт в криминологии, но действительно знаю: растворение жертв в кислоте – совсем не ново. Разве не помнишь дело Хейга¹ – не прошло и десяти лет? Что касается убийства кого-то из-за страховки, это тоже не оригинально. Нет, думаю, ты впустую тратишь время, читая эту ерунду.

– А что, если эта «ерунда» мне нравится? У меня есть все книги Айвена Хайлендера, и я горжусь этим!

– Знаю! Из-за твоей привычки разбрасывать их повсюду этого трудно не заметить. Давай поговорим о чём-нибудь другом!

Она бросила на меня косой взгляд:

– О твоей знаменитой фотографии?

– Почему нет?

– Знаешь что, я...

Я встал, не оставив ей времени для ответа. Мне показалось, что в голосе промелькнули нотки сарказма. Теперь была моя очередь пройти через французское окно в гостиную и взять «Хозяйку поместья», которую купил неделю назад. Неделю, в течение которой я изучил фотографию на обложке так, что чуть не ослеп. Без малейшего результата. Часами я вглядывался в изображение и ломал голову, но тщетно. Ни малейшего намёка на узнавание. Андреа даже помогала мне. Или, по крайней мере, пробовала. Фактически, она мешала, а не помогала моему самокопанию.

Я всегда скрывал от неё добрую часть себя самого и собирался поступать так и впредь. Всё равно, я старался не

1 Джон Джордж Хэйг – британский серийный убийца. Также известен под прозвищем «Убийца с кислотной ванной». Хэйг убил шесть человек, трупы которых растворял в серной кислоте. Совершал практически недоказуемые убийства, однако сам признался в них из жадности славы.

отклоняться от правды слишком далеко, чтобы не смущать её. В любом случае в моей юности не было ничего, что стоило скрывать, и я уже рассказал жене о ней, придерживаясь фактов. Однако Андреа считала, что именно эта часть моей жизни связана с фотографией, и сумела меня в этом убедить. Мы шли по этому следу какое-то время, но без успеха. Мои первые годы на земле поражали банальностью: грустное детство в бедности. Но более того: я согласился на исследование своего далёкого прошлого без энтузиазма потому, что подсознательно сомневался, что там есть, что искать. Короче, сейчас я знал ничуть не больше, чем когда странная обложка книги, можно сказать, ухватила меня за горло.

Я вернулся к своему стулу и вновь погрузился в тщательное изучение снимка. Глубокое и молчаливое. Я чувствовал, что Андреа хочет поговорить со мной. Она смотрела в пол и нервно потирала руки. Но, когда она, наконец, решилась, её слова удивили меня:

– На днях я повстречала мистера Морриса. Ну, примерно неделю назад. Ты его знаешь?

– Парень, который только что открыл в деревне магазин старинных безделушек?

– Да.

Я повернулся, чтобы посмотреть на Андреа, уставившуюся на свой указательный палец, которым она водила по краю стола.

– Этот тип – один из твоих друзей? – продолжал я.

– Да. Я имею в виду, немного.

– У него мрачный вид. Он напоминает мне стервятника.

– Да, возможно. По крайней мере, таково первое впечатление. Но он действительно очень мил.

– Очень мил, да? – повторил я глубокомысленно. – А не будет ли с моей стороны слишком нахально спросить, о чём это вы беседовали?

– Фактически мы говорили о тебе.

– Обо мне?

– Да. Ну, о твоей проблеме. Картине, которая беспокоит тебя. Он очень заинтересовался.

Я сидел, вытянувшись в струнку, совершенно ошеломлённый.

– Ты рассказала об этом? Ему? Этому человеку. Но... но почему, ради Бога?

Андреа опустила глаза:

– Он сказал, что может тебе помочь...

Я едва узнал собственный голос, совладать с которым мне удалось с большим трудом из-за смеси гнева и удивления.

– Помочь мне? Но как?

– Достигнув самых глубоких провалов твоей памяти. Куда сам ты не можешь попасть. *Он* может. Или, по крайней мере, он может помочь тебе туда добраться. Мистер Моррис не только продавец старинных безделушек. В свободное время он – практикующий гипнотизёр...

4

На втором этаже дома Джейкобса два освещённых окна бросали слабый свет в тёмный сад. Облокотившись на один из подоконников, Паула в тишине пристально смотрела на зелень, скрытую от любопытных высокими стенами, – она скорее чувствовала, чем видела. Девушка наизусть знала территорию. Дорожка, которая начиналась от подъезда, шла дугой, проходя перед великолепным лавром, и сворачивала налево к восхитительной беседке, покрытой вьющимися растениями, прежде чем завершить круг и вернуться к подъезду с его почтенной глицинией.

Свежесть воздуха бодрила, но запахи приглушала вечерняя сырость. Паула не замечала влажности или холода, поскольку привыкла сидеть там, когда вспоминала о дорогом человеке, покинувшем эту землю.

Амелия Джейкобс, её мать, её новая мать с тех пор, как девушка пересекла порог этого дома, женщина, которую она считала своей настоящей матерью, та, которая уделяла больше внимания ей, чем собственным сыновьям. Почему Бог взял такого хорошего и доброго человека? И таким ужасным образом?

Никогда не сможет она забыть подлое убийство, ту трагическую ночь, когда привлечённая криками мистера Хаармена, она высунулась из этого самого окна... Никогда не забудет она безжизненное, ужасно искалеченное лицо и кровавую руку, сжимающую цветы... Никогда. Такое могло совершить лишь демоническое существо.

Как описать то, что произошло затем? Дом погрузился в глубокое отчаяние. Самым стоическим был, возмож-

но, сам мистер Джейкобс, который несомненно черпал силы в глубокой вере. Адам просто сорвался с катушек, постоянно поминая предвестника несчастья Этмора, и проклинал хироманта, без которого ничего не случилось бы. Зачем миссис Джейкобс пошла к нему? По этому поводу Паула знала кое-что, чего не знал Адам, и она решила хранить это в тайне, поскольку мать пошла к предсказателю исключительно из-за сына, Адама, который причинял ей большое беспокойство. Какое будущее ожидало молодого человека двадцати четырёх лет, думающего лишь о развлечениях? Фактически Джек Этмор почти не говорил со своей клиенткой об Адаме. С другой стороны, собственное будущее её, Амелии Джейкобс, казалось весьма угрожающим, и он не скрыл свои страхи по поводу ближайших нескольких недель. Вспомнила ли Амелия Джейкобс это предупреждение, когда увидела той ночью приближающихся убийц?

Паула часто задавала себе такие вопросы, поскольку очень любила свою «настоящую мать». Амелия Джейкобс была очень красивой женщиной. Мягкость её облика отражала её большую любовь к детям, природе и цветам. Паула закрыла глаза и сразу увидела светлую прозрачную фигуру, одетую в белое и сидящую в беседке прекрасным солнечным днём. Беседка была её идеей. Именно по её совету Гидеон нарисовал проект, и она сама выбрала растения, которые рассадила вокруг. Приятное сочетание цветов, горячий аромат роз, тонкий и несравненный запах жимолости, – все эти ароматы возвращались каждый раз, когда девушка вызывала образ покойной. Кто мог не любить Амелию Джейкобс?

Больше всех переживал Джонас, и только Бог знает, что с ним случилось. Он исчез спустя несколько дней после смерти матери. Исчез, словно покинул планету. В одно прекрасное утро его кровать оказалась пуста, и никто с тех пор его не видел.

Большие голубые глаза Паулы наполнились слезами.

Джонас... Она всё ещё очень любила его. Конечно, она поняла глубокое отчаяние, которое он почувствовал, узнав ужасную новость, но после этого?.. Почему он ничего не сказал ей? Почему не связался с ней с тех пор? С ней, Паулой, которую он, как говорил много раз, так любил, так хотел жениться на ней. Только смерть могла объяснить его молчание... в течение двух лет. И всё же Паула отказывалась верить в худшее; она надеялась, что однажды он вернётся живой, очень живой. Что она снова увидит его обаятельную улыбку, маленькие усики и добрые глаза, как у матери. Это было её самым горячим желанием. Ночь за ночью начиная с его исчезновения, она открывала окно своей комнаты, закрывала глаза, вновь переживала прошлое и молилась, чтобы Джонас вернулся.

Внезапно позади неё послышались шаги, и она испуганно обернулась. У подошедшего сзади Адама Джейкобса было несколько секунд, чтобы восхититься её тонкой фигурой и изящным изгибом шеи под богатством волос.

– О, это ты, Адам! Боже мой, как ты меня напугал! Не мог постучать, прежде чем войти? – добавила она, стараясь не выглядеть слишком суровой.

Адам спокойно приблизился к ней, неся ироническую улыбку, которая никогда не покидала его лица. Он напоминал своего брата, но был немного меньше. У обоих были тёмные волосы, как у отца, но лица отличались: взгляд Адама были жёстким и вызывающим, его брат был спокойным и мечтательным. Джонас всегда относился к учёнию серьёзно, Адам сменил несколько школ из-за плохого поведения. Он жил ночной жизнью и водился с сомнительными компаниями. Само собой разумеется, он был постоянным клиентом «Принцессы Элис». Любил лошадей и его часто видели на скачках, где, по его словам, он считался успешным профессиональным игроком, – вероятно, так и было, поскольку пособия отца, каким бы

щедрым оно ни было, явно не хватило бы для жизни, которую он вёл. Женщины, естественно, занимали значительную часть его досуга, но он стремился к одной...

– Я просто хотел пожелать тебе спокойной ночи, – сказал он, кладя руку ей на плечо.

– Знаю я тебя! Опять попытаешься поцеловать меня.

– Паула, успокойся. Можно подумать, что моё присутствии тебе неприятно.

– Разве это удивительно? У тебя в голове лишь одно.

Адам спокойно сел на край кровати, озираясь и играя перстнем на правой руке.

– И что? Разве это преступление – безумно любить тебя?

Она сердито пожала плечами.

– Всё ещё думаешь о Джонасе, не правда ли, моя маленькая Паула? Подумай о том, что делаешь. Ты не можешь оставаться такой всегда, тоскуя по нему, в то время как он...

– Он всё ещё любит меня, я знаю! И скоро вернётся, вот увидишь!

– Уже прошло два года. Если бы он любил тебя...

– Он любит меня, – настояла Паула и добавила после небольшой паузы: – Единственное объяснение – с ним что-то случилось.

Адам встал и задумчиво посмотрел на свою красивую сестру.

– Именно это я и пытаюсь сказать тебе в течение многих месяцев.

С этими словами он вышел из комнаты, решив, что лучше оставить девушку наедине с её мыслями.

«Скоро она будет моей, – самодовольно думал он. – Добрый старина Джонас, ты сделал мне большое одолжение, предоставив свободу действий».

Если честно, Адам считал, что брата уже нет в этом мире. Он знал, слишком хорошо знал, что, если бы было иначе, Джонас вернулся бы давным-давно: он слишком

сильно любил Паулу. Адам с горечью вспомнил о тех годах, когда они с братом соперничали друг с другом. Сначала это была лишь детская игра. Но позже Джонас заставил его потерпеть оскорбительное поражение. Фактически Джонас победил во всём. Он был любимцем семьи и особенно матери.

Однако где-то в голове Адама гнезвился червь сомнения. Конечно, вся логика указывала, что брат давно погиб, но часто Адам представлял его в другой стране, где он оказался по некоторой таинственной причине и ожидает подходящего момента, чтобы вернуться. Его исчезновение было настолько внезапным, настолько неожиданным... Из комнаты пропало лишь несколько личных вещей. Немного: только самый минимум, необходимый для путешествия.

Рассматривалась и возможность самоубийства, поскольку Джонас обожал мать и почти сошёл с ума от горя после её гибели, – но человек, планирующий самоубийство, взял бы с собой смену белья?

Паула будет принадлежать ему: Адам этого хотел. Прежде всего, он пылко желает её. Годы тоски усилили его сантименты и чувства. Она будет его женой. Она и никто другой. У него были все женщины, которых он хотел. Кроме неё.

Час приближается, он в этом уверен. Адам знал, что она не испытывает к нему ненависти и что память о брате – единственное препятствие. Скоро у Паулы не останется сил, чтобы сопротивляться ему. Он нашёл превосходный ответ для её упреков в его поведении: он просто топит своё горе в вине. Это позволило ему проводить своего рода шантаж: она должна его спасти, чтобы он мог вести достойную и респектабельную жизнь.

Так как Паула редко покидала дом, не было никаких соперников. Иногда он подозревал, что чувства Чарльза Хаармена больше простой привязанности и беспокойства о

её благополучии. Но Адам действительно не рассматривал его в качестве соперника, поскольку в нём не было ничего от Адониса – даже при том, что душа в несчастьи легко может подпасть под обаяние доброты и участия, – но он боялся, что Хаармен может дать ей плохой совет. Другими словами, дискредитировать его, Адама, в глазах Паулы, и предостеречь её, чтобы она держалась от него подальше. Он хорошо знал Хаармена, но не как друга семьи, а как владельца «Принцессы Элис». До настоящего времени Адам всегда считал его добрым малым, но сейчас следует вести себя с ним осторожнее.

Пока Адам был занят своими мыслями, он дошёл до середины коридора, погружённого в темноту. Только кабина лифта слегка подсвечивалась светом с первого этажа. В доме, казалось, стояла гробовая тишина, но внезапно он услышал слабый звук музыки, идущий из-за дверей комнаты отца.

Недавняя уборка не смогла устранить затхлый запах в магазине старинных безделушек. Двери и оконные рамы находились в плачевном состоянии, половицы скрипели на каждом шагу, а стропила опасно прогнулись. Выставленные товары состояли из старых дешёвых мелочей, скучных и банальных, как и их владелец, который, казалось, провёл здесь всю жизнь, хотя, как известно, он въехал сюда недавно. Худощавый и слегка смуглый, глаза его постоянно бегали, если он не смотрел на какой-нибудь предмет, – в этом же случае взгляд его становился странно неподвижным. Тёмная борода, густые брови и старомодный тёмный пиджак делали его старше, чем он был. В голосе слышалась странная хрипотца, но, так или иначе, слушать его было приятно.

Почему я последовал сюда за Андреа? Я и сам едва понимал почему. Мысль, что я ничего не теряю, заставила меня в конечном счёте уступить после двух дней уговоров.

Грэм Моррис пригласил нас в небольшую гостиную, соседнюю с магазином. Это была тёмная, старомодная комната, но очень уютная – с ситцевыми занавесками и подушками с тем же цветочным узором. Он пригласил меня сесть в единственное кресло в комнате, достаточно мягкое, и я сразу почувствовал себя непринуждённо. В то время как Андреа села поодаль, он приблизился и встал прямо передо мной. Затем он попросил меня описать всё, связанное с фотографией.

– Что бы вы не делали сейчас, мистер Брейд, не спешите, – сказал он успокаивающим тоном. – У нас полно времени. Попробуйте быть как можно точнее – это самое важное.

Мне потребовалось чуть меньше четверти часа, чтобы перечислить факты, в то время как Грэм Моррис слушал с большим интересом, не произнося ни слова. После того, как я закончил, он некоторое время о чём-то размышлял, а затем спросил:

- Вы принесли с собой фотографию?
- Да, конечно. Я вырезал её из обложки.

С этими словами я достал из внутреннего кармана сложенную картонку, в которую была аккуратно вложена фотография, и передал ему. Он рассмотрел её тщательно и пристально, но на лице не дрогнул ни один мускул, а затем попросил меня описать её.

- Описать её? Но она же у вас перед глазами!
- Именно ваши глаза должны говорить, понимаете?
- Хорошо, – согласился я. – Откуда начать? Есть несколько зданий, улица, внизу перекрёсток, несколько людей, телега и... думаю, вот и всё.
- Всё?

– Разве есть что-то ещё?

Он изогнул губы в намёке на улыбку, а затем объявил:

- Думаю, мы начнём сеанс прямо сейчас. Если вы готовы.
- Да, если вы гарантируете, что нет никакого риска.
- Не волнуйтесь. Нет ни малейшего риска. Я занимаюсь гипнозом много лет, и всё проходило без сучка и задоринки. Однако должен вас предупредить, что некая опасность существует, особенно в вашем случае.

– Опасность?

Грэм Моррис наклонился, пристально посмотрел на меня и сказал торжественным тоном:

– Пожалуйста, поймите. Ни один из нас не знает, куда мы прийдём. В дальнем уголке вашего мозга имеется запретная зона, где находятся вещи, про которые лучше не знать. Другими словами, то, что мы сможем вытащить на поверхность, может оказаться вредным для вашего умственного равновесия. В этом и состоит опасность. Не всегда хорошо

знать всё. Именно поэтому я хочу получить ваше согласие, предупредив вас заранее, прежде чем ситуация станет необратимой.

Удивлённый и немного смущённый, я увидел, что Андреа бросает на меня умоляющий взгляд. В любом случае я не мог пойти на попятный, и моё любопытство пробудилось до такой степени, что подавило все другие чувства. Но уже на той стадии мои инстинкты подсказали мне, что впереди опасность. Тем не менее, я кивком подтвердил своё согласие. Жребий брошен.

Грэм Моррис выпрямился, подошёл к комоду, включил стоящую там маленькую лампу и задёрнул шторы на единственном окне, погрузив комнату в желанную полутьму. Меня усадили спиной к источнику света. Нежного, слабого света, в котором всё, что я мог видеть у Андреа, это её светлые волосы... Почти золотые, как кольцо, которое Моррис только что снял с безымянного пальца правой руки и подвесил на тонкой цепочке, которую достал из кармана. В гробовой тишине он начал вращать кольцо на цепочке и поднёс к самым моим глазам, почти касаясь их. Блестящее движущееся кольцо описывало золотой круг, ярко сияя в полутьме...

Голос Грэма Морриса, казалось, доносился откуда-то издалека:

– Не отрывайте взгляда от кольца, мистер Брейд. Не теряйте его из виду ни на секунду. Это очень важно. Вы должны сосредоточить на нем всё внимание.

Всё, что я мог видеть, это медленное вращение кольца и сопутствующие золотые вспышки. Всё остальное в комнате, включая людей, исчезло.

Монотонный голос Морриса не отпускал меня:

– *Ваши глаза затуманиваются, они моргают, они хотят закрыться....*

Мои веки стали тяжёлыми, очень тяжёлыми. Но я сопротивлялся.

– Они хотят закрыться... они закрываются....

Я сопротивлялся ещё несколько секунд, но это было бесполезно. Чёрный занавес упал, и я тут же почувствовал облегчение.

– Вы ничего не чувствуете вокруг вас, ваши глаза закрыты, больше нет никакого света. Вы больше ничего не можете чувствовать. Вы не можете слышать ничего, кроме моего голоса... моего голоса, который направляет вас... Вы расслаблены, неподвижны, но немного покачиваетесь... Словно плывёте в пространстве... Вы готовы совершить путешествие, очень длинное путешествие...

– ...Мой голос направляет вас... Теперь просыпайтесь. Можете открыть глаза.

Слабый жёлтый свет нарушил темноту. Я протёр глаза, открыл их и узнал силуэты продавца безделушек и моей жены. Через несколько секунд картинки стали почти чёткими. Андреа улыбалась, но я чувствовал, что она напряжена. Моррис же был спокоен и совершенно уверен в себе.

– Итак? – спросил я.

– Всё прошло очень хорошо, мистер Брейд, – ответил он с приятной улыбкой. – Всё же могу сразу сказать вам, что мы не продвинулись далеко и необходимо ещё несколько сеансов. Вы произнесли лишь несколько слов, но повторяю, всё прошло очень хорошо. Я совершенно уверен в успехе нашего исследования.

– Несколько слов? – воскликнул я. – О чём я говорил?

Моррис на мгновение задумался.

– Несвязные вещи, которые, вероятно, ничего не значат для вас.

– Но что? – настаивал я.

– Ну, если хотите знать... – Он поиграл кольцом. – Вы говорили о нескольких музыкальных нотах.

6

В своей мастерской, занимающей три большие комнаты на этаже, Гидеон Джейкобс сконцентрировал все внимание на новом проекте, который он только что изобразил в виде эскиза. План строительства группы замечательных зданий – строгих и скромных, которые предоставили бы приличное жилье нескольким сотням человек, в настоящее время прозябающих в жалких условиях. Этот последний момент крайне важен. Казалось, Гидеон Джейкобс – единственный, кто это заметил. Но похоже, никто не был готов поддержать его. По крайней мере, из тех, у кого были нужные средства. Прошли годы, и он больше не испытывал иллюзий. Более, чем вероятно, что он вновь получит отказы. Однако в своей профессии он пользовался уважением. Его, как состоявшегося предпринимателя, очень ценили за качество работы. Но как только речь заходила о низкой прибыли или рискованности проекта, на поддержку можно было не рассчитывать. Его считали своего рода чудачком: как это его угораздило жить в квартале с такой плохой репутацией?

Но этот дом был Гидеону дороже всего на свете. Его построили его предки с заботой и вниманием, которые присущи только настоящим мастерам. Они здесь жили, работали и молились, и он всё ещё мог чувствовать их присутствие в стенах и старой мебели. Да, этот дом говорил о прошлом, но также и о недавнем прошлом, когда Амелия была всё ещё жива... Он встал и перешёл к комоду, на котором стояла маленькая лакированная шкатулка с перламутровыми инкрустациями. Он с обожанием смотрел на неё, прежде чем осторожно открыть крышку.

Появилась танцовщица и стала медленно вращаться под звуки нежной мелодии.

С мечтательной улыбкой, редко освещающей его суровые черты, он подошёл к креслу с подголовником, стоящему у окна, и уселся. Музыкальная шкатулка была подарком от Амелии незадолго до трагедии, и эти звуки были самым ярким воспоминанием о ней. Он закрыл глаза.

Амелия... Как счастлив он был с ней. Она осветила его существование светом, который он никогда больше не увидит, – по крайней мере не в этом мире. Она была воплощением радости, совершенства и очарования. Был ли кто-нибудь изящнее, чем она? Часто она была в белом, когда он видел её в саду, – её лицо чуть в тени от широкополой шляпы, которую она всегда носила в ясную погоду, когда играла с детьми, одновременно обучая их названиям растений и их секретам. Часто она приходила отдохнуть в беседку, окружённую каскадом цветов, тонкий аромат которых она несла с собой в дом. Было чудом просто видеть её, столь наполненную жизнью и счастьем.

Да, они были счастливы вместе. Если бы Бог позволил, то Адам и Джонас не были бы их единственными детьми. Амелия так хотела маленькую девочку. День, в который Хаармен привёл в их жизнь юную Паулу, навсегда останется в его памяти. Они полюбили её с первого взгляда. Жизнь Амелии заполнилась...

Гидеон Джейкобс открыл глаза. Музыка только что смолкла. Этот подарок казался вещью из отдалённого прошлого. Когда Амелия ушла, она унесла с собой все счастливые моменты, и с тех пор жизнь его казалась лишь чередой испытаний и препятствий.

Особенно беспокоил его Адам. Он был бездельником, вставшим на очень скользкую дорожку. Сейчас ему двадцать четыре и самое время изменить жизнь. Паула беспокоила его не меньше. Сидит в комнате, вновь переживая прошлое. Ничто не может заставить её выйти из дома.

К счастью, Чарльз время от времени навещает её, стараясь рассеять мрачные мысли. Гидеон не знал, что и думать о возможном союзе между Паулой и Адамом. С одной стороны, это могло быть благотворно для сына, но с другой, всё могло закончиться катастрофой, особенно для Паулы. Брак между нею и Джонасом, с другой стороны, был бы идеальным выходом. Но Джонаса здесь больше нет. Исчезновение матери стало для него сокрушительным ударом. Но где же он? И когда вернётся?

Гидеон Джейкобс был не из тех, кто легко принимает поражение. Несмотря на всё своё горе, он был уверен в будущем семьи. Джонас вернётся, сомнений нет. Он женится на Пауле, и тёмные облака над их домом быстро рассеются.

7

– Несколько музыкальных нот? – эхом отозвался я, не скрывая удивления. – Откровенно говоря, мне это ничего не напоминает. И это всё?

Грэм Моррис уставился на своё кольцо.

– Нет, но это та часть, в которой мы уверены. Вы говорили несколько раз о каких-то музыкальных нотах, о нежной мелодии. Вы также произнесли нечто, напоминающее цветок.

– Да, – подтвердила Андреа. – Цветок, кажется, сиреневый цветок... А также... – Она немного побледнела. – Ну, мы не совсем уверены...

Она попыталась встретиться взглядом с Моррисом, но он упорно смотрел в пол.

– Да, что ещё там было? – потребовал я, заинтригованный их колебаниями.

– Вы сказали некое слово, – наконец, ответил Моррис, – слово, которое напоминало «убийство». Но мы не абсолютно уверены в этом, не правда ли, миссис Брейд?

Андреа подтвердила его слова энергичным кивком:

– Правильно, совсем не уверены.

Повисло молчание, во время которого я попытался стряхнуть наваждение, но напрасно. «Нежная мелодия, синий цветок и убийство», – вот всё, о чём я мог думать. Я ощущал смутную связь между этими тремя словами. «Убийство». Могло ли случиться так, что именно это я пытался любой ценой вычеркнуть из памяти?

– У вас уже сформировалась версия, мистер Моррис? – спросил я.

Он яростно покачал головой:

– Версия? Думаю, ещё немного рановато делать какие-либо выводы. На данном этапе это – чистое гадание.

– Значит, никакого намёка?

– Единственное, в чём я уверен, это что существует нечто из очень отдалённого прошлого, воспоминания, которые ваше подсознание пытается вытеснить. Отвратительные воспоминания.

– Отвратительные воспоминания, – повторил я. – На чём вы это основываете?

Он искоса посмотрел на меня:

– Убийство – едва ли нечто приятное.

– Убийство? Но вы только что сказали мне, что не уверены даже в том, что я произнёс это слово.

– Вы спросили моё мнение, мистер Брейд. Я ответил, что пока нет ничего надёжного.

– И почему воспоминания из *очень отдалённого* прошлого?

– Это совсем другое, – несколько напыщенно ответил хозяин магазина старинных безделушек. – Есть ведь ещё и фотография, мистер Брейд, не забывайте. Та самая фотография, которая лежит в основе всех ваших вопросов и которую, как ни странно, ваше сознание совершенно не может понять. Всё же часть вашего мозга схватила подробности очень хорошо. Ваше подсознание дало превосходный анализ. Часто оно действует лучше. С другой стороны, наши глаза часто вообще не видят ничего, что происходит. У этих органов есть неудачная привычка делать поспешные выводы. Они машинально собирают увиденное, используя лишь фрагменты изображения, и воссоздают то, что, как они *верят*, является этим остальным. Именно это происходит, когда мы читаем: стоит принять лишь первые две или три буквы, и остальные додумываются, исходя из контекста. И всё же мы немедленно готовы поклясться, что прочли то или иное слово целиком.

– Если я правильно понял, я сделал ту же ошибку, когда смотрел на фотографию. И именно это не дает мне ясно видеть?

– Что происходит в нашем мозгу, намного сложнее. Это был лишь пример, который справедлив, конечно, и для наших других чувств. Но мы удаляемся от темы. Сейчас, когда я попросил вас описать фотографию, вы вообще не обратили внимания, когда она была сделана. А она довольно старая.

– На самом деле я это отметил.

– Но вы этого не сказали. Вы отнеслись к этому, как к чему-то незначительному. Фактически же, мистер Брейд, это может быть очень важным. Почти нет сомнений: то, что вас «беспокоит», тянется очень далеко в прошлое.

Я достал из кармана фотографию и показал её ему. Андреа подошла ближе.

– Я исследовал её больше недели, – сказал я, – и поверьте, этот момент от меня не укрылся. Кроме того, очевидно, что фотография сделана в последние годы правления королевы Виктории или при Эдуарде. Другими словами, прежде, чем я родился. За двадцать лет до этого, по меньшей мере. Даже по самым оптимистичным оценкам. Таким образом, это не вопрос возраста...

– Боюсь, тут вы неправы. Тонкий момент о возрасте становится очевидным только после тщательного исследования, скажем, после долгого рассматривания... то есть, *впоследствии*. Но вспомните, ваше «странное» чувство было немедленным. Оно было самопроизвольным, и это важно. И именно поэтому я считаю, что возраст фотографии может быть настолько важен. Это не бесспорно, конечно, но очень вероятно. По моему мнению, «отвратительное воспоминание» относится к событию, случившемуся десять или двадцать лет назад.

– Десять или двадцать лет назад, – задумчиво повторил я.

– То есть, когда тебе было от восьми до восемнадцати лет, – весело вмешалась Андреа.

– Восемнадцать лет! – воскликнул я, внезапно подхваченный горячим потоком.

Улыбаясь, Грэм Моррис посмотрел мне прямо в глаза:

– Думаю, если вам было в то время восемнадцать лет, у вас не возникнет никаких трудностей вспомнить это, если только... вас что-то беспокоит, мистер Брейд? Вы внезапно словно отделились.

– Джон, – воскликнула Андреа, – похоже, ты только что вспомнил что-то!

Повисло долгое молчание, во время которого я пытался придумать, как бы избежать ответа на вопрос. Очевидно, они оба заметили моё смятение. Но я был уверен: то, о чём я думаю, никак не связано с фотографией. Кроме того, это было первое, что мне пришло в голову, когда я увидел её. Это потрясло меня или, возможно, бросило, если быть более точным, в самые глубины моего я.

– Я не уверен, – сказал я наконец. – Я имею в виду, ваше рассуждение о моём первом впечатлении и возрасте фотографии, конечно, логичны, но я чувствую что-то ещё дальше в прошлом, чем десять или даже двадцать лет.

– Давайте посмотрим, – прикинул он, – ведь вам не больше тридцати лет, правильно? Двадцать восемь фактически?

– Правильно.

– Так что вы пытаетесь сказать? Что мы должны посмотреть на время, когда вы были очень молоды? – Он бросил на меня взгляд, задумчивый и озадаченный одновременно.

Я пожал плечами.

– У меня создалось впечатление, что всё это случилось очень давно, – повторил я, испытав новый горячий поток. – Это – всё, что я могу сказать.

Он кивнул и продолжил рассматривать фотографию.

– Могу вас уверить, наш первый сеанс был довольно ободряющим, мистер Брейд. Но вам придётся прийти снова, если вы всё ещё хотите добраться до сути всего.

– Более чем когда-либо, – машинально сказал я, но несколько осторожнее, чем в первый раз, поскольку кто знает, какие слова могут слететь с моих губ во время одного из этих сеансов?

– Тогда посмотрим, куда это нас приведёт, – ответил он. – Между прочим, мистер Брейд, вы заметили, что именно везёт тележка?

– Да... думаю, бочонки.

– Там очень неотчётливо, но, вероятно, это они. Можно смутно различить знак паба на углу улицы. Готов держать пари, что это – бочонки с пивом. А там, чуть впереди, под портиком – мужчина в форме.

– У вас превосходное зрение, мистер Моррис.

– Не жалуясь, – ответил он, всё ещё глядя на фотографию. – На нём фуражка. Должно быть, это почтальон на маршруте.

Боб Стивенс вошёл в крытый проход, ведущий к Айриш-корт. Походка была лёгкой, и он насвистывал. Поскользнувшись на влажных булыжниках, он чуть не уронил сумку, полную писем. «Мерзкая погода, – подумал почтальон. – Кто поверит, что уже середина мая?» Он был готов держать пари, что почти подморозило. К тому же, мрачное утро началось со странного письма, которое он держал в руке. Дрожащая рука написала заглавными буквами: МИСТЕРУ ДЖЕКУ ЭТМОРУ, 4В АЙРИШ-КОРТ, ЛОНДОН E1, и сбоку по диагонали: ОЧЕНЬ СРОЧНО, что, само по себе, никак не влияло на скорость доставки. В любом случае быстрее доставить было невозможно, а штамп доказывал, что письмо отправили предыдущим вечером. Это была часть последней выемки из одного из местных почтовых ящиков. В этом, конечно, не было ничего необычного. Станным было имя отправителя, которое написала на обратной стороне та же неуверенная рука, но меньшими буквами: ДЖЕК ЭТМОР, 4В АЙРИШ-КОРТ, ЛОНДОН E1.

Джек Этмор послал срочное письмо сам себе!

Боб Стивенс появился из крытого прохода на небольшой площади Айриш-корт, серой, узкой и зловещей. Тем ранним утром в клочьях тумана она была пуста. Не было даже кошки. Никто не ступал здесь в этот час. Большинство жителей было не из тех, кто встаёт ни свет, ни заря. Включая Джека Этмора, который редко встречался с кем-либо, кроме как на консультациях во второй половине дня или вечером. Его контора была расположена в задней части площади слева, на углу узкого переулочка, который обеспечивал второй проход на площадь. Над большим эркером позолоченными буквами на доске, выкрашен-

ной в зелёный цвет, можно было прочесть: «Джек Этмор, Хиромантия, Гадание, Предсказания».

Боб Стивенс редко видел его во время своих обходов, но знал, как тот выглядит: бородатый, сутулый, средних лет и со странным взглядом. Он жил здесь больше двух лет, в течение которых его репутация ясновидца постоянно укреплялась. Никто здесь не забыл печальной судьбы миссис Амелии Джейкобс, трагедию которой он предсказал за несколько недель до событий. Это случилось два года назад.

По спине почтальона пробежала холодная дрожь, которая не имела ничего общего с температурой. Ему не нравился Джек Этмор. Обычно он считал его неприятным и опасным. Но сегодня ещё и интригующим.

Достигнув конторы Этмора, он собирался уже бросить письмо через почтовую щель, когда заметил через эркер ясновидца, склонившегося над столом. Сама комната была достаточно странной: хотя она была большой и заполненной различными объектами, мебели было очень мало. Пыльные книги, картины с забытыми сюжетами, статуэтки, глобус и другие предметы вносили в помещение налёт таинственности, что вполне устраивало Джека Этмора.

Последний сидел, прижав к столу голову и грудь. Боб Стивенс предположил, что тот заснул за чтением, потому что перед сидящим лежала открытая книга. Тем не менее, сцена казалась необычно застывшей. И впервые почтальон видел его в такое раннее время.

Побуждаемый любопытством, он решил вручить письмо Этмору лично. Хотя бы, чтобы увидеть его реакцию. Он постучал в стекло. Никакого ответа. Он постучал снова немного сильнее, но с тем же результатом. Тогда он прижал нос к стеклу, чтобы рассмотреть человека, который так крепко спал.

Его бросило в дрожь. Рука, которую он мог видеть у груди, была неестественно сжата, а рот странно приоткрыт... Джек Этмор выглядел скорее мёртвым, чем живым.

Без колебаний Боб Стивенс выбил локтем стекло парадной двери и протянул руку внутрь, чтобы ухватиться за засов, который ему удалось сдвинуть. Он вошёл.

В просторной комнате было почти так же холодно, как снаружи. Когда он приблизился к Джеку Этмору, сердце сжалось. Никаких сомнений: мужчина мёртв. Поза, в которой он распластался на столе, отвратительная гримаса, обнажившая ряд маленьких белых зубов, контрастирующих с чёрной копной волос и густой бородой, и рука, схватившаяся за грудь. Из чувства долга и несмотря на отвращение, которое он чувствовал, Боб Стивенс схватил руку и немедленно отпустил: она была влажной и ледяной. Человек был мёртв уже нескольких часов. Это было очевидно.

Болезнь? Смерть от несчастного случая? Убийство?

Заметив волосы, спадающие на лоб и положение тела, он понял, что первые два варианта можно отбросить.

Значит, убийство? Боб Стивенс оглянулся. Инстинктивно он заметил нечто странное. Если это убийство, то преступник не мог уйти через дверь, в которую он только что вошёл. Подвижная верхняя часть эркера была заперта изнутри и, в любом случае, в образовавшуюся щель не мог бы пролезть даже ребёнок. Решив ещё раз всё проверить, почтальон нечаянно опрокинул ведро с водой, стоящее около одной из ножек стола. Это было странное место для ведра, но у почтальона были другие поводы для волнения.

После тщетного осмотра комнаты, он проверил два оставшихся места, куда убийца мог скрыться. Две двери. Одна открывалась в узкий переулок. Она была надёжно заперта на засов. Однако он отодвинул засов, открыл дверь и выглянул. Прямо напротив, по другую сторону переуллка, была дверь, ведущая в небольшой сарай, также принадлежащий Джеку Этмору. Но Боб Стивенс не стал тратить на него время. Он закрыл и запер на засов эту дверь из комнаты и обратил внимание на вторую, ведущую в осталь-

ную часть квартиры. Он двигался с некоторой опаской. Однако его страхи, скорее всего, напрасны, поскольку очень маловероятно, что он кого-то найдёт. Убийца никогда не остался бы на месте преступления так надолго...

Остальная часть квартиры состояла из трёх помещений: небольшая кухня, спальня едва ли большего размера и туалет – поверхностный осмотр показал, что там никого нет. Одна деталь, однако, не давала ему покоя: единственным возможным выходом было кухонное окно, но оно также было заперто изнутри!

Как убийца сбежал?

Не прошёл же сквозь стену? Тем не менее, это казалось единственным возможным объяснением. Но с такой жертвой вообще возможно всё.

Боб Стивенс собрался было идти в ближайшее отделение полиции, когда вспомнил про письмо.

Давайте условимся, что Боб Стивенс был честным работником, который никогда не нарушал ни одного из правил за все три года своей службы. Хотя он был по натуре любопытным человеком, как хорошо знали все его знакомые, он никогда не позволял себе подобного нарушения. Но дело Джека Этмора было слишком сверхъестественным.

Конверт был заклеен небрежно. Было слишком легко незаметно открыть его и вновь запечатать, облизав...

Что же написал себе Джек Этмор перед тем, как умер?

Боб Стивенс не мог сопротивляться. Он открыл конверт и вытащил одинарный листок бумаги, на котором той же рукой, что и на конверте, было написано:

Следует опасаться худшего, мистер Этмор. Ваши астральные знаки говорят ясно: вам угрожает большая опасность. Карты ещё более точны: они объявляют о вашей неизбежной смерти, возможно в следующие несколько часов.

Джек Этмор, Ясновидец

Прошло почти две недели с тех пор, как та тревожащая фотография вошла в мою жизнь, а я всё ещё ничего не знал. Глядя на неё, я всё ещё испытывал то же самое любопытное чувство, столь же яркое, сколь подавляющее, как будто моё горло сдавила раскалённая добела рука.

Этот странный продавец старинных безделушек надеется помочь мне? Даже не знаю, что и думать. Если честно, есть в нём что-то неотчётливое, но не очень приятное. Я не мог бы конкретизировать, но что-то в нём есть неестественное. Начать с того, что он старается избегать вашего взгляда или же смотрит на вас очень пристально. Есть также какая-то дерзость в его рассуждениях, в его хитром, ироничном отношении ко мне, словно он не испытывает никаких затруднений, проникая в мои самые сокровенные мысли. Кроме того, он считает меня посредственным наблюдателем. Это я-то посредственный наблюдатель? Я, для кого наблюдение – ключевой инструмент профессии? Это уже слишком!

Тот факт, что Андреа ценит его общество, был для меня ещё одной загадкой женской души. Но я не стал комментировать этот вопрос после нашего визита в его лавку. Если этот человек может помочь мне, почему не дать ему попытаться? Между прочим, следующий сеанс мы назначили на завтрашний вечер.

Чем дольше всё это продолжалось, тем сильнее путалось всё у меня в голове. Иногда, как я сказал Моррису, мне казалось, что неуловимые воспоминания лежат очень дале-

ко во времени. Так далеко, что они должны относиться к моим первым годам пребывания в этом мире, к периоду такому далёкому, что только подсознание могло сохранить некоторые смутные элементы. С другой стороны, сказал я себе, учитывая эмоции, которые они пробуждают, это могло относиться только к тому трудному периоду моей жизни, когда мне было восемнадцать.

Я думал обо всём этом, посматривая уголком глаз на Андреа, когда она читала (или, скорее, перечитывала) «Семь исчезнувших женщин» Айвена Хайлендера. Роман, в котором, как я вспоминаю, убийца заставляет семь тел исчезнуть в кислотных ваннах.

Что касается жены, я чувствовал, что ситуация становится всё более сомнительной. Я знаю, что неизбежно наступит день, когда она должна будет всё узнать. Но я с этим не спешил. В этом-то и был риск гипноза. Более чем когда-либо я должен попытаться быть осторожным.

С профессиональной точки зрения всё шло прекрасно. Я был в хорошей форме и преуспевал. До этого я никогда не полагался в такой степени на импровизацию, риск и инстинкт. «Чертовски хороший бизнес и чертовски умело управляемый, – радовался я про себя. – Мой мизинец говорит мне (а он никогда не ошибается), что скоро в мои сети упадёт небольшое состояние».

– По-твоему, – внезапно сказала Андреа, отложив книгу, – на кого похож этот преступник?

– Этот преступник? – переспросил я. – Какой преступник?

– Ты знаешь: тот, о котором пишут во всех газетах. Который избавляется от своих жертв в...

– Как я могу знать, на кого он похож?

Андреа оставила диван и подошла к книжной полке, куда бережно поставила роман.

– Я лишь интересуюсь, как ты его представляешь.

Я на секунду задумался:

– Высокий, строгий взгляд, густые брови, редкие волосы, почти лысый, длинная борода...

– Дорогой мой, как ты наивен! Ты только что описал Ландрю². Между прочим, так происходит всегда, когда полиция выслушивает свидетелей: у тех есть устоявшиеся представления, когда они описывают подозреваемых. У убийц всегда тёмные бороды, а у шпионов светлые волосы и очки. В девяти случаях из десяти – всё наоборот. В «Семи исчезнувших женщинах» то же самое: убийца совершенно не похож на общепринятый стандарт. Это... кстати, ты читал сегодняшнюю газету? Полицейские считают, что они установили личности двух первых жертв. И они нашли связь между ними и молодым Харви Стрэнджем. Но больше подробностей не сообщают.

– Да, знаю. Между прочим, это имя Харви Стрэндж...

– Да? – переспросила она, когда я бросил предложение на середине.

– Ничего, дорогая, ничего. Я устал. Сегодняшняя поездка на поезде казалась бесконечной. Я уснул.

– Я заметила это, когда увидела, как ты пришёл... Что случилось? Ты что-то ищешь?

Моего портфеля больше не было около кресла, но всё же я был уверен, что поставил его именно туда, когда вошёл.

– Мой портфель, – выдавил я. – Ты его брала?

– Да, я отнесла его в чулан. О Боже, я совершила преступление? Ты сейчас захлебнёшься от гнева! Прогуляйся-ка по саду, это пойдёт тебе на пользу. Можешь полить растения. Они хотят пить, а обед будет не раньше, чем через час.

Андреа доверила мне «закуток». Свидетельство заботы с её стороны, поскольку обычно она сама ухаживает за ним. Мы любили эту часть сада. Это было наше убежище, и мы часто пили там чай, словно влюблённые птенчики. Чтобы

2 Анри Дезире Ландрю (1869–1922) – французский серийный убийца по прозвищу «Синяя борода из Гамбе».

попасть туда, нужно пройти под аркой из жимолости, которая перекинулась на соседние тисовые деревья. Арка приводит к круглому пространству, где на кирпичах, потёртых от времени и в трещинах, заполненных мхом, стоит старый стол из кованого железа и два стула, выкрашенные в белый цвет. Поблизости находится небольшое здание, почти буквально скрытое растениями. Всё, что видно, это часть крыши, часть стены и тёмный проём там, где должно было быть окно. Только дверь ещё работает должным образом. Место, затенённое древним ясенем, с севера и запада ограничено увитым плющом палисадом, завоёванным необузданным клематисом, который представляет собой великолепное зрелище во время цветения. Сотни, если не тысячи небольших розовых и белых цветов, радовали глаз повсюду.

Гавань мира и спокойствия, где черпаешь вдохновение. Отставив лейку, я присел на несколько минут. Андреа также решила сделать паузу. Я мог видеть её через листву около забора, оживлённо беседующую со своим верным рыцарем Чарльзом Хеймером. Станный тип, подумал я. Его симпатия к Андреа и забота о ней иногда кажутся преувеличенными. Но в последнее время мне всё кажется странным.

Внезапно я заметил, что угол нашего дома огибает высокая фигура, которая, определив их местонахождение, направилась прямо к Андреа и мистеру Хеймеру. Это был мистер Мерлин, наш другой сосед. Я встал и присоединился к ним.

Мистер Мерлин был очаровательным человеком. Несмотря на преклонный возраст, он всё ещё был в здравом уме и следил за собой. Его посадки салата, как объяснил он, находятся в жалком состоянии, и он только что заметил, что израсходовал все средства от слизняков. У мистера Хеймера такие средства имелись. У мистера Хеймера всегда есть всё, если речь идёт о растениях.

На следующий день поздним вечером кольцо Грэма Морриса на конце тонкой цепочки в его пальцах вновь описывало маленький круг. Только одна свеча освещала небольшую комнату. Её пламя создавало множество золотых бликов на движущемся кольце, но лишь один в широко открытых глазах Джона Брейда.

– Вы полностью расслаблены, мистер Брейд, и совершенно спокойны. Вы слушаете только мой голос, сейчас вы ничего не видите.

Сидящая позади, Андреа нервно ломала пальцы, не отводя взгляда от мужа на диване. Она видела, как его глаза несколько раз моргнули, прежде чем закрыться. Мистер Моррис прекратил вращать кольцо, но продолжил говорить, медленно и монотонно.

– Дайте свободу духу, не ставьте себе никаких ограничений и попытайтесь вспомнить то, что вы сказали в прошлый раз о синем цветке...

Чтобы установить контакт с пациентом, гипнотизёру потребовалось несколько минут.

– *Синий цветок... да*, – пробормотал Джон Брейд. – *Красивый синий, почти сиреневый.*

– Да, вот именно, сине-сиреневый цветок.

– *Красивый букет сиреневых цветов... Боже мой, рука только что схватила их!*

– Рука? Чья рука?

– *Женщина, красавица, кто... кто... Это ужасно, остановитесь! Вы причиняете ей боль! Вы ее убьёте! Помогите! Помогите!!*

Андреа с умоляющим взглядом встала со стула, но Моррис приложил палец к губам и пробормотал:

– Что бы ни случилось, не прерывайте. Мы должны позволить ему говорить.

– Кто-нибудь, помогите этой женщине! – простонал Джон Брейд, метаясь на диване. – Они хотят убить её, убить её! Смотрите, они избивают её. Кто-нибудь, сделайте хоть что-то, ради Бога! О, Боже, она не двигается... Она мертва. Нет! Её рука дёрнулась. Она сжала глицинии... Она... нет, она снова упала... Теперь она мертва. Ужасно, ужасно! Она мертва... нет, я не хочу, чтобы это было так. Я... Нет!

Внезапно Джон Брейд перестал говорить. Он отчаянно покачал головой, прежде чем снова заснуть.

Андреа и гипнотизёр обменялись взглядами, и молодая женщина пробормотала:

– Это – сцена убийства... Он был свидетелем сцены убийства. Фотография напомнила ему об этом.

Грэм Моррис некоторое время молчал. Затем глубоко-мысленно взгляделся в лицо спящего молодого человека.

– Не знаю, – сказал он наконец. – Это возможно, но уверенности нет.

– Но должна быть связь, – настаивала Андреа Брейд.

– Связь? Конечно. Между любыми двумя вещами всегда есть связь. Но до какой степени? В этом и проблема.

– О, я действительно очень хочу знать, что его мучает.

Продавец старинных безделушек осторожно улыбнулся:

– Узнать, *кто* он фактически... и чем именно занимается.

Андреа медленно кивнула.

– Думаю, мы можем продолжить, – сказал гипнотизёр. – У него, очевидно, есть ещё многое, что нам рассказать.

Инспектор Уолтер Донован из Скотланд-Ярда был крупным мужчиной, плотным и импозантным, как и Гидеон Джейкобс, который согласился принять его в гостиной. Полицейский отрастил густую бороду, которую имел привычку нежно поглаживать всякий раз, когда его серое вещество сталкивалось с проблемой. Само собой разумеется, за сорок восемь часов с момента, когда ему поручили расследование смерти Джека Этмора, борода Донована была выглажена до совершенства. Но Уолтер Донован был спокойным и уравновешенным человеком, и его нелегко было привести в отчаяние.

– Это о деле Этмора, – объявил он, – как вы, наверное, догадываетесь.

– В самом деле. Люди вокруг только об этом и говорят, – ответил Джейкобс, усаживаясь с прямой спиной на стул и одной рукой поигрывая цепочкой от часов, свисающей из жилетного кармана.

– И, как вы догадываетесь, пришёл я к вам не без причины. – Донован сделал паузу. – Фактически причин две. Первая касается вашей покойной жены. Мы узнали, что она ходила к Этмору два года назад, когда он предсказал ей ужасную смерть, которая и случилась несколько дней спустя.

Джейкобс печально кивнул.

– Имеется много вопросов о том визите, – продолжал инспектор. – Начать с того, что это пророчество странно пессимистично. Большинство предсказателей старается польстить клиентам и угодить им, предсказывая только хорошие новости, а не строя из себя Кассандру. И это же

был её первый визит к нему? Фактически мне трудно даже представить, что она делала там... с таким человеком.

– Я вполне понимаю, – ответил Гидеон Джейкобс. Он встал, подошёл к окну, держа руки за спиной, и уставился на серое небо. – Я расскажу, что знаю, и сомневаюсь, что можно ещё что-то добавить. Почему Амелия пошла к предсказателю? Джек Этмор только что начал своё дело в этом квартале, а мы с Амелией стали очень волноваться относительно будущего одного из наших сыновей. Он не уделял внимания учёбе, ничем не интересовался и... ладно, остальное не имеет значения. Амелия прилагала много усилий, чтобы заинтересовать его чем-нибудь, но напрасно. Поэтому от отчаяния она пошла к ясновидцу, чтобы спросить его о будущем нашего сына. Сам я не был убеждён, что это что-то даст, но не хотел ей перечить.

Не помню в точности того, что было сказано во время её визита, но это оказалось совсем не о нашем сыне Адаме. Этмор предсказал страшное будущее для самой Амелии, очень страшное и неизбежное. И вы знаете, что произошло потом. Не прошло и недели.

Повисло долгое молчание, а затем инспектор заметил:

– Я помню обстоятельства. На неё напали ночью три хулигана. Как я понимаю, был свидетель?

– Да, Чарльз Хаармен, владелец «Принцессы Элис». Друг. Он видел нападение из окна квартиры, но прибыл на место слишком поздно. Он нашёл её здесь, у подъезда, при входе в сад, где она испустила дух. Доктор сказал: просто чудо, что она смогла сама добраться туда.

Полицейский несколько раз кивнул, а затем заметил:

– В каком-то смысле даже лучше, что кто-то видел нападавших и это хулиганы. Не поймите меня неправильно, сэр. Я лишь имею в виду, если бы ваша жена подверглась нападению и никто ничего не знал, могли возникнуть всякие подозрения и обвинения. Можно было бы предположить, например, что кто-то, желавший ей зла, ис-

пользовал в своих интересах пророчество, чтобы совершить преступление и отвести подозрение от себя.

Предприниматель глубоко вздохнул и ответил:

– Если смотреть под таким углом, то вы правы. Но, если честно, я не знаю никого, кто желал бы Амелии зла. Если бы вы знали её, то поняли бы, что это правда. Это могла быть только группа пьяных хулиганов, никакого другого объяснения невозможно.

– Это произошло довольно поздно, как я понимаю? Разве миссис Джейкобс не боялась выходить одна в этом районе? И в такое время?

– Она ходила в дом подружки неподалёку каждую среду вечером. Обычно она заканчивала визит в десять, и один из нас – сыновья или я сам – шли, чтобы проводить её. Но тем вечером что-то... не помню точно, что... помешало нам это сделать.

– Предсказание ясновидца не встревожило её?

Гидеон Джейкобс чуть улыбнулся:

– Амелия никогда не тревожилась за себя... не буду говорить, что она совсем проигнорировала предсказание Этмора, но и большого значения ему не придала.

– Понятно, – сказал инспектор, поглаживая бороду. – Давайте перейдём ко второму пункту. Но прежде, чем это сделать, я хочу описать сверхъестественные обстоятельства смерти ясновидца. Или вы их уже знаете?

– Всё, что я слышал до настоящего времени, это отголоски массовой истерии. Таким образом, я внимательно слушаю вас, инспектор.

Полицейский бросил на предпринимателя беглый взгляд.

– В последний раз, когда Этмора видели живым, это днём накануне убийства. Некто утверждает, что у него тогда был посетитель, но мы в этом не уверены. Но ясно, что до семи часов, он отправил письмо, содержащее предсказание. Штамп на письме это доказывает. Тело было

холодным, когда мы его нашли, – почти окоченевшим, – и доктора не могут дать более точного времени преступления, чем где-то между семью часами и полуночью. Почтальон обнаружил тело рано утром на следующий день. Его очень заинтересовало письмо, которое он нёс, потому что его послал Джеку Этмору сам Джек Этмор, а затем фигура предсказателя, распростёртая на столе. Чтобы войти, он разбил стекло в двери. У Этмора была рана на голове, нанесённая оружием или некоторым другим предметом, который всё ещё не найден. Положение тела исключает самоубийство. Случайное падение также исключено, потому что нет никакого следа подобного инцидента в комнате, где единственным необычным объектом оказалось ведро с водой, которое почтальон мимоходом опрокинул. Теперь самая сверхъестественная часть: *в квартире Этмора не было ни души, а все выходы заперты изнутри!* Единственный путь для убийцы, чтобы выйти, это пройти сквозь стены!

За исключением хмурого взгляда, Гидеон Джейкобс никак не выдал своих эмоций. Полицейский продолжал:

– Мы проверили каждое слово почтальона. Допросили его, вновь допросили, заставили показать нам минута за минутой свои передвижения в квартире – напрасно. Его показания оставались связными и убедительными, несмотря на все наши попытки сбить его с толку. В квартире не было никого, и ничего от него не ускользнуло, в этом мы уверены. Но это не всё. Известное письмо, которое Этмор отправил себе накануне вечером, содержало предсказание. *Предсказание, которое предупреждало его о собственной неизбежной смерти!*

Абсолютно неподвижный, Гидеон Джейкобс рассеянно смотрел на акварель, висящую между двумя окнами.

– Поразительно, – сказал он наконец. – Это ещё более сверхъестественно, чем всё, что я слышал до сих пор. Есть вещи, которые просто ускользают от нас, инспектор. Но...

– Эту акварель рисовала ваша жена? – резко спросил полицейский.

– Простите? О, да! Да, это она. Это беседка в нашем саду летом, когда она увита цветами. Но это не очевидно: нужно хорошо знать Амелию, чтобы понимать её работу и блестящую гамму цветов. Как вы узнали?

Полицейский смутился:

– Просто не знаю. Наверное, интуиция. Возвращаясь к нашему делу, есть ещё один момент. Я приехал, чтобы расспросить одного из ваших сыновей.

– Одного из моих сыновей? У вас небольшой выбор, потому что остался только один. Джонас покинул нас в то же самое время, как и его мать, или, точнее, несколько дней спустя.

Инспектор Донован молча слушал, как Гидеон Джейкобс рассказывает странную историю исчезновения сына.

– И никто не видел и не слышал о нём с тех пор? – спросил он, когда последний закончил.

– Никто. Никаких писем, никаких сообщений. Но мы не оставляем надежду.

Вновь повисло молчание, которое инспектор, явно чувствуя себя неловко, поспешил сломать.

– Давайте поговорим о вашем втором сыне, мистере Адаме Джейкобсе.

– О нём? Что он сделал на этот раз? Дайте угадать: вы подобрали его в чрезвычайно нетрезвом состоянии?

– Нет, его видели на дорожке перед магазином Этмора приблизительно в то же время, когда почтальон обнаружил тело. Он прижался к стене и, казалось, спешил уйти.

II

– Ты очень нервничал, дорогой. Говорил о той сцене, словно действительно там присутствовал.

Андреа замолчала. Часы на местной церкви пробили половину шестого, словно подчёркивая её фразу. Мы находились в саду в нашем маленьком «закутке», защищённые от солнечных лучей. Обстановка в этот день была какой-то давящей, и я вернулся из Лондона раньше, чем обычно. Правду сказать, температура не была особенно высокой: это внутри меня бушевала буря. После вчерашнего сеанса я был озадачен и смущён. Вернувшись домой, я заставил Андреа повторить всё, что я говорил во время своего гипнотического сна.

– А потом? – спросил я.

– Потом ты оставался неподвижным в течение нескольких секунд, прежде чем мистер Моррис задал новые вопросы. Ты не ответил прямо: заговорил о леди, одетой в белое, высокой, красивой. То, что ты сказал, было не совсем понятно, но было очевидно, что... что ты ею восхищаешься.

– Что в точности я сказал?

Андреа опустила глаза:

– Как я уже говорила, это едва можно понять. Ты говорил обрывками фраз и, я думаю, метафорами... помню, ты говорил о шляпке, большой, широкой шляпке, белоснежной шляпке, белой и столь блестящей, это она освещала сад. Мы предположили, что это светилось сердце той леди. Также мы предположили, что она и женщина, на которую так ужасно напали, один и тот же человек. Ты этого не

сказал, но мы почувствовали. Ты много говорил о саде – какой он маленький и очаровательный, как будто освещённый небесным светом. Своего рода миниатюрный рай. Леди в белом прогуливалась там и была счастлива, добра и величественна, как греческая богиня. Ты также говорил об аромате, несравненном тонком аромате, который, как мы поняли, наполнял это место.

Я долго молчал, безуспешно роясь в собственной памяти.

– Ты также говорил о каких-то троих людях, – продолжала Андреа, бросив на меня ещё один мимолётный взгляд. – Три зловещих мужчины – ты назвал их «тремя мужчинами в чёрном». Как мы поняли, это они напали на женщину. Затем в конце ты вновь вернулся к той музыке. Помнишь, к приятной мелодии, о которой ты говорил на первом сеансе?

– Да. Что с ней?

Андреа пожала плечами:

– Ты упомянул о ней и всё. Не сказал ничего определённого, но по тону голоса казалось, что есть связь между той музыкой и остальным. Чувствовалась какая-то печаль... больше ничего сказать не могу.

В течение нескольких секунд всё, что мы слышали, это щебетание двух воробьёв, усевшихся на крышу сарая.

Большие голубые глаза Андреа внимательно смотрели на меня.

– Всё это ничего не значит для тебя?

Я смутился и поэтому заговорил двусмысленно:

– У меня никогда не было никакого приключения с красавицей, одетой в белое, поверь.

Андреа кивнула.

– Сама я думаю, что убийство прямо связано с фотографией. Возможно, например, ты был свидетелем его, когда был очень молодым. Сцены, зафиксированные мозгом, неспособным понять их значение, позже будут осмыслены взрослым мозгом, когда всплывут на поверхность. Таким

образом, должно быть, какая-то подробность на той фотографии спровоцировала всё. Но мистер Моррис не уверен, что имеется прямая связь между сценой убийства и твоим странным впечатлением.

– Он так сказал?

– Он не исключает отдалённую связь, но считает, что есть что-то ещё... Джон, ты выглядишь успокоенным.

– Успокоенным? Нет... хотя да, немного. Утешительно иметь подтверждение того, что думаю сам. Поскольку у меня есть чувство, что за всеми вещами, которые я сказал до сих пор, стоит какая-то чушь, например, воспоминания о прочитанном когда-то.

– Подожди, – сказал Андреа, глядя над моим плечом, – прибыл наш гость.

– Наш гость? – повторил я, оборачиваясь, и увидел приближающуюся высокую, тонкую фигуру.

– Это мистер Мерлин. Я пригласила его на чай.

– Спасибо, мадам, – поблагодарил мистер Мерлин, когда Андреа подала ему новую чашку дымящегося чая. Он огляделся. – Какое очаровательное местечко! Весна – действительно прекраснейшее время года.

Хозяйка дома покраснела от удовольствия. Без сомнения, комплимент мистера Мерлина относился к окружающей обстановке, но он вызвал странный отклик в моей душе.

Весна – действительно прекраснейшее время года.

Я пристально посмотрел на Андреа. Она также выглядела великолепно. Её тонкие живые черты и грациозная линия прекрасной шеи смотрелись совершенно неотразимо. У меня начало закрадываться подозрение. Что, если...

Наш круг друзей в Шепвике очень узок: сосед мистер Хеймер и Грэм Моррис. Мне трудно представить соперни-

ком первого. Не было ничего обольстительного и в продавце безделушек, скорее он раздражал. И всё же... нет, это совершенно абсурдно.

После нескольких минут любезной беседы Андреа спросила мистера Мерлина, что привело его в Шепвик. Я опасался, что вопрос станет прелюдией к подробному описанию *биографии*, но наш сосед довольствовался восхвалением мирного очарования деревни.

– В моём возрасте, знаете ли, – иронически объявил он, набивая трубку, – это одна из немногих вещей, которые имеют значение.

– Вы знаете, что случилось с джентльменом, которому ранее принадлежал ваш дом? – спросила Андреа. – Мы знали его лишь в течение нескольких месяцев. Как его зовут, Джон? Ах да: мистер Кларк. Он – полицейский-автоинспектор. Всё произошло так быстро. Он уехал, а вы приехали.

Мистер Мерлин, казалось, засмутился:

– По-моему, он уехал на север. Одна из его сестёр тяжело заболела. Я едва видел его: обо всём позаботилось агентство. Дом сдавался, мне он подходил, и я получил ключи в ту же неделю.

Я вышел на несколько минут. Когда я вернулся, они разговаривали о детективных романах. Точно так же, как Андреа, мистер Мерлин страстно увлекался ими, и Айвен Хайлендер был одним из его любимых писателей. Андреа была на седьмом небе, и, уверен, из-за этого наш гость показался ей вдвое милее. Едва я сел, как наш сосед сделал заявление, которое произвело эффект разорвавшейся бомбы. Андреа была столь же удивлена, как я, но, конечно, по другим причинам.

– Когда-то я знал Айвена Хайлендера, – объявил он.

– Вы... Вы его знали? – запинаясь, повторила ошеломлённая Андреа.

– Встречался пару раз. Но это было несколько лет назад.

В ответ на град вопросов Андреа мистер Мерлин отвечал уклончиво, ограничившись физическим описанием автора и анализом его работ. Нечто такое, что знает любой поклонник писателя. Его ответы были очень неопределёнными, и я сильно подозреваю, что он придумал это знакомство, просто чтобы сделать себя более интересным в глазах моей жены. Но кроме того, у меня создалось впечатление, что во время этого поверхностного описания он внимательно изучает нас. Впечатление сформировалось просто из-за нескольких взглядов, которые он бросил на нас. Однако...

Он шпионит за мной? Как продавец безделушек? Как все остальные? Но кто ещё, фактически? Разве я не начал видеть всё вокруг мозгом, а не глазами, как сказал Моррис? Разве это не плод моего воображения, что я окружён бесчисленными хитрыми и выпытывающими глазами?

Решительно, я начинаю страдать от мании преследования. Человек, за которым стоит присматривать, несомненно я сам.

К этому времени Андреа, сев на любимого конька, вернулась к главному вопросу: сходству между «Семью исчезнувшими женщинами» и отвратительным делом, о котором кричали заголовки всех газет.

За стёклами пенсне мистера Мерлина мы увидели искорки интереса.

– Теперь, когда вы это сказали, я смутно вспоминаю эту историю. Это один из его самых первых романов, не так ли? Мне нужно перечитать его. В любом случае поздравляю вас со способностью проникать в суть. Интересно...

– Должна ли я поговорить с полицией об этом? Как вы думаете?

– Дорогая, – перебил я, – если и есть параллель с этой историей, можешь не сомневаться, что полиция уже её на-

шла. Не путай книжных инспекторов Скотланд-Ярда с настоящими.

Мистёр Мерлин одобрительно кивнул:

– Мистер Брейд, конечно, прав.

Разочарование Андреа продлилось недолго:

– В любом случае это – странное дело. Вы слышали последние новости? Очевидно, полицейские нашли связь между этими тремя жертвами. Но они не говорят, какую, кроме того, что одного из них звали Харви Стрэндж.

В течение нескольких секунд я не слышал голоса Андреа. *Харви Стрэндж: это имя отозвалось в голове. Оно было там, где-то в моей памяти, ожидая, чтобы всплыть на поверхность.*

– Это дело, кажется, интересуется вас меньше, чем вашу очаровательного супругу, мистер Брейд, – поддразнил меня мистер Мерлин.

– Я... я последнее время не в форме. Или, если точнее, моя память играет со мной шутки.

– О да, память – очень странная вещь.

Не зная почему, я рассказал нашему гостю всё о фотографии, которая так загадочно тронула меня, но не упоминая о сеансах с гипнотизёром. Он задумался и спросил, нельзя ли взглянуть на фотографию. Минуту спустя он молча рассматривал её с таким вниманием, что я оказался сбит с толку. Его голубые глаза, казалось, просто впитывали кучу информации.

– Вы испытываете тревогу, когда смотрите на неё, – сказал он задумчиво, – но всё же неспособны определить её причины. Такие вещи действительно происходят. Но редко они настолько сильны. И вы говорите, что эта сцена ничего вам не напоминает?

– Ничего осознанного, по крайней мере. Даже при том, что я рассматривал фото в течение многих дней.

– Боюсь, что в вашем случае настойчивость – не совсем то, что требуется. Фото датируется рубежом веков, и зер-

нистость довольно велика, но кое-что фотография может нам всё-таки сказать. – Он посмотрел искоса, словно стараясь увидеть больше деталей, и продолжил, говоря очень медленно: – Улица, скромная улица... вероятно, где-то в Лондоне. У домов тёмные фасады, но всё, похоже, купается в солнечном свете; небо ясное, и воздух чист. Очевидно, это весеннее утро. Всё ещё довольно холодно, потому что люди одеты не по-летнему. Они – бедные люди, но живые, активные и полные энергии. Вывеску на магазине в середине улицы следовало бы покрасить, но она не портит картину. Владелец магазина кажется в хорошем настроении, но невозможно понять, что он продаёт. Смотрите, почтальон уже разносит почту. И в конце улицы тележка, которая, конечно, привезла что-то, чтобы пополнить запасы паба на углу. Я почти слышу крики торговцев и звук лошадиных копыт. Картина очень оживлённая, очень человеческая и полна контрастов. Солнце бросает ясные тени, проникает сквозь оконные рамы, двери и проходы и...

– Мистер Мерлин, – пробормотал я.

– Но что скрывают эти стены? О чём говорят люди за окнами? Что происходит позади каждой из дверей? Чувствуется атмосфера драмы. Всё такое таинственное. Женщина на переднем плане носит свою поблёкшую одежду с шиком. На всех детях кепки. Они выглядят гордо и достойно, несмотря на бедность...

– Мистер Мерлин!

– Да? – обернулся старик. – Простите. Я позволил себе увлечься.

– Слушая вас, я ощущаю, что приближаюсь к источнику тайны. Всё, что вы только что сказали, близко к тому, что чувствую я, но...

– Да?

– Но я всё ещё не понимаю, что всё это значит.

Робкий луч света только что прорвался через низкие облака, освещая тёмные кирпичные дома. Конный экипаж оживлённо гремел по неровному булыжнику мимо горничной и нескольких бездельничающих носильщиков, только что вернувшихся с рынка и о чём-то оживлённо беседующих с женщиной, высунувшейся из окна. Немного дальше вдоль улицы две другие женщины горячо спорили.

Даже при том, что он ничего не мог слышать за стеклянным окном гостиной, инспектор Уолтер Donovan легко мог догадаться, о чём идёт разговор. Убийство Джека Этмора было темой, которая вряд ли скоро исчезнет. Он погладил тщательно подстриженную бороду и обернулся.

Какой контраст между буржуазной роскошью гостиной и унылым, серым видом на улицу снаружи и её скромных жителей. Завернувшись в шёлковый халат и удобно устроившись в кресле, Адам Джейкобс беспечно рассматривал перстень на собственном пальце.

Было что-то нарочито наглое в поведении молодого человека, который несомненно только что встал с кровати, как об этом свидетельствовали взъерошенные волосы. Наглость была в глазах, упрямо смотревших на перстень. В тоне ответов. В снисходительной улыбке. Короче, во всей его личности, быстро решил инспектор.

– Я рассчитываю на ваше великодушие, инспектор, – продолжал Адам, изображая новую улыбку. – Вы должны понять, что Роуз Келли, несмотря на свои юные годы, больше не ребёнок. Если кому-то интересно, что я встречаюсь с ней время от времени...

– То есть, если подвести итог, – подхватил полицейский, – вы провели ночь в прошлую среду с Роуз Келли, которая зарабатывает на жизнь своими прелестями и проживает на Уайтс-роу, 7 в переулке, ведущем на площадь, которая называется Айриш-корт, где в ту же ночь был убит ясновидец. Вы оставили свою подругу без четверти восемь утра, то есть, примерно в то время, когда местный почтальон обнаружил тело Джека Этмора. Вы ничего не видели и не слышали даже при том, что пересекали площадь как раз в это время.

– Повторяю, я не уверен в точном времени. Должно быть, это было тогда плюс-минус двадцать минут, – вот всё, что я могу вам сказать.

– Но вы должны знать, было ли это до или после того, как почтальон обнаружил тело.

– Я не видел почтальона, в этом совершенно уверен.

– Но вы, должно быть, заметили, было ли стекло парадной двери выбито или нет? Если нет, то вы должны были покинуть свою ночную подругу до без четверти восемь; если да, то, должно быть, пересекли площадь между без пяти восемь и десять минут девятого, – время между тем, как почтальон отправился за полицейскими и их прибытием. После этого площадь заполнилась полицейскими, которых вы не могли не заметить.

Адам вяло покачал головой.

– Я не могу сказать, было ли это до или после, инспектор. И я буду удивлён, если Роуз знает. Мы ужасно порезвились ночью. Я имею в виду, много выпили. Я принёс бутылку джина и всё ещё был подшофе, когда уходил. Мне и в голову не пришло искать разбитые окна.

– Однако вы прижимались к стенам, – заметил полицейский.

– Ну, как я сказал прежде, не хотел, чтобы меня заметили. И если кто-то действительно видел меня, то он должен сам сказать вам, во сколько это было!

Проблема состояла в том, что этот свидетель мог определить время не точнее, чем молодой Джейкобс. Но инспектор решил держать это при себе. После короткой паузы Адам пригладил взъерошенные волосы и тихо сказал:

– Надеюсь, что всё это останется между нами, инспектор. Мой отец не оценит эту новость, а главное – Паула. Она не должна знать, что я провёл ночь с той девушкой.

Открывая ворота подъезда, Паула почти столкнулась с владельцем «Принцессы Элис».

– О, это вы, мистер Хаармен! Какой приятный сюрприз.

– Паула, дитя моё, – пробормотал пухлый маленький человечек, и лицо его осветилось. – Куда это ты направляешься таким решительным шагом?

– К часовщику, – ответила она, показывая ему пакет под плащом. Это – папина музыкальная шкатулка. Она сломалась. Он надеется, что старый Том сможет починить её, потому что папа очень её любит. А вы, мистер Хаармен, пришли навестить нас?

– Чтобы увидеть тебя, дорогая Паула. Вот, это для тебя.

С этими словами он достал превосходный букет засушенных цветов разнообразной расцветки. Удивление, смешанное с восхищением, на лице молодой девушки само по себе стало наградой владельцу паба.

– Это для меня? О, вы не должны были, мистер Хаармен! Входите, я поставлю их в гостиную. Да, я забыла: у нас посетитель. Джентльмен из полиции.

– Из полиции? – воскликнул маленький человечек. – Но почему? – Он нахмурился. – Только не говорите мне, что это по поводу того кровавого дела, случившегося на днях?

Паула открыла рот и попыталась заговорить, но тщетно. Её глаза наполнились слезами. Через минуту она разрыдалась на плече добряка, который по-отечески обнял её.

– Моя бедняжка, – пробормотал он. – Скажи мне, что случилось.

– Не знаю. Ничего не знаю. Он спрашивает Адама. О, мой Бог, если бы только Джонас был здесь. Если бы только он вернулся, если бы сегодня! Я уверена, что всё пошло бы по-другому.

– Послушай, дорогая Паула, это едва ли возможно. Уже два года с тех пор, как он ушёл. Я хотел бы увидеть его не меньше твоего, но нужно признать неизбежное. Ты никогда не выздоровеешь, пока живёшь подобными иллюзиями. Скорее всего, его уже нет на этой земле, увы!

Молодая девушка освободилась от своего защитника и выпрямилась со странным блеском в глазах:

– Джонас не умер. Я это знаю. Он жив и находится где-то, возможно, далеко отсюда, но где-нибудь. Он скоро вернётся, я это знаю, чувствую. Просто уверена в этом!

«Кто я? Почему я здесь? Кто эти люди вокруг меня, делающие вид, что меня знают?»

Разве не случалось каждому задавать себе такие вопросы? Что касается меня, мои мысли в последнее время бывали так перепутаны, что время от времени я даже начинал сомневаться в собственной личности и всего окружения, людях и предметах. Или, с другой стороны, иногда мне казалось, что я знаю некоторых людей ещё до того, как они мне представлены. Что касается Андреа, меня можно обвинить в пристрастии, поскольку разве женатые никогда не говорят: «Кажется, я знал тебя всю жизнь»? Но речь не только о ней. Грэм Моррис, например, иногда казался неопределённо знакомым. И всё же я уверен, что никогда не встречал его нигде на этой земле.

Вчера вечером мы пошли к нему ещё на один сеанс гипноза. Третий. Результаты (для него): казалось, всё стало яснее, но, насколько речь обо мне, мои «открытия» приняли неправильный оборот, направление, которому я определённо не хотел следовать в любом случае. Я говорил, как обычно, о красавице в белом, троих мужчинах в чёрном и нежной мелодии, а также о покрытой цветами и удивительно благоухающей беседке. Но кроме того, я описал бесконечную дорогу, по которой шагал, стремясь уйти как можно дальше.

Поведение Андреа также озадачивает меня. Я заметил её странные взгляды, обращённые на меня, и переглядывание с продавцом безделушек. Я подозревал её также в желании покопаться в моих личных делах. Что у неё за цель?

В гостиной Андреа листала садоводческий журнал. Услышав шум воды в ванной, она быстро встала и прошла на цыпочках вдоль коридора, прислушиваясь у двери ванной к пению мужа под душем. Она быстро подошла к маленькому шкафу, где, как она видела, Джон оставил портфель. Она знала, что у неё есть лишь несколько минут, потому что Джон недолго принимал душ после возвращения с работы. Её проворные руки осторожно открыли портфель, и она быстро просмотрела вырезки из двух газет. Несколько страниц, сколотых вместе, особо привлекли её внимание. Она быстро прочитала одну страницу, затем другие, и её брови хмурились по мере чтения. Услышав, что воду в ванной выключили, она осторожно закрыла портфель. Лицо её выражало глубокое недоумение.

То же самое озадаченное выражение можно было видеть на её лице, когда, сидя на старом плетёном стуле в гостиной Грэма Морриса, она наблюдала за мужем, откинувшимся на диване; его глаза закрыты, губы приоткрыты, а гипнотизёр склонился над ним. Свеча на маленьком столе, единственный источник света в комнате, отбрасывала уродливую тень на стену, пока Моррис медленно и убедительно вещал:

– Вы не здесь, Джон Брейд, вы не с нами. Вы уходите всё дальше туда, куда вас несут ноги... Не слишком быстро, но и не слишком медленно. Вы идёте, туда, куда, как вам кажется, вы *должны* идти... Что вы видите? Скажите нам, что вы видите!

– *Дорога...*

– Дорога? Вы можете описать нам её?

– *Она очень длинная, и я очень устал, очень утомлён. Но я продолжаю идти всё дальше и дальше. Хочу забыть то, что осталось позади. Хочу забыть. Всё было так хорошо.*

Она была так красива в своей беседке под цветами, среди цветов. Аромат, нежный аромат, вы же чувствуете этот запах, не так ли? Разве это не прекрасно? – продолжал он, нюхая воздух вокруг.

Андреа подошла к Моррису и пробормотала ему в ухо:

– Вы думаете, он действительно может чувствовать их запах?

Нетерпеливым жестом гипнотизёр сделал ей знак вернуться на место.

Когда она вновь опустилась на стул, Джон внезапно сел прямо. Глаза открылись, но затуманенное выражение показывало, что он всё ещё находится под влиянием гипнотизёра. Губы зашевелились, и он заговорил громче:

– Эти трое мужчин в чёрном. Они убили её.

– Дело в том, – замялся Адам, – что я, вероятно, скоро женюсь на ней.

– На ком, Роуз Келли? – спросил инспектор Донован с явной иронией.

– Нет, не на ней. На Пауле, моей сестре.

Глаза полицейского широко открылись от удивления:

– Вы хотите жениться на своей сестре?

– Она не моя сестра, – вырвалось у молодого человека, прежде чем он смог более спокойно всё объяснить Доновану, которому уже сообщил об обстоятельствах удочерения Паулы отец Адама.

– Вы знали жертву? – прямо спросил полицейский.

– Джека Этмора? – переспросил Адам, моргая. – Ну да, немного. Несколько раз выпивал с ним, когда он только что приехал, но с тех пор...

– Вам он не нравился?

– И да, и нет. После смерти матери всё изменилось. У меня появилась неприязнь к нему. И людям не нравилось то, что он сказал, хотя это не его вина.

– Что за человеком он был?

Адам пожал плечами:

– Довольно обычным, если на то пошло. Из тех, кого можно встретить в баре где угодно. Он говорил обо всём и ни о чём, как все в «Принцессе Элис». Мало распространялся о своей профессии. Фактически, никогда. Было что-то в его глазах. Они, казалось, просто прилипали к вам. Я редко видел это у кого-нибудь ещё. Как будто он мог читать вас, как открытую книгу.

– Ваш брат знал его?

– Джонас? Лишь поверхностно, насколько я знаю. У них не было возможности много разговаривать, потому что Джонас исчез вскоре после того, как прибыл другой, как вы, возможно, слышали.

– У вас есть какая-либо версия того, что могло произошло с вашим братом?

Адам вытянул руку, чтобы рассмотреть перстень.

– Какая-нибудь версия? Да. Он без сомнения хотел сменить обстановку после того, что произошло с нашей матерью, и, должно быть, что-то с ним случилось по дороге.

– То есть, по вашему, он мёртв?

– Думаю, что это – самый вероятный ответ в любом случае.

Но глубоко внутри Адам был более осторожным с выводами. Хотя логика твердила, что брат мёртв, шестое чувство говорило ему, что возвращение возможно. И это подкреплялось непреклонной верой Паулы. Словно брат разрушит его планы как раз тогда, когда Паула решится уступить его желаниям.

После того, как инспектор ушёл, он продолжал сидеть в кресле. Сидел и смотрел на портрет одного из предков. Но в золотой раме он видел только Паулу. Паула, её прекрасные черты, тонкая шея. Он желал её уже очень много лет, причём всё сильнее и сильнее. Она готова уступить. К счастью, поскольку он почти на пределе...

Мистер Мерлин пользовался всё большим спросом. Спустя два дня после визита к Брейдам настала очередь Чарльза Хеймера пригласить его на чай. Двое мужчин мирно беседовали во второй половине дня под сенью побегов плюща «Вирджиния крипер».

– Ваше средство оказалось очень эффективным, – сообщил любезный восьмидесятилетний гость, когда хозяин налил ему вторую чашку. – Так или иначе, лучше, чем моё. Не видно ни одного слизняка.

Хеймер одобрительно улыбнулся:

– Я уже дал немного миссис Брейд. Она также довольна. Между прочим, что вы думаете об этом очаровательном ребёнке?

Мистер Мерлин отпил ещё один глоток обжигающей жидкости:

– Решительная молодая особа, которая знает, чего хочет.

Хеймер согласился, но был разочарован, что его гость не заглотив наживку. После небольшой паузы он продолжил:

– А её муж. Что вы думаете о нём?

– Спокойный, вдумчивый молодой человек с большим воображением.

– Большим воображением? – удивлённо переспросил Хеймер. – И что заставляет вас так думать?

Мистер Мерлин чуть кашлянул:

– Ну, это просто впечатление. Он часто кажется задумчивым. Это не железное правило, но воображение часто этому сопутствует.

– Занятно, – заметил Хеймер, сдвигая шляпу назад.

– Что такое?

– Не знаю, иногда он производит на меня странное впечатление. Вы описываете его как какого-то мечтателя, но он работает в банке.

– В банке?

– Да, или где-то в этом роде. Не верится, что там назначают мечтателей на должности, связанные с деньгами. Но это не всё. Есть и другие вещи, которые мне кажутся странными. На самом деле мне интересно, действительно ли он идеальный спутник для миссис Брейд.

– Но кажется, они увлечены друг другом, – заметил Мерлин, набивая трубку.

Старый вояка наклонился вперёд и понизил голос:

– Так они стараются выглядеть. Но вы считаете нормальным, что молодая замужняя женщина должна проводить большую часть времени, читая?

Мерлин кивнул и чуть улыбнулся:

– Верно, она любит детективные романы. Как и я, если на то пошло. Кроме садоводства у меня есть и другие увлечения. Чтение позволяет мне путешествовать экономно и не уставая.

– Если говорить о путешествиях, я только что закончил очень странную историю, кажется классику. Это о путешествии во времени, а не пространстве.

– Случайно не «Машина времени» Герберта Уэллса?

– Да, это она! – воскликнул Хеймер, поражённый быстрым ответом соседа. – Невозможно не думать о ней, даже когда вы закончили книгу. Есть очень много способов путешествовать. И, как вы говорите, можно путешествовать мысленно.

Повисло краткое молчание. Мистер Мерлин закурил трубку и спросил:

– Вы думаете о чём-то конкретном?

Чарльз Хеймер рассеянно смотрел в направлении соседского сада.

– Один день вы находитесь в одном настроении, другой – в другом. Я имею в виду, конечно, психическое состояние. Вообще говоря, это лишь эпизод в обычной, нормальной жизни. Когда человек находится в своей ежедневной вселенной, никто этого не замечает: он точно такой же, как все остальные. Он и сам так считает. А затем, время от времени, он предпринимает путешествие в другую вселенную: небольшую экскурсию в фантазию, которую он переживает кратко, но сильно. То, что он делает во время этих мысленных экскурсий, забывается, как только он возвращается из своего путешествия. Он путешествует в неких других отделах мозга, игнорируя остальные. Скажем, он путешествует между добром и злом. – Он повернулся к гостю. – Вы читаете газеты?

– Прошу прощения? – пробормотал мистер Мерлин, поправляя пенсне.

– Я говорю о ряде зловещих убийств.

– Да, как и все остальные... О! Кажется, я понял, куда вы клоните.

Хеймер поправил шляпу и мрачно произнёс:

– Только сумасшедший мог совершить такие преступления.

– Однако кажется, что мотивом была выгода.

– Вы действительно этому верите? Убивать людей, погружая их в кислотные ванны, не кажется действием кого-то нормального. Этот человек, чтобы не сказать монстр, должен путешествовать между добром и злом, и именно по этой причине его не разоблачить. В течение дня он похож на всех остальных, но ночью превращается в сумасшедшего. Обычно никто не замечает его – он похож на любого, но не на убийцу. Он может жить, где угодно. Кто знает... возможно даже в Шепвике?

Эта пугающая мысль вопиюще контрастировала с мирным окружением: зелёные сады под слепящим солнцем, сладкий аромат цветущих роз, ограничивающих участок Чарльза Хеймера. Только птичье щебетание иногда нарушало тишину, которой двое мужчин, казалось, наслаждались, погружившись в раздумья.

Поскольку следующий день был воскресеньем, Джон Брейд не поехал в Лондон. Встав рано, он пошёл забрать «Таймс», которую прочитал перед завтраком, приготовленным Андреа. К тому времени, когда он сложил газету, он ещё не притронулся ни к тосту, ни к чаю, ни к фруктовому соку. Под насмешливым взглядом Андреа он вышел через французское окно в сад, где стал смотреть на птиц. Андреа развернула газету и прочла жирные заголовки:

СЕТЬ ВОКРУГ УБИЙЦЫ С КИСЛОТНОЙ ВАННОЙ ЗАТЯГИВАЕТСЯ

Недавно мы сообщили нашим читателям, что личность трёх жертв почти не вызывает сомнений. Теперь мы можем утверждать, что полиция в этом уверена и расследование идёт быстрыми темпами, подтверждая подозрения старшего инспектора Арчибальда Хёрста, который играет главную роль в этом деле, как и во многих других трудных делах в прошлом. А именно: он сразу заподозрил неладное в несчастном случае, произошедшем с молодой женщиной, которая только что вы-

шла замуж за человека по имени Харви Стрэндж, и, в частности, обратил внимание на большую сумму страховки, которую получил последний, – инспектор немедленно подумал о мошенничестве со страховкой. Он выяснил, что ужасное преступление этого Харви Стрэнджа фактически было совершено кем-то другим, кто выдал себя за Стрэнджа, чтобы настоящий преступник смог бы значительно уменьшить риск разоблачения.

Отсюда начались расследования в различных страховых ком-

паниях и, параллельно, среди круга знакомых Харви Стрэнджа.

Запросы принесли быстрые плоды. Помимо молодой миссис Стрэндж, которая трагически упала со скал в Тинтагеле, где пара проводила медовый месяц, обнаружили другие несчастные случаи, повлёкшие смерть молодых женщин при сходных обстоятельствах. Миссис Элизабет Мур, погибшая в автокатастрофе, также только что вышла замуж, как и миссис Дженнифер Питт, которая утонула в озере. И женщины были застрахованы на круглую сумму мужьями, Филипом Муром и Уильямом Питтом, причём оба, как и Харви Стрэндж исчезли сразу после получения страховки. Но совпадения этим не ограничились: Филип Мур и Уильям Питт также были сиротами и учились в том же самом заведении, что и Харви Стрэндж.

Они учились в колледже в Колчестере – несколько учащихся из соседнего приюта. С учётом того, что прошло почти десять лет с тех пор, как эти три мальчика покинули колледж и расстались, и если считать, что список подозреваемых почти равен полному списку учащихся, очевидно, что полицейское расследование далеко от завершения. Однако ясно, что сеть затягивается вокруг демонического человека, который пошёл на многое, чтобы эти преступления нельзя было связать с ним.

Но он не учёл проницательности старшего инспектора Хёрста, которому мы аплодируем за точность рассуждений. И даже при том, что личность преступника пока не установлена, мы верим, что благодаря этой выдающейся полицейской работе ей недолго оставаться неизвестной.

Вечером того же дня Андреа крадучись прошла на цыпочках через сад. Она открыла ворота, ведущие в поле, дошла до старого сарая неподалёку и стала ждать, чуть войдя в дверь. Стемнело, и звёзды мерцали в бархатном небе. Она слушала стрекотание кузнечиков, когда на дорожке появилась тень. Андреа ждала прихода Грэма Морриса, который, облачившись в обычный костюм, казался моложе и бойчее, чем обычно.

– Всё хорошо? За вами не следили? – спросил он.

– Не думаю. Я сказала, что хочу выйти прогуляться. Он даже не реагировал. Не знаю, что на него сегодня нашло. Просто странно. Он едва сказал хоть слово.

Грэм Моррис кивнул, а затем принялся зажигать сигарету. Он сел на соседний ствол дерева и, пригласив Андреа сесть рядом, сказал:

– Пора разобраться, где мы находимся. Одно бесспорно: его ум подавляет сцену, которая стала навязчивой идеей. Сцену, суть которой мы знаем смутно, но которая, как я пытаюсь доказать, имеет какое-то отношение к той фотографии.

– Мы уже говорили об этом, – ответила Андреа, садясь рядом с ним.

– Знаю, но это важный вопрос. Жаль, что он настолько расстроен этим, потому что в остальном он – превосходный субъект. Засыпает немедленно!

– Браво, в любом случае это замечательно для человека, который лишь иногда занимается гипнозом, – сказала Андреа, улыбаясь.

Её улыбка исчезла так же быстро, как появилась. Внезапно она резко обернулась.

– Я что-то слышала, – пробормотала она.

– Помимо кузнечиков?

– А вдруг это Джон? Что если он следит за мной?

– Ночь играет шутки с воображением, это известно, – успокоил её гипнотизёр. – Могу вас заверить, что ничего не слышал.

Андреа сжала ладонями лицо.

– Боже, я чувствую, словно схожу с ума. Должно быть, это моё воображение. Не могу перестать бояться худшего. Мы должны узнать, с чем имеем дело, Грэм, и чем скорее, тем лучше!

После обеда Адам без стука вошёл в комнату Паулы и присел на кровать, как человек, обессиленный после напряжённого дня. Паула, которая читала у окна, с интересом посмотрела не него, поскольку привыкла, что он заходит к ней для лёгкого флирта.

Он расстегнул пиджак и вздохнул:

– Какие дела! Все только об этом и говорят. Я только что из «Принцессы Элис»...

– Как удивительно! Можно подумать, ты туда совсем не ходишь.

– Паула, побереги сарказм. У меня был трудный день. Нужно было немного расслабиться.

– Напиться! И ты называешь это «расслабиться»?

Адам бросил косой взгляд на приёмную сестру и твёрдо заявил:

– Ты прекрасно знаешь, почему я так себя веду в последнее время.

– Адам...

– *Из-за тебя. Поскольку ты продолжаешь избегать и отталкивать меня, словно я внушаю тебе отвращение.*

– Адам, пожалуйста, сменим тему.

– Очень хорошо. Как пожелаешь. Давай будем, как все остальные: поговорим об убийстве Джека Этмора.

– Адам, это не шутка!

– И ты это мне говоришь! Мне ли не знать, потому что я – подозреваемый номер один, насколько мне известно! И всё потому, что мне не повезло провести ночь с... с другом, который живёт недалеко от конторы Этмора. Другом, который предательски заставил меня напиться, потому

что... ладно, неважно. Кто-то увидел меня среди ночи, когда я шёл мимо того проклятого дома, возвращаясь домой. Да, вот и всё, что требуется, чтобы стать главным подозреваемым в деле.

Выражение лица Паулы немного изменилось. Она подошла и тоже присела на кровать.

– Пустяки, – пробормотала она, но не очень убедительно. – Всё будет прекрасно, вот увидишь.

Поскольку Адам продолжал сидеть с опущенной головой, она продолжала:

– Он, наверное, пытался запугать тебя. Поставь себя на место этого полицейского. Это не обычное дело.

Адам выпрямился:

– Это ещё мягко сказано! Ясновидец предсказывает собственную смерть, посылает себе письмо с предупреждением, но всё равно несчастье происходит. И, словно этого недостаточно, оказывается, что это убийство не мог совершить никто, кроме призрака!

Тем вечером в гостиной Брейдов было больше людей, чем обычно. Владелец дома пригласил выпить двух ближайших соседей, а также продавца безделушек. Чарльз Хеймер и мистер Мерлин знали последнего только в лицо. На них, казалось, произвело большое впечатление то, что в дополнение к управлению магазином он в качестве хобби занимается гипнозом, и вскоре разговор стал оживлённым.

Чарльз Хеймер, который внимательно разглядывал содержимое книжных шкафов, внезапно воскликнул:

– Смотрите, вот книга, о которой я вам на днях говорил, мистер Мерлин!

Он достал «Машину времени», которая пошла по рукам и быстро стала темой беседы.

– До некоторой степени этот феномен легко объяснить, – объявил Чарльз Хеймер с таинственной улыбкой. Его щёки стали столь же розовыми как лысина, поскольку, естественно, в помещении он снял соломенную шляпу.

Это заявление вызвало живую реакцию присутствующих. Хеймер осушил бокал и спокойно уточнил:

– История Уэллса описывает путешествие материи во времени, что является чистой фантастикой. Однако существует намного более рациональное объяснение.

– Не держите нас в неведении, мистер Хеймер, пожалуйста, – умолял единственный представитель так называемого слабого пола. (И хороший представитель, подумали три гостя и, конечно, муж.)

– *Путешествие мысли!* Понимаете, вперёд и назад во времени движется не *материя*, а *мысль*. Я, конечно, не могу

объяснить процесс, но вы должны признать, что это – более вероятная теория.

– Знаете, это уже существует в некотором смысле, – с ехидцей заметил мистер Мерлин.

Грэм Моррис бросил на старика взгляд, полный любопытства:

– Вы имеете в виду, как я полагаю, те странные доказательства, которые используются, чтобы поддержать теорию перевоплощения?

– Нисколько. Я говорю просто о снах. Все путешествовали вперёд или назад во времени во сне.

– Но это совсем не то, – возразил гипнотизёр. – Это просто примеры игры ума. Например, тот факт, что мы переносимся во времена рыцарей в доспехах, не больше, чем вымысел, навеянный последним фильмом, который мы видели, или книгой, прочитанной перед сном.

Мистер Мерлин одобрительно кивнул:

– Вы совершенно правы. Во сне мысли путешествуют, куда захотят, но всё это искусственное. Мы не попадаем в «настоящее» время.

– Фактически, – продолжал Грэм Моррис, – путешествуют ли в прошлое или будущее мысли или материя, проблема остаётся.

Чарльз Хеймер отчаянно искал, чем бы ответить, поскольку все смотрели на него, включая Андреа, на которую он так хотел произвести впечатление. Неожиданно ему помог Джон Брейд:

– А если бы камни могли говорить?

Его слова были встречены недоверчивыми улыбками, и владелец дома воспользовался паузой, чтобы вновь наполнить бокалы.

– Да, – продолжал он, – камни, кирпичи, стены, которые видели, как мимо них проходят поколения. Мы, не моргнув

глазом, допускаем принцип фотографии, а именно, что простой листок бумаги может сохранить изображение реального пейзажа. Слышите: листок бумаги, который может зафиксировать то, что было перед ним во время определённого промежутка времени. Почему бы не предположить, учитывая постоянный прогресс науки, что однажды будет найден способ извлечь из камней все картины, которые они видели? Можете говорить, что угодно, но, по-моему, если что-то возможно с бумагой, то должно быть возможно и с камнем. Или любым другим веществом, если на то пошло, таким как стекло. И, к слову, мы должны поднять бокалы, прежде чем умрём от жажды!

С этими словами он предложил тост за автора «Машины времени», который написал также, как заметил мистер Мерлин, «Человека-невидимку».

– «Человек-невидимка!» – воскликнула Андреа, щёки которой становились всё более розовыми. – Это же и название одного из романов Айвена Хайлендера.

– «Невидимый убийца», – поправил её муж.

– Ты, конечно, прав, дорогой. Мистер Мерлин, вы читали этот роман? Это – одна из его лучших книг с убийцей, который, кажется, способен проходить сквозь стены.

Мистер Мерлин ответил улыбкой:

– Да. И я добавил бы, что убийца, который может проходить сквозь стены, это одна из любимых тем писателя.

– Ладно, – сказал Чарльз Хеймер, – вечер посвящён тайнам. И думаю, мне стоит внимательнее отнестись к известным детективным романам, потому что уверен, иначе стану посмешищем.

– В этом случае, – сказал Джон Брейд, кивая в направлении книжных полок, – вам повезло. У моей жены достаточно много книг, чтобы занять вас надолго. Если вам интересно...

– Что касается меня, – усмехнулся Грэм Моррис, – я буду следить за новостями, которые, кажется, в наши дни со- перничают с вымыслом.

Он, очевидно, имел в виду убийства в кислотной ванне, и Чарльз Хеймер немедленно ухватился за эту тему, чтобы разъяснить свою манихейскую теорию об убийце, ум которого мечется между нормальной жизнью и периодами безумия. Эта теория не вызвала единодушного одобрения и стала прелюдией к горячим спорам. Когда все согласились, что дьявольский убийца должен быть кем-то, кого никто не подозревает, и может жить в Шепвике, глаза Андреа широко открылись от ужаса:

– Этот монстр? В Шепвике? Боже мой, теперь я не смогу заснуть. К счастью, я не одинокая женщина, и у меня есть муж, который защитит меня. Правда, Джон?

Пока Чарльз Хеймер уверял молодую женщину, что она может рассчитывать и на него, Джон Брейд держался как-то отстранённо, словно не слышал. Он перелистывал «Машину времени», поглощённый раздумьями, когда к нему подошёл мистер Мерлин.

– Классика всегда полезно перечитать, – дружески заметил он.

Молодой человек сделал резкое движение головой, которое старик не смог расшифровать. Казалось, Брейд сильно чем-то подавлен, и после неловкой паузы мистер Мерлин рискнул спросить, всё ли в порядке.

– Кто-то хочет мне зла, – тихо ответил Джон Брейд.

– Хочет зла?

– Да, и этот кто-то сегодня находится здесь.

Мгновение спустя молодой человек сменил тему и снова стал самим собой. Но мистер Мерлин не забыл ни этих слов, ни сопровождающего их взгляда.

Взгляда, полного ненависти и направленного на продавца безделушек.

– Паула, выходи за меня! С тобой я стану другим, обещаю. Мы созданы друг для друга. Доказательство: порознь мы – просто два жалких существа, каждое потеряно в своём одиночестве.

Паула, которая только что взяла за руку приёмного брата, чтобы успокоить его, отпрянула. Адам казался искренним, и она, конечно, вовсе не ненавидела его. Она была уверена, что в глубине души он – вполне приличный парень и не потребует много усилий, чтобы вывести его на праведный путь. Не очень много... может быть, это зависит от неё?

Он хотел поцеловать её, и она чувствовала, что её воля опасно ослабевает. Девушка быстро встала, всё ещё глядя на него.

– Я подумаю и дам ответ завтра. Здесь... скажем, в полночь.

Адам ошеломлённо вновь взял её руку.

– Серьёзно? Т-ты?

– Абсолютно серьёзно.

– Есть ли шанс, что ты ответишь «да»?

Паула перешла к окну, облокотилась на подоконник и стала всматриваться в тёмный сад. Затем вздохнула:

– Завтра будет ровно два года с тех пор, как Джонас оставил нас. Если он не появится здесь до полуночи, ответ будет «да».

Адам, который, машинально играя перстнем, не отводил взгляда от тонкой фигурки Паулы, едва верил собственным ушам. Его мечта, его самое сокровенное жела-

ние, готово осуществиться. Опасаясь, что она может передумать, он решил уйти.

– Это... это мудрое решение. Очень мудрое решение, – пробормотал он.

И вышел, осторожно закрыв за собой дверь. Паула, подняв глаза к небу и сложив руки, прошептала, обращаясь к звёздам:

– Где бы он ни был, пусть вернётся поскорей... скорей, умоляю!

На следующий день ровно в два часа Грэм Моррис открыл ворота в доме Брейдов. Идя по дорожке мимо кабриолета Брейдов «триумф» с опущенным верхом, он увидел за кустами роз Чарльза Хеймера, копающего какую-то яму. «Чтобы заниматься подобным делом в такую жару, – сказал себе Грэм, – нужно быть не совсем нормальным». Но он быстро выбросил подобные мысли из головы, так как его заботило другое. Джон Брейд после последнего сеанса попросил Грэма зайти, чтобы выпить кофе и обсудить результаты гипноза.

Думая об этой встрече, Грэм сказал себе, что поведение Андреа перешло все границы. Возможно, сказывалась жара и портвейн, но всё равно... малейшая оговорка, которую легко сделать в таких обстоятельствах, может раскрыть глаза мужу. «Никогда не полагайся на женщину!» – вот аксиома, которую должен знать каждый мужчина, а Грэм следовал этому правилу всю жизнь.

Он завернул за угол дома и обнаружил супругов на террасе. Он приветствовал Андреа с почтительной любезностью, которую демонстрировал только в присутствии её мужа, а последнего с сердечностью, которой не чувствовал. Честно говоря, он терпеть не мог Джона Брейда.

Он сильно потел в своём «маскировочном» костюме торговца – именно таким он казался себе в старом чёрном одеянии.

– Где мы находимся? – повторил он вопрос хозяина дома и кивнул. – Мы ещё не дошли до конца – увы! – но всё-таки охватили многие вопросы. Мы на верном пути, это бесспорно. В чём я уверен, ваше подсознание старается изо

всех сил, чтобы подавить некий тайный участок вашего ума. В этом нет сомнений. Вопрос, который я задаю себе: есть ли здесь непосредственная связь с волнением, которое вызывает у вас эта странная фотография? Боюсь, эта по- меха отняла у нас много времени. Если бы только...

– Если только что? – повторил Джон Брейд, зажигая сигарету.

– Если бы только мы смогли, наконец, устранить её, узнав, в чём там дело.

Грэм Моррис произнёс последнюю фразу медленно и почти угрожающим тоном.

Повисла пауза, в конце которой Андреа объявила, глядя на мужа умоляюще и с каким-то испугом:

– Джон, мне кажется, ты что-то скрываешь от нас.

Джон Брейд, казалось, не слышал этих слов. Явно взволнованный, он проворчал:

– Как здесь жарко. Пойдём в гостиную?

Так они и сделали, и Моррис продолжил рассказывать свои выводы. Один раз его прервал Джон Брейд, всё ещё, казалось, страдающий от жары, несмотря на относительную прохладу в помещении. Андреа закрыла французские окна, но это не помогло. Она беспокоилась всё сильнее:

– Дорогой, что случилось? Хочешь, я вызову врача? Что именно тебя беспокоит?

– Не знаю, – ответил муж, держась за живот. – Иногда меня знобит и внутри что-то колет. Как будто... не знаю.

– Расстройство желудка? Но на ланч было лишь несколько тостов, и я не понимаю, как...

– Нет, дело не в этом.

Мистер Мерлин шёл вдоль проволочной ограды, отделяющей его от Брейдов, когда заметил переполох. Он смог разобрать лишь несколько слов, но узнал охваченный паникой голос Андреа Брейд, обращающейся к другому соседу.

– Вы не видели его, мистер Хеймер? Уверены?

– Никто... не двигался...

– Никто? Уверены?

– ...и бесспорно... я оставался на месте.

Внезапно на углу дома он увидел Грэма Морриса, который бросился к нему, нарушая правила вежливости; это само по себе демонстрировало, что здесь что-то не так.

– Мистер Мерлин. Вы случайно не видели мистера Брейда?

– Я видел его вчера, как и все остальные.

– Нет, сейчас?

– Нет, я не видел никого. Я был в саду и... но что случилось?

Чуть позже вместе с Чарльзом Хеймером мистер Мерлин слушал странный рассказ гипнотизёра и прекрасной Андреа Брейд. Оба казались совершенно сбитыми с толку. Моррис продолжал крутить свой перстень, а Андреа, очень бледная, могла изъясняться лишь отрывочными фразами:

– Он почувствовал себя плохо... и Грэм... мистер Моррис... собрался уходить... Мы только что вышли из комнаты и были в коридоре, когда он попросил, чтобы мистер Моррис подождал... он хотел ему что-то сказать... Он пошёл назад... Ему было явно трудно идти, и мы видели, как он повернул сюда... в этот проход рядом в перегородке. Прошло несколько секунд... затем раздался странный шум. А потом ничего. Мы звали его... никакого ответа. А затем мы вошли сюда... и увидели здесь это...

– «Здесь» было маленькой комнаткой, таким уютным «гнёздышком», а «это» – камином, где среди разбросанного пепла лежало несколько предметов: оловянный котелок, палочки для игры в «Микадо»³, пепельница, разби-

3 «Микадо» – настольная игра японского происхождения на развитие мелкой моторики, аналог восточнославянских бирюлек. Состоит из набора бамбуковых палочек (классический вариант) или проволочек, покрашенных особым способом. Каждая палочка имеет свою стоимость.

тый глиняный горшок и книги. Всё, очевидно, свалилось с полки над камином, как будто в комнате пронёсся порыв ветра или что-то взорвалось.

– И, как вы можете видеть, – добавила Андреа слабым голосом, – никто не мог уйти отсюда.

Гостиная Брейдов представляла собой обширное помещение с двумя французскими окнами в западной стене. Перегородка разделяла помещение на две части: бóльшая часть представляла собой саму гостиную, а другая – «гнездышко» с камином. Дверь, теперь запертая и с ключом, вставленным изнутри, вела из «гнездышка» в чулан с ок-

ном и второй дверью, не запертой и ведущей во внутренний коридор. Любой, стоящий в коридоре с чуланом по правую руку, мог войти в гостиную через единственную дверь в восточной стене, но увидел бы лишь французские окна непосредственно перед собой и почти ничего в «гнездышке» с правой стороны.

– Он исчез, – простонала Андреа. – Буквально исчез.

– Мы видели, как он вошёл в эту часть комнаты, – сказал Моррис, потея ещё сильнее, – и слышали странный шум. Мы бросились туда... но он исчез. Исчез! Смотрите... никто не мог выйти. Все окна заперты изнутри, и дверь около дымохода тоже, причём ключ в замке. Спрятаться негде. Мы пробежали через дом. Нигде никого. И никого снаружи. Ни вы, мистер Хеймер, ни вы, мистер Мерлин, находящиеся у себя в саду, не видели никого за последние десять минут. Это непостижимо. Он внезапно почувствовал себя больным, а затем фактически испарился у нас на глазах!

Андреа с диким взглядом прошептала дрожащими губами:

– Что... что нам делать?

– Ни к чему не прикасайтесь, – строго сказал мистер Мерлин, – и немедленно вызывайте полицию!

В «Принцессе Элис» слышались крики, песни и взрывы смеха. В дымной атмосфере, наполненной резким запахом пива, Адам Джейкобс, зажав сигару зубами, сделал знак Чарльзу Хаармену наполнить кружки друзей. Он вытянул за брелок часы из жилетного кармана: десять минут одиннадцатого.

Меньше, чем через два часа, Паула скажет «да». Обмениваясь похабными шуточками с дружкой за соседним столиком, он думал о женщине, которая вскоре должна стать его женой. Превосходно! В нескольких отношениях. Во-первых, потому, что Паула была Паулой, и он страстно желал её. Но также и потому, что этот союз очень поможет привести в порядок коммерческие дела, отчаянно пошатнувшиеся после потери им «золотого гуся». Отец явно даст им большую сумму, которая в основном достанется ему. Он привык к экстравагантному образу жизни. Друзья его уважали, и у него были все девушки, которых он желал. Какую жизнь станет он вести после женитьбы? Не следует кидаться в крайности и резко бросать старые привычки. Слишком крутые перемены вредны, все это знают. Это напомнило ему: пора встретиться с Роуз, чтобы решить несколько неотложных вопросов. В любом случае нет смысла пытаться увидеться с Паулой до полуночи и следить за стрелками, медленно движущимися к двенадцати фатальным ударам. В конце концов, не обязательно приходиться ровно в полночь.

Он поднял руку в прощальном жесте перед друзьями, надел куртку и шляпу-котелок и вышел. Пять минут спустя он был в Уайтс-роу, мрачном, слабо освещён-

ном переулке. Увидев свет в квартире Роуз Келли, он задался вопросом, есть ли риск застать её за «работой». С улыбкой на губах он вошёл в сводчатый проход, ведущий к тёмной площадке, затем на цыпочках поднялся по обшарпанной деревянной лестнице, приведшей к убогой квартирке Роуз.

Роуз превосходила других соратниц по профессии красотой, причём безоговорочно. Молодая, высокая и стройная с симпатичным личиком, обрамлённым богатой массой рыжеватых волос. Ирландская девушка с шиком, она занималась «профессией» с мастерством, очень ценным любителями такого рода услуг. Адам знал, что будет трудно воздерживаться от них самому. Кроме того, она была преданным другом, и на неё можно было положиться.

Достигнув её двери, он услышал, как кто-то напевает «Фиалку с могилы матери»⁴. Он знал, это означает, что Роуз дома одна, поскольку она не пела бы, будь у неё «гость». Всё шло гладко. У него впереди добрый час. Он постучал в дверь.

Глядя на звёзды, Паула молилась всей душой. Она только что услышала, как часы на церкви пробили четверть двенадцатого. Оставалось лишь сорок пять минут, чтобы сбылось её самое сокровенное желание. Иначе вскоре она откроет дверь Адаму и услышит, как сама произносит «да».

Возможно ли ещё чудо? Может ли случиться так, что в эти последние несколько минут появится тот, кого она напрасно ждала целых два года? Это было бы слишком!

Пробило половину. Три четверти.

На лестнице раздались шаги. Дверь позади стала медленно открываться. Адам. Она услышала его шаги, затем

4 Композиция Уилла Фокса (Will. H. Fox 'A Violet from Mother's Grave').

шум дыхания. У неё всё ещё оставалось несколько минут отсрочки, но надежды больше не было. Она покорно повернулась...

В полутьме она могла видеть только силуэт, но у неё появились сомнения.

– Это я, Паула. Я вернулся!

Это был его голос.

– Любимая, я здесь. И больше никогда тебя не оставлю.

Паула буквально упала на руки жениха.

Чудо свершилось. Джонас вернулся.

Джон Брейд испарился, как будто его никогда и не существовало. Его не могли найти нигде. Его не видели в Шепвике или в его окрестностях, согласно первым рапортам о расследовании, порученном молодому инспектору из соседней полицейской части Стиву Салливану. Рыжий и несколько неопрятный с виду, он, по словам начальников, обладал упорством бульдога.

Андреа последовала совету мистера Мерлина и как дьявол помчалась в кабриолете, чтобы известить полицию. Два часа спустя инспектор Салливан был на месте. Пока его подчинённые осматривали дом и окрестности, он несколько раз допросил свидетелей об обстоятельствах исчезновения. Моррис и Андреа считали, что прошло максимум тридцать секунд между последним разом, когда они видели Джона Брейда, входящего в «гнёздышко», и пониманием, что он исчез, когда они стояли перед очагом. Какова природа услышанного ими шума? Гипнотизёр считал, что это напоминало приглушённый взрыв, а Андреа показалось, словно налетел сильный порыв ветра. Оба были уверены, что окна в комнате были закрыты. Между прочим, они это проверили. Дымоход оказался слишком узким, чтобы там мог пролезть взрослый мужчина, и не было никаких царапин на ключе в замке – это опровергало теорию, выдвинутую одним из полицейских, что ключ могли повернуть изнутри чулана с помощью пинцета. По словам Андреа, дверь всегда была запертой, потому что, насколько она знает, ею никто никогда не пользовался, чтобы войти или выйти из «гнёздышка». Предметы, рассыпанные по

полу, были тщательно осмотрены и сложены в мешок, как и пепел. Он оставался там, объяснила Андреа, потому что она не посчитала нужным выбросить его сразу после топки камина три недели назад.

Стив Салливан явно был не удовлетворён ходом расследования.

– Если я отнесусь к вашим показаниям серьёзно, – сказал он, резко опустившись в кресло, – мы должны поверить, что он испарился в вакуум... или, скорее, исчез в дыму, поскольку произошёл взрыв!

После чего он стал расспрашивать их о характере исчезнувшего и о недавних событиях. Описание вчерашней встречи он выслушал недоверчиво. Его скептицизм вырос, когда он узнал о странной фотографии и сеансах гипноза, особенно потому, что рассказ свидетелей становился всё более сбивчивым и путанным.

– Довольно, – вспыхнул он, вставая. – Что за ерунда? Мне нужна правда, слышите? Правда!

Побледневшая Андреа пробормотала:

– Всё, что мы рассказали вам до сих пор, абсолютная правда, инспектор, но...

– Вы двое – любовники! – воскликнул он. – Я прав?

– Нет. Грэм – друг, это правда. Он немного разбирается в гипнозе, но он не продавец безделушек. Он приехал в Шепвик, потому что я... мы договорились и...

Величественным жестом Стив Салливан попросил её замолчать.

– Успокойтесь, миссис Брейд, и начните сначала. По одному факту за один раз. Я вас внимательно слушаю.

Андреа глубоко вздохнула, бросила быстрый взгляд на Морриса и начала:

– Прежде всего, вы должны знать, что Грэм Моррис – частный детектив, которого я наняла, чтобы следить за мужем.

– Мне самому трудно представить, что произошло со мной, но факты таковы. Когда память внезапно вернулась, я лежал плашмя внутри круга из перевёрнутых фургонов, стреляя в дикарей. Мы отчаянно защищались от непрестанных нападений орд зулусов, стремящихся уничтожить всех нас. Но давай начнём с самого начала.

Оставаясь в объятьях жениха, Паула, казалось, хваталась за каждое слово. Её счастье было настолько сильным, что даже при том, что она оказалась едва способна следить за его рассказом, это не имело значения. У неё впереди была вся жизнь, чтобы всё понять.

– Смерть мамы стала для меня ужасным шоком. Думаю, все это заметили, но фактически я был потрясён ещё сильнее, чем казалось с виду. Я быстро понял, что не могу оставаться жить в этом доме, где всё напоминало мне о ней. Внезапно я принял решение, находясь словно в трансе и будучи одержим лишь одной мыслью: уйти, неважно куда, лишь бы подальше. Знаю, тебе больно это слышать, Паула, но ты принадлежала той части вселенной, где теперь была только трагедия и пустота. По правде говоря, я больше не был самим собой. Сначала я ушёл не очень далеко. Я остановился в гостинице «Тополь», где выпил галлоны джина в компании старого моряка, который сказал мне, что знает о капитане, ищущем парней вроде меня. На следующий день я подрядился в рейс на континент... по крайней мере, я так считал. Поездка через Ла-Манш оказалась очень долгой, и я спросил капитана. Тот объяснил, что мы следуем вдоль французского побережья на юг Франции. Именно там базировалась компания

его друга, и он искал старшего помощника: «динамичного молодого человека, хорошо образованного и одинокого (то есть, такого как я), кто смог бы справиться с работой». Прошло несколько дней, затем несколько недель, и, в то время как я задавался вопросом о нашем конечном пункте назначения, разыгрался сильный шторм, и вот здесь мои воспоминания заканчиваются.

Что происходило в течение почти двух лет полной амнезии с момента шторма до стычки с зулусами? Кроме последних нескольких недель – не знаю. Не знаю, каковы были намерения того капитана, куда шло судно и что произошло с ним и остальной частью команды во время шторма.

С другой стороны, небольшая группа буров, вместе с которыми я боролся за свою жизнь в вельде в тот день, смогла рассказать мне о последнем этапе этих двух таинственных лет. Нортьер, их лидер, вложил большой капитал в добычу золота. Я встретил его, когда искал работу, и он нанял меня. Предприятие процветало, хотя оно ничего не принесло ему, потому что его партнёр исчез, прихватив всю прибыль. Он решил вернуться к сельскому хозяйству и направился на север с группой последователей. Это был довольно малочисленный конвой из семи или восьми фургонов, и он подвергся жестокому нападению зулусов в тот самый день.

Почему Нортьер взял меня в свою группу после краха горного бизнеса? После своего внезапного пробуждения я рассказал ему, кем являюсь в действительности и как моя память утратила все следы прошлых двух лет. Он сказал, что не может бросить меня одного, когда я настолько потерял почву под ногами, и что в любом случае храбрый и трудолюбивый товарищ, такой как я, едва ли будет бременем для его команды. Он сразу обнаружил моё гугенотское происхождение, потому что его предки также были частью французов, вынужденных бежать, и мно-

гие из них стремились в Южную Африку, чтобы влиться в поток первых африканеров. Он знал многих Джейкобсов, которые, вероятно, были дальними родственниками моей собственной семьи.

Когда я рассказал ему о моём намерении вернуться в Англию, он с сожалением позволил мне уехать, чтобы воссоединиться с девушкой, которую люблю. Если бы ты только знала, как долго тянулись для меня последние несколько недель на судне... А что делала ты? Всё ещё думала обо мне? Тебе хватило сил ждать? И вот я здесь. Невероятно вновь оказаться тут и держать тебя в своих объятьях. Я всё ещё не могу в это поверить!

Паула подняла глаза, полные слёз:

– И я не могу, Джонас. Если бы ты знал, как я ждала тебя, как надеялась и молилась.

Именно в этот момент в коридоре прозвучали шаги. Решительные шаги. Затем дверь открылась.

В дверном проёме появился Адам, на лице его сияла широкая улыбка, которая тут же застыла бледной маской...

Тем вечером, в отделении полиции, Андреа Брейд встрети­лась со Стивом Салливаном, чтобы продолжить давать показания. Инспектор, полузакрыв глаза и зажав губами сигарету, сидел очень прямо на стуле – перед ним лежали лишь карандаш, листок бумаги и наполовину заполнен­ная пепельница.

Единственное окно было открыто, впуская приятный вечерний воздух и множество насекомых, привлечённых конусом света от настольной лампы.

– Мы встретились четыре или пять месяцев назад, – объ­яснила Андреа, её пальцы нервно перебирали застёжку сумочки. – Это была любовь с первого взгляда, как гово­рят. Месяц спустя мы поженились. Мы едва знали друг друга. Между прочим, я всё ещё ничего не знаю о нём за исключением того, что он работает в Лондоне и зарабо­тывает хорошие деньги в каком-то филиале банка, кото­рый он держит в секрете до сих пор. Я более или менее примирилась с этим, пока не произошло событие, после которого мне захотелось узнать больше.

Грэма я встретила случайно в кафе, когда ходила по ма­газинам в Лондоне несколько недель назад. Мы нашли общий язык и, когда я узнала, что он – частный детектив, то решила воспользоваться его услугами. Я описала стран­ное поведение мужа и спросила его, что он думает об этом. Он считал, как и я, что ситуация очень деликатная. Его цена оказалась разумной, и я его наняла. Мы быстро пришли к заключению, что будет лучше, если он сможет жить в Шепвике, чтобы следить за Джоном более осто-

рожно. Таким образом, Грэм арендовал небольшой магазин, который заполнил дешёвыми безделушками. Если бы вы увидели это место, то поняли бы, насколько мало на всё потрачено. Он начал следить за Джоном. Сначала в поезде на Лондон, на который муж садился каждый день, затем в самой столице. – Андреа чуть пожевала нижнюю губу, прежде чем продолжить: – Без особых успехов, должна признать. Сначала он практически не выпускал Джона из вида. Тот переходил с места на место: парк, книжный магазин, паб... Однажды Грэм видел, как муж вошёл в отель, но не смог узнать, какую комнату тот занимал, если занимал вообще. В конечном счёте, Джон заметил как-то, что, по его мнению, за ним следят, и после этого стал легко ускользать от Грэма. Таково было состояние дел, пока он не вернулся однажды вечером с историей о странной фотографии, которая очень его обеспокоила. Я поговорила об этом с Грэмом, и он быстро предложил гипноз – область, в которой у него имеется некоторый опыт. Кроме того, для нас это была возможность продолжить расследование. Признаюсь, меня, как затем и Грэма, очень заинтриговали провалы в памяти мужа и тайна фотографии. После некоторых колебаний Джон согласился на эксперимент. Остальное я вам уже рассказала.

– Неважно, можете поговорить ещё немного. Меня очень интересует то, что он сказал, когда был в том «втором состоянии».

Андреа выполнила его просьбу, и полицейский записал:

Синий цветок – глициния.

Красивая леди в белом. Жестоко убитая «тримя мужчинами в чёрном».

Приятная музыка.

Долгая дорога.

Цветник с беседкой.

Тонкий аромат.

Он прочёл список вслух, после чего Андреа объявила:

– Относительно аромата, помню, что он, казалось, так ярко вновь переживал этот момент, что я тоже почти почувствовала этот запах. И... совсем забыла... он брал с собой портфель всякий раз, когда ходил на работу, и очень раздражался, если я прикасалась к нему. Недавно я смогла заглянуть внутрь и нашла газету... вернее, страницы из газеты, а также личные заметки, где он писал о красивой леди в белом, о саде, убийстве и глицинии. Но не просто заметки, это гораздо больше: ему удалось вспомнить другие вещи, которые он изо всех сил старался не показать нам. К сожалению, у меня было мало времени, поэтому я смогла лишь заметить места, где были слова, которые он произнёс во время сеансов гипноза. Сейчас никаких заметок нет. Только газеты. Я только что проверила.

– Жаль, – вздохнул инспектор. – Если вы их найдёте, сообщите мне немедленно. И ещё. Вы сказали, что, когда он принёс домой книгу (это напомнило мне, что я должен посмотреть на эту замечательную обложку в следующий раз, когда буду у вас дома), вы помогли ему порыться в памяти, чтобы прояснить его мысли. Он, должно быть, тогда говорил с вами о своей юности?

– Он говорил о раннем детстве в бедном пригороде Лондона, и о матери, которая уделяла ему мало внимания. Больше ничего не знаю. Он был довольно уклончив. Но теперь, когда я думаю об этом...

Лицо молодого инспектора прояснилось:

– Вот именно. Порывшись в собственной памяти, всегда вспоминаешь, что что-то забыл.

– Не знаю точно, когда именно это произошло: но Грэм спросил его о времени, когда мужу было восемнадцать, и он очень занервничал. Я знаю, тогда произошло что-то очень важное, что-то, что он хочет скрыть.

Стив Салливан добавил в список «18».

Внезапно Андреа заплакала, и полицейский неловко попытался успокоить её.

– Боже мой, – стонала она, – это ужасно. Он исчез, и я не знаю ничего, ничего о нём, ничего о том, что всё это означает. Он казался действительно расстроенным этой фотографией и... я люблю его. Мы должны найти его!

– Мы найдём его, миссис Брейд, доверьтесь мне.

Инспектор произнес эти слова совсем не убедительно. В глубине души он сильно сомневался. Ситуация выглядела абсурдной. Если бы очаровательная леди, сидящая перед ним, действовала совместно с частным детективом, чтобы избавиться от мужа, то они никогда не придумали бы такой неправдоподобный сценарий. Накануне вечером они обсуждали путешествие во времени, перевоплощение и человека-невидимку, а на следующий день владелец дома исчезает в клубах дыма! Такое трудно переварить. Однако молодая женщина казалась искренней. И возможность манипуляций со стороны мужа нельзя исключать, как и причастность третьего лица.

– Вы также сказали, – продолжал он, – что ваш муж почувствовал себя больным как раз перед исчезновением. Больным чем? И когда точно?

Андреа на мгновение задумалась:

– Он и сам был не до конца уверен. Это напоминало желудочные колики, но захватывало большую площадь. Его также тяготила жара. Он уже чувствовал себя нездоровым, когда встал, а к ланчу стало хуже. Но именно когда пришёл Грэм, он почувствовал себя действительно плохо.

– Он мог притворяться больным?

Лицо Андреа покраснело:

– Вы считаете, это уловка? Если бы он хотел бросить меня, то сделал бы это открыто. Зачем эти сложности? Это абсурдно. Я, возможно, и не слишком хорошо его знаю, но могу уверить вас, что он не любитель злых розыгрышей. И как он ушёл?

– Не знаю. Я лишь учитываю каждую возможность. Есть также вопрос похищения или убийства неизвестным лицом. Вы знаете кого-нибудь, кто желал ему зла?

– Никого, о ком я знаю, могу вас уверить.

– Проблема в том, что, если никакого объяснения исчезновению мы не найдём, придётся вновь проверять ваши показания. Но давайте пока это оставим.

Он взял листок бумаги, откинулся на спинку стула и негромко вновь прочитал заметки.

– Странно, – сказал он через некоторое время, – эти «трое мужчин в чёрном» и «глицинии» напоминают мне о чём-то. И имя вашего мужа кажется знакомым. В любом случае завтра мы будем знать о нём немного больше. Я, вероятно, заеду к вам завтра днём.

На следующий день инспектор Салливан принял в своём кабинете Грэма Морриса. Внешность бывшего продавца безделушек изменилась, и полицейский с трудом узнал в этом уверенном в себе небритом молодом человеке тридцати с лишним лет в тёмных очках и с коротко подстриженными каштановыми волосами потрёпанного мужчину, которого видел и слышал вчера.

– Bravo за маскировку, продавец-гипнотизёр, – сказал Салливан вместо приветствия. – Очень убедительно.

– Такому карикатурному характеру легко подражать, – скромно ответил частный детектив перед тем, как по просьбе инспектора описал свою первую встречу с клиенткой и последующее расследование.

Всё подтверждало рассказ Андреа.

– ...однажды он заметил, что за ним следят, но уверен, он меня не узнал.

– У вас есть адрес отеля, в который, как вы видели, он вошёл?

– Конечно. Это был «Рояль скот» на Грэй-Инн-роуд.

Инспектор записал это, а затем спросил, что Моррис думает о своем «преследуемом».

Грэм Моррис глубокомысленно поиграл перстнем.

– Невозможно угадать его профессию, если таковая у него есть вообще. Это – полная тайна. Что касается личности моего «пациента»...

– Вы часто практикуете гипноз во время своих расследований? – полюбопытствовал полицейский.

– Практически никогда. Знаете ли, я занимаюсь этим очень редко. Вообще-то это легко. Очевидно, многое зависит от объекта.

– Мистер Брейд был хорошим медиумом?

– И да, и нет. Он засыпал довольно легко, но затем даже интересно, не он ли руководил сеансом. Он хорошо отвечал на мои начальные вопросы, но после этого делал то, что хотел. Что касается моих заключений об этих сеансах, я буду придерживаться того, что у вас записано. Невозможно сказать больше. Я даже не знаю, имели ли его ответы какое-либо отношение к известной фотографии.

Салливан некоторое время смотрел на него:

– Вы считаете себя разумным человеком?

– Вы имеете в виду то, чему мы были свидетелями вчера? Да. Это было совершенно невероятно.

Инспектор попросил, чтобы он ещё раз рассказал об исчезновении Брейда, но это не дало ему ничего нового и лишь подтвердило первые показания Грэма и показания миссис Брейд.

– Чем собираетесь заняться теперь? – спросил Салливан. – Продолжите работать на свою клиентку?

– Теперь, когда этим занялись вы? – удивился Моррис. – Я не говорил с ней, но полагаю, что на этом всё закончилось.

– Хочу попросить, чтобы вы были доступны до особого распоряжения.

– Понятно. Но по лондонскому адресу, а не в Шепвике. Я собираюсь вернуть этот несчастный магазин владельцу.

Полицейский улыбнулся, затем зажёл сигарету, всё ещё смотря Моррису прямо в глаза.

– Любопытно. Для человека в этом бизнесе вы очень мало рассказали. Или что-то от меня скрываете?

Моррис покачал головой:

– Нет, честно. У меня есть несколько мыслей, но предпочитаю держать их пока при себе. – С этим он ушёл.

Зазвонил телефон, и инспектор Салливан поднял трубку. Он удовлетворённо кивнул тому, что услышал.

В начале второй половины дня Андреа открыла дверь, услышав звонок. В ответ на её молчаливый вопрос инспектор Салливан покачал головой.

– Он всё ещё не проявился, – сказал он, садясь в кресло, которое, казалось, ему приглянулось. – Никто под этим именем не пытался покинуть страну. Могу я увидеть знаменитое фото?

Он недолго рассматривал фотографию, вырезанную из обложки книги «Хозяйка поместья», которую Андреа принесла ему. Отложил её, очевидно разочарованный, и спросил, пропало ли что-нибудь из дома.

– Вообще ничего, – ответила она безжизненным голосом. – Ни даже зубной щётки.

– А те личные заметки: вы нашли их?

– Нет. Его портфель всё ещё здесь, но в нём лишь несколько газетных вырезок. Хотите на них взглянуть?

– Нет, бессмысленно.

Он встал, вошёл в «гнёздышко» и осмотрел камин и дымоход.

– Мы тщательно исследовали всё найденное здесь, – сказал он, – но напрасно. Ничего стоящего в пепле также. Ни-

чего, соответствующего взрыву. Относительно предметов, вы действительно уверены, что все они стояли на полке над камином? И когда в последний раз вы заходили в это помещение?

Андреа закрыла глаза, чтобы лучше сконцентрироваться.

– Около полудня, как раз перед обедом. Очевидно, я не обращала особого внимания, но всё казалось нормальным. Всё стояло на обычных местах. Оловянный котелок, глиняный горшок, пепельница. Игра «Микадо» была где-то в другом месте. Что касается книг, не знаю. Но мы часто оставляем их здесь.

– Вы видели, как он вошёл в эту комнату, – задумчиво продолжал полицейский. – Прошло двадцать секунд...

– Пятнадцать, двадцать, тридцать. Не помню точно.

– Затем вы услышали шум, вроде приглушённого взрыва, сопровождаемый падением предметов. Ещё дюжина секунд, в течение которых вы напрасно звали мужа перед тем, как войти сюда.

Он покачал головой, нахмурился и вернулся к креслу.

– Несколько минут назад я получил новости, – начал он. – Нет, не будите надежды. Это касается некоторых личных деталей. Мы не знаем, чем он зарабатывал на жизнь, но мы теперь знаем, кто он и откуда родом. Он жил с родителями в доме в Литл-Уолтхэме в Сассексе. Его отец умер три года назад, а мать... – он остановился на несколько секунд, и на губах показалась улыбка. – Я знал, что рука, сжимающая цветок глицинии, и эти трое мужчин в чёрном казались знакомыми. Его мать умерла десять лет назад. Отметьте дату: десять лет назад, когда вашему мужу было восемнадцать. Убита тремя грабителями с «силуэтами, тёмными как ночь». Тело нашли под окном её комнаты. Правая рука сжимала цветок глицинии.

Инспектор Донован долго поглаживал бороду, не отводя взгляда от худого молодого человека, сидящего напротив. Джонас Джейкобс, строго и безупречно одетый, со спокойными манерами, большими карими глазами и тонкими коричневыми усиками, производил лучшее впечатление, чем его брат Адам. Но его рассказ, однако, был совершенно неправдоподобным. Инспектор совершенно не жалел, что проводит допрос в своём кабинете в Скотланд-Ярде, то есть в более официальной обстановке, а не в доме Джейкобсов, как с другими членами семьи, – расчёт был на то, чтобы поместить их в более непринуждённую обстановку, но не оправдался.

– В самом деле, – произнёс он наконец, – всё это просто замечательно. Даже сверхъестественно. Рассказ, достойный романа. Озарение, наступившее в разгар сражения с зулусами...

– И всё же, это – правда. Мы только на волосок избежали печальной участи, на которую зулусы обрекают врагов.

– Да, да, конечно, – быстро ответил инспектор. – Но удивителен сам факт восстановления вашей памяти. Столь внезапно, и полностью стёрто двадцать предыдущих месяцев, начиная со дня, когда вы покинули дом.

– Нет, это было немного после. Я всё ещё помню жуткий шторм. Как я понимаю, судно перевернулось, и меня выбросило на берег наполовину утонувшего, что, должно быть, и вызвало амнезию.

– В любом случае очень специфическая амнезия.

– Мой врач говорит, что это не уникально, и он полон надежд...

– Я с ним поговорю, а там посмотрим. Тем временем есть кое-что ещё, что я считаю уникальным. Если я правильно понял, прошло уже почти две недели с тех пор, как вы ступили на землю в Портсмуте. Почему вы не приехали сюда немедленно, чтобы увидеть семью? И невесту, с которой разлучились так надолго?

Джонас глубоко вздохнул:

– Между моментом, когда я принял решение вернуться, и прибытием на английскую почву прошло несколько недель, как вы понимаете. У меня не было ни пенса. Я договорился, что отработаю дорогу назад в Европу как простой матрос. После такого долгого ожидания несколько дней ничего не значили. Но я не хотел появиться одетый как бродяга. – Он пристально взглянул на свою одежду. – Мне потребовалось время, чтобы собраться с духом и вновь сделаться презентабельным.

– Понятно. Это означает, что вы уже были в Англии, когда произошло убийство Джека Этмора.

Джонас задумался:

– Из того, что я узнал, было выяснено, что никто не мог его убить.

Полицейский улыбнулся:

– Правда, и всё же, как это ни парадоксально, было также выяснено, что это может быть только убийством. Позвольте мне объяснять всё подробнее, чтобы вы лучше поняли ситуацию, – это только облегчит наш разговор.

После чего инспектор дал чёткую картину всего дела, не стараясь скрыть подозрений полиции.

– Знаете ли, – закончил он с сухой улыбкой, – мы в Скотланд-Ярде не вчера родились. Мы изучили способы, которыми Джек Этмор сообщал свои предсказания. Он действительно иногда посылал «астральные прогнозы» почтой, но очень редко. Письмо, которое он послал себе, чтобы объявить о собственной смерти, «воняет» невыносимо. Это, вероятно, лишь попытка запутать проблему, прида-

вая убийству сверхъестественный аспект. *Но мы не собираемся на это вестись!*

Инспектор сделал короткую паузу и продолжил:

– Джеку Этмору нанесла удар человеческая рука, рука убийцы из плоти и крови и с сильным мотивом. Убийцы, достаточно умного, чтобы оставить за собой жертву внутри запертой комнаты. Но мы доберёмся до сути всего этого, не сомневайтесь, мистер Джейкобс. Между прочим, вы ведь знали Джека Этмора?

– Едва ли. Видел его пару раз в «Принцессе Элис», но это всё. Я знал его больше по репутации, даже при том, что он пробыл здесь лишь немного времени до того... того, как...

– Того, как была убита ваша мать, – добавил полицейский серьёзно. – В некотором смысле у вас был превосходный мотив желать смерти Джеку Этмору. Он предсказал смерть вашей матери и поэтому нёс некоторую ответственность за трагедию, по крайней мере с вашей точки зрения. Вы покидаете страну на два долгих года, а как только возвращаетесь, *человек, виновный в ваших несчастьях, погибает*. Любопытное совпадение, вам не кажется?

Поздно днём Андреа за рулём автомобиля приблизилась к Челмсфорду. Судя по карте, она находилась лишь в четверти часа езды от Литл-Уолтхэма. «У меня будут все подробности об этом деле через два или три дня», – вот последние слова инспектора Салливана, когда он уходил. Два или три дня? Андреа не могла ждать так долго. В ту же секунду, как за инспектором закрылась дверь, она атаковала карту Эссекса, чтобы найти деревню, где жил Джон, бросила несколько вещей в дорожную сумку и вскочила в спортивный автомобиль.

На карте Литл-Уолтхэм походил на небольшую деревню. Хотя придётся немного походить, у неё не возникнет больших трудностей, чтобы найти старый дом Брейдов. Он всё ещё принадлежит семье или уже продан? Она обязательно узнает. Она *должна* увидеть дом, где жил Джон.

Её сердце забилося немного быстрее, когда она увидела указатель «Литл-Уолтхэм». Она медленно проехала по деревне, внимательно разглядывая скромные здания, растягивающиеся цепочкой перед ней, но ни одно из них не казалось очевидной целью поездки. Андреа остановилась перед старой, но хорошо сохранившейся гостиницей с горшками герани в окнах. Сняла комнату на ночь и заказала чай. Было почти шесть часов и в зале находилось только два клиента: два молодых человека, которые открыто пялились на неё. Она предпочла обратиться к владельцу, который принёс ей чай.

– Есть что-то знакомое в этой деревне, – начала она. – Кажется, я знала кое-кого отсюда. Мужчина примерно моего возраста... Джон...

– Джон? – усмехнулся владелец, маленький человек с весёлыми искорками в глазах. – Здесь Джонов хватает. Как и в остальной части страны, если на то пошло.

– Да, конечно. Дайте подумать. Да, Брейд. Вот именно: Джон Брейд.

– Брейд. Гм, имя кого-то напоминает.

Андреа продолжила:

– Я была знакома с ним, когда была совсем молодой. Потом узнала, что его мать убили грабители.

– О, понятно! Это я помню. Я не был близко знаком с Брейдами – они держались особняком. Так или иначе, они здесь больше не живут. Насколько я помню, мистер Брейд последовал за женой несколько лет спустя. Что касается двух его сыновей, понятия не имею, где они.

– Двух сыновей! У Джона был брат? Но он никогда... – Андреа закашлялась, пытаясь скрыть удивление. – Но неважно. – Она попыталась принять смущённый вид. – Когда-то я знала Джона довольно хорошо, если вы понимаете, что я имею в виду, и хотела бы увидеть место, где он жил. Вы не подскажете, как туда добраться?

Владелец понимающе кивнул:

– Да, конечно...

Несколько минут спустя Андреа шла по главной улице, пытаясь казаться беспечной, как простая туристка.

«Пойдёте на север до конца деревни и свернёте на улицу налево, пройдёте ещё приблизительно двести ярдов, пока не увидите большое кирпичное здание, – мысленно повторяла она. – Самое большое там. Не пропустите».

Андреа дрожала от переполнявших её эмоций. Что именно она найдёт? Зловещие старые руины? Яркое весёленькое местечко? А сад? Заросший ежевикой? Безупречную лужайку? Уже недалеко. Чем дальше она шла, тем более ветхими становились дома, а изгороди почти падали. Наконец, она увидела *его*.

Это действительно было самое большое здание в том месте. Широкая двухэтажная конструкция с внушительной высокой оградой, которая охватывала, казалось, большой участок земли. Двойной портик справа, возможно, представлял собой последний остаток старой викторианской фермы, которая когда-то располагалась тут. Ставни закрыты, и буйная растительность указывает на отсутствие ухода. Выглядело так, словно владелец больше там не живёт, но лучше было бы убедиться.

На дверной звонок никто не ответил. Андреа украдкой осмотрелась, затем, поняв, что она одна, зашла в высокую траву и направилась вдоль периметра. За оградой высилась широкая изгородь из тисов, которые закрывали от взгляда большую часть земли, пока не появился промежуток, позволивший ей увидеть таинственный сад. Красивый сад, но за ним явно не ухаживали в течение нескольких месяцев.

– Что-то ищете, мадам? – послышался позади неё голос, заставивший вздрогнуть.

Она обернулась, лицо её стало свекольно-красным. Но в маленьком старике, который окликнул её из соседнего сада, не было ничего пугающего. Глядя на неё одним глазом (второй был закрыт кепкой, лихо сдвинутый набок) и поставив одну ногу на лопату, он осторожно рассматривал её.

– Э-э... Да. Я – друг кое-кого, кто живёт здесь.

– Здесь? – повторил старик, поправляя кепку. – Это маловероятно. Дом продаётся уже нескольких месяцев. Почти год, фактически. Я сказал мистеру и миссис Грин, что они должны сбавить цену, но... Вы их ищете?

– Нет. Джона Брейда. Вы знаете его?

– Брейдов? Конечно. Я был их соседом целую вечность. Но это было давно, так как они уехали. Дайте подумать: должно быть, уже десять лет. Мистер Брейд продал дом вскоре после смерти жены. Полагаю, вы знаете, что с ней произошло?

– Нет, – солгала Андреа. – Я знала Джона, когда он был ещё очень молод. Это... прошло много времени с тех пор, как я видела его.

– Это печальная история, – сказал старик, качая головой. – Её убили грабители. Их было трое. Против них у неё не было шансов. Она была хорошей женщиной. И красивой. Почти такой же красивой, как вы, если вы не против моих слов. Немного старше вас. У неё было два больших сына, Джон и Дэвид. Джон, как вы, наверное, знаете, был ей не родным.

– Он никогда ничего не говорил мне об этом.

Старик откашлялся:

– Конечно, никто никогда не говорит о подобных вещах. Даже при том, что не было никакой тайны. Они приняли его. Помню, это было в войну, во время бомбёжек. В 1940-м. Как раз перед Рождеством. Я потерял племянника в то же самое время. Ему ещё не исполнилось и десяти. Джон только что потерял родителей или, возможно, только мать во время этих же бомбёжек. На ноги его поставили Брейды. Отец, Гидеон, был прекрасным человеком. Не очень разговорчивый, но зато никогда и не ругался. Очень любезный. Возможно, это было позёрством, потому что он не испытывал нужды в деньгах. А мать, Амелия, была предана детям. Гуляла с ними, рассказывала истории, читала стихи, учила разбираться в цветах. Видели бы вы их сад! Истинный рай! У Джона было всё, уверяю вас. Прошли годы, а затем произошла трагедия. Самое ужасное, что тех трёх хулиганов так никогда и не нашли. Это уничтожило семью, как вы можете представить. Они уехали два или три года спустя. Больше я их здесь не видел.

Глаза Андреа были открыты, но она не видела старика. Перед её мысленным взором был Джон, лежащий на диване Грэма Морриса и что-то бормочущий о вещах, непосредственно связанных с этим преступлением.

– Скажите, сэр, – попросила она, – миссис Брейд иногда носила белую широкополую шляпу?

– Да, когда солнце припекало. Значит, вы знали её?

– Нет, Джон рассказывал о ней.

Повисло молчание. Андреа чувствовала, что готова упасть в обморок. То, что она только что узнала, объясняло многое, но в то же время чувство неловкости только усилилось.

– И вы не знаете, что произошло с остальной частью семьи?

– Я слышал, что Гидеон Брейд умер, но кроме этого действительно не могу помочь вам.

– Возможно, кто-нибудь ещё в деревне может знать?

– Меня бы это удивило. Как я сказал вам, Брейды были хорошими людьми, но очень замкнутыми. Не думаю, что у них остались связи с кем-нибудь из живущих здесь. Но никогда не знаешь. Спросить не помешает.

Для Андреа это было уже слишком, и она залилась слезами.

– Сочувствую вам, мадам, – сказал старик. – Он был вашим другом.

– Вы можете рассказать мне ещё что-нибудь о нём?

– Он был хорошим мальчиком, это несомненно. Но я видел их только во время праздников, потому что остальное время они были в школе. Он не слишком часто выходил из дома, когда был здесь, и у него было мало друзей. Скорее он был мечтателем. Сидел на скамье и смотрел перед собой целую вечность, словно находился где-то в другом месте. Они с братом были примерно одного возраста, как мне кажется. Дэвид отличался – очень общительный. Намного более шумный. К счастью, позже он угомонился. Это всё, что я могу рассказать вам.

Андреа благодарно поклонилась и подошла к ограде, где остановилась словно в трансе.

– Если хотите осмотреть сад, – продолжал старик, – это не трудно. Немного дальше в старой стене выпало несколько

каменной. Там сможете легко войти. Очевидно, всё запущено. Несмотря на их имя, у нынешних владельцев не зелёные пальцы, как у миссис Брейд⁵, и прошло много месяцев с тех пор, как тут что-то делали.

Чуть позже Андреа, сдерживая дыхание, сделала первые шаги в месте, которое казалось ей святилищем. Она шла вдоль короткой дорожки, ограниченной живыми изгородями, и вскоре увидела дальний конец дома. Женщина сразу же обратила внимание на окно над подъездной дорожкой. Именно оттуда, объяснил старик, сбросили миссис Брейд.

Эту часть дома охватывала мощная глициния, и одна из её ветвей изгибалась над подъездом, сине-сиреневые цветы парили в воздухе.

Синий цветок... красивый синий цвет с примесью фиолетового... рука, сжимающая цветок... рука красавицы... Стойте! Вы убьёте её! Смотрите, они хотят убить её! Она падает... Не двигается...

Теперь Андреа было нетрудно представить трагедию, описанную Джоном во время сеанса. «Трое мужчин в чёрном», которых застали во время кражи, избавились от несчастной матери Джона, выбросив её из окна. В отчаянии та ухватилась за глицинию и сорвала несколько цветов, прежде чем разбиться о землю.

Андреа вернулась той же дорогой и пересекла сад, заполненный изящными душистыми цветами. Вьюнок и другие сорняки не знали удержу; голубые, лиловые, розовые, жёлтые цветы и масса других заполнили зелёную лужайку. Андреа прошла под перголой, увитой старомодными розами, и легко представила, как «красивая леди в белом» скользит сквозь этот мирный приют, где вырос подросток Джон. Но полная красота этого места обрушилась на неё, когда

5 Фамилия нынешних владельцев Грин означает «зелёный». Старик подразумевает, что Грины не являются умелыми садоводами.

она увидела беседку с её гармоничными линиями – истинное убежище для мирной неги.

Женщина села на железную скамью, закрыла глаза и вдохнула опьяняющие ароматы, которые так много значили для Джона.

Теперь она была в состоянии понять...

Тишина царила в этом изумительном саду, волшебном мире её любимого Джона, до того рокового дня, когда очарование оказалось жестоко разрушено страшным и непостижимым убийством.

– Я всё ещё не могу этому поверить, это просто невероятно, – сказал Чарльз Хаармен, открывая дверь «Принцессы Элис». – Только представить: после двух лет... никто здесь не поставил бы и шестипенсовик на его возвращение.

Было уже за полночь. Инспектор Donovan не мог спросить владельца гостиницы до времени закрытия паба. Но момент казался удачным, поскольку из опыта полицейский знал, что языки лучше развязываются ночью. Не то, чтобы он ожидал, что добрый малый замешан в убийстве предсказателя, но, как владелец паба, он мог быть важным свидетелем, учитывая количество сплетен, которое вынужден выслушивать ежедневно.

Полицейский охотно принял предложенную пинту пива, а затем небрежно заметил:

– Со стороны может показаться, что вы скорее удивлены, чем обрадованы новостями.

– Нет,нисколько, – возразил Хаармен. – Я только хотел выразить удивление, которое все мы почувствовали после его возвращения. Конечно, все мы рады, что Джонас вернулся.

– Что вы думаете о его объяснении амнезии?

Хаармен стоял перед полицейским со смущённым видом, затем наклонился вперёд, чтобы сказать что-то более конфиденциально, хотя в комнате их было только двое.

– Должна быть в этом какая-то правда, уверен. Но даже в этом случае два года кажутся мне слишком долгим сроком. Никто никогда не сказал о Джонасе плохого слова: он всегда был хорошим пареньком. Я – друг семьи и

знаю его с малых лет. Но, как бы это лучше сказать, всегда было в нём что-то странное. Он не походил на других мальчиков своего возраста. Более серьёзный, более сдержанный, более замкнутый. Именно поэтому я не совсем уверен, как ответить вам.

– Он сильно любил мать, – заметил полицейский, пристально наблюдая за реакцией Хаармена.

– Да. Даже слишком сильно. Кроме того...

– Да?

– Интересно, будет ли малышка счастлива с ним. Они сейчас влюблены друг в друга, согласен, но вполне возможно, что шок от ужасной трагедии после такого глубокого почитания может проявиться и позже.

– Малышка? Вы говорите о мисс Пауле Джейкобс, как я понимаю?

Владелец гостиницы торжественно кивнул, а затем со смесью нежной ностальгии и горечи рассказал, как пришёл, чтобы поручить девочку попечению семьи Джейкобсов.

Инспектор сделал небольшую паузу, а затем вновь вернулся к обсуждению убийства Джека Этмора.

– Я довольно часто видел его, – сказал владелец, – но не могу сказать, что хорошо знал. И, в любом случае, он приходил сюда намного чаще вначале, когда только открыл свою лавочку.

– У него были близкие друзья?

– Не сказал бы. Хотя он ладил со всеми.

– И с братьями Джейкобсами?

Владелец гостиницы почесал шею:

– Насколько речь о Джонасе, не могу вам сказать. Он не часто заходил сюда, и это было, когда Этмор только что прибыл. Они, возможно, видели друг друга несколько раз. Что касается Адама, это совершенно другая история. Он – один из моих лучших клиентов. Их часто видели за одним столиком вместе – вплоть до смерти его матери. После этого всё изменилось. Они больше не шутили друг

с другом. Этмор стал предвестником несчастья, как вы понимаете. Думаю, они всё ещё продолжали разговаривать, по крайней мере некоторое время. Но затем... – Хаармен нахмурился и после короткой паузы произнёс: – У меня сложилось впечатление, что они избегали друг друга.

– Избегали друг друга?

– Было похоже на то. В любом случае после этого я больше никогда не видел их вместе. Думаю, что это произошло из-за Этмора, потому что он изменился. И, как я сказал, он стал заходить реже. Стал намного менее общительным и часто сидел в углу один.

– Это странно, – заметил инспектор. – И когда точно это началось?

– Спустя несколько месяцев после смерти миссис Джейкобс. Приблизительно полтора года назад. Странно, вы сказали? Почему?

Инспектор отхлебнул глоток пива и, не торопясь, ответил:

– Конечно, это странно. Подумайте сами: при такой профессии вы должны разговаривать с людьми и дружить со всеми. Как вы можете гадать, если не знаете всё обо всех!

– Начинаю понимать. Вы считаете, он был вульгарным шарлатаном.

– Ярд не верит в ясновидцев. И буду с вами абсолютно откровенным: у нас уже есть несколько нитей. Одна в особенности кажется многообещающей. Чем больше я думаю об этом, тем больше верю.

– Нить... к убийце?

– Да. И я уверен, мистер Хаармен, вы также думали об этом. Нужно лишь задать себе правильные вопросы о некоторых недавних событиях. У кого был зуб на Джека Этмора? И кто вдруг внезапно появился ниоткуда?

Хаармен побледнел:

– Боже мой, вижу куда вы клоните.

Повисло долгое молчание, а затем инспектор заметил:

– Эта мысль, кажется, ужасает вас. Понимаю: вы – друг семьи, близкий друг Гидеона Джейкобса. Это стало бы для него ужасным шоком.

– Да, но я думаю прежде всего о Пауле. Для неё это стало бы трагедией.

Инспектор Салливан споткнулся и выругался про себя. Обернулся, чтобы бросить разъярённый взгляд на ужасно уложенные кирпичи на дорожке.

– Моя вина, – смущённо произнёс Чарльз Хеймер. – Не было времени подравнять кирпичи.

– Вы занимаетесь этим сами?

– Не от хорошей жизни, поверьте. Забитый сток – это совсем не то, чем можно долгое время пренебрегать. И ногу не поставить как следует. Совсем рядом ступенька. Отнюдь не идеальное место, чтобы копать. Но всё закончено. Давайте сядем здесь в тени под виноградной лозой. Могу я вам что-нибудь предложить?

– стакан холодной воды, если можно.

День близился к концу. Как раз примерно в то же время, когда Андреа приехала в Литл-Уолтхэм, Чарльз Хеймер услышал, как зазвонил дверной звонок. Это был полицейский, спросивший, может ли он задать несколько вопросов.

Как только жажда была утолена, Стив Салливан объяснил отставному военному, насколько полиция озадачена странным исчезновением и насколько они рассчитывают на показания свидетелей, находящихся поблизости, таких как он.

– Таким образом, вы были здесь, когда это произошло? – продолжал инспектор.

– На том самом месте, где вы чуть не упали. Я только что закончил копать, когда прибыл мистер Моррис. Было ровно два: я слышал, как пробил час в гостиной. Я видел, как он приблизился по дорожке и завернул за угол дома. Слышал, как некоторое время беседовал с Брейдами. Около

двух тридцати я увидел мистера Морриса и миссис Брейд: в панике они спросили меня, не видел ли я мистера Брейда.

– И вы никого не видели в окрестностях в течение тех приблизительно двадцати пяти минут?

– Никого, инспектор, – подтвердил Чарльз Хеймер, отгибая большим пальцем край соломенной шляпы. – Оттуда, где я был, я мог видеть дорожку, всю южную сторону дома Брейдов и бóльшую часть западной стороны. Это не шпионство, но я – опытный наблюдатель.

– Ваш сосед, мистер Мерлин, столь же уверен как и вы, но относительно другой стороны дома. Между прочим, ваши с ним показания отнюдь не упростили ситуацию для полиции. Добавьте к этому факт, что дом был тщательно обыскан, и поймёте, что тайна только углубляется.

– Это, конечно, очень странно, признаю, – ответил Чарльз Хеймер.

Инспектор некоторое время сидел молча, затем спросил мнение хозяина дома о трёх главных героях.

– Три стороны вечного треугольника, – объявил старик. – Муж, жена и любовник.

Салливан нахмурился.

– Вы совершенно в этом уверены?

– Нет, я лишь делаю классическое замечание о подобной ситуации, о которой вы должны знать намного лучше меня. Даже при том, что мы ни в чём не можем быть уверены.

– Полагаю, к настоящему времени вы уже знаете, что мистер Моррис на самом деле не продавец старинных безделушек.

– И что? Разве частные детективы не такие же мужчины, как другие? Правда в том, что миссис Брейд – красавица, которая заставила бы любого нормального здорового мужчину потерять голову.

Вскоре после этого полицейский был уже в гостиной мистера Мерлина с другим стаканом воды в руке, слушая хозяина, который, небрежно поинтересовавшись о состоянии расследования, теперь разглагольствовал о Конан-Дойле, создателе знаменитого Шерлока Холмса.

– ...и его самая известная аксиома гласит: когда вы отбросите всё невозможное, то, что остаётся, независимо от того, каким бы невероятным оно ни было, должно быть правдой!

Полицейский начал спрашивать себя, не выжил ли старикан из ума. Он притворился, что отнёсся к этому заявлению серьёзно.

– И именно так мы обнаружим, как исчез Джон Брейд?

– Примените эту аксиому буквально, и вы, конечно, делаете главный шаг в правильном направлении.

– Проблема в том, что, насколько я могу видеть, есть только невозможности.

– Вы так полагаете? – ответил мистер Мерлин с хитрым блеском в глазах. – Уверен, что не должен говорить вам о чрезвычайной осторожности, с которой вы должны принимать людские свидетельства, особенно в делах подобного рода.

Теперь инспектору показалось, что старик вовсе не сошёл с ума, а просто играет с ним – подозрение, подтверждённое тем, что за этим последовало:

– Вы, вероятно, знаете мистера Кларка, полицейского, который живёт здесь и был достаточно любезен, чтобы сдать мне этот дом на несколько недель?

– Мм... да, – пробормотал Стив Салливан. – Между прочим, я начинаю задаваться вопросом...

– И я знаю ещё кое-кого. Кого-то более высокопоставленного, кто работает в Скотланд-Ярде и в настоящее время отвечает за расследование очень громкого дела.

– Теперь я знаю, кто вы, – сквозь сжатые зубы процедил инспектор. – Вы...

Андреа вернулась на следующий день около полудня. Она встретила и других людей, которые знали Брейдов, но (увы!) были не в состоянии рассказать ей больше, чем старый садовник, когда-то бывший соседом Джона. Даже помимо убийства у неё сложилось впечатление, что была и другая смутная тайна, окружающая семью Брейдов, из которой только брат Джона (который доводил до белого каления соседей, привязывая консервные банки к хвостам их собак, и другими подобными действиями) не дистанцировался от остальной части деревни.

Она сварила яйцо и запила его бокалом портвейна, а затем вторым. Андреа чувствовала себя на пределе. Ночью она не смогла уснуть, несмотря на удобную комнату. Исчезновение Джона взволновало её; она любила его больше, чем думала раньше, и её беспомощность в текущей ситуации и недоумение из-за тайны только ухудшили положение. В её голове роилась масса картинок и впечатлений, которые она больше не могла рассматривать по отдельности. Слова, которые Джон произнёс под гипнозом, сливались с фразами, которые она помнила из записок, найденных в портфеле мужа. И впечатления, полученные после посещения его дома в Литл-Уолтхэме, добавили новое измерение. Всё это крутилось в её затуманенном мозгу.

Теперь перед глазами был подросток Джон, сидящий на скамейке в парке и смотрящий куда-то вдаль, – взгляд настолько отсутствующий, что почти не человеческий.

Где он? Действительно ли существует в этом мире?

Раздался стук в дверь, и появилось улыбающееся лицо Паулы:

– Забыла сказать вам, папа: музыкальную шкатулку починили. Я положила её на место. Но думаю, вы уже заметили.

Дверь закрылась, и сияющее лицо Паулы исчезло. Гидеон Джейкобс долго смотрел в том направлении. Он тоже изменился после возвращения сына. Не так, как Паула, которая избавилась от окутывавшей её угрюмости и снова превратилась в сияющее существо, каким была до исчезновения жениха. Изменение в Гидеоне было более тонким: в глазах вновь появилось безмятежное спокойствие: самый близкий и дорогой ему человек вновь появился.

Рассматривая музыкальную шкатулку, он понял, насколько озабоченным он, должно быть, был, хотя сам этого не замечал. Он завёл механизм и смотрел на изящные движения маленькой танцовщицы, а затем удобно устроился в кресле и закрыл глаза, слушая прозрачные звуки.

Наконец-то в доме воцарился мир, и к Пауле вернулась улыбка. Всё было, как прежде. Конечно, ничто не могло вернуть Амелию, но её присутствие ощущалось повсюду, она словно смотрела на них и, должно быть, чувствовала то же огромное облегчение от возвращения Джонаса. Времени, когда Гидеон воссоединится с женой, ждать уже недолго. Теперь он мог уйти спокойно. Спокойно? Но был же ещё Адам. Несмотря на внешнюю улыбку, после возвращения Джонаса он казался напряжённым и даже раздосадованным.

Раздосадованным? Это ещё мягко сказано. Не так далеко от дома Адам бесцельно блуждал в одном из тёмных переулков, благоухающий пивом, сводимый с ума ревностью и горечью от недавнего поворота событий.

Он знал, что с этого времени может забыть о браке с Паулой, и это выводило его из себя. Он ввалился в первый паб, который увидел, но даже алкоголь не помог: он лишь усилил его гнев до такой степени, что уже ничто на него не действовало. В слабом свете газового фонаря он узнал проход, ведущий к квартире Роуз Келли.

После восхождения по источенной червём лестнице с шаткими ступенями он громко постучал в дверь Роуз. Напрасно. Он вернулся тем же путём и заметил её неподалёку в подъезде в компании хорошо ухоженного мужчины средних лет. В горле разлилась желчь. Он приблизился к паре и с преувеличенной вежливостью сказал:

– Я был бы очень обязан, сэ, если бы вы прекратили приставать к моей подруге.

Мужчина посмотрел на свою спутницу, затем на вновь прибывшего, но ничего не сказал.

Адам повысил голос:

– Я к вам обращаюсь, сэ. Вы что, не понимаете или глухой?

– Ваша подруга? – пробормотал мужчина в цилиндре. – Но...

– Адам, – воскликнула Роуз, – пожалуйста, оставь нас в покое.

Адам сделал вид, что не слышал и начал тыкать в мужчину пальцем. Он повторил свои слова и плюнул в лицо соперника. Роуз, понимая, что её дружок пьян, вновь попыталась вмешаться. Слишком поздно. Два жестоких удара прозвучали в темноте – прелюдия к избиению, которое этот мужчина средних лет не скоро забудет.

Джона всё ещё не нашли. Шёл третий день после его исчезновения. Но Андреа не теряла надежды. Когда зазвенел дверной звонок и она увидела на пороге силуэт инспектора, то на секунду подумала, что он приехал объявить желанные новости. Но всё, что он был в состоянии сказать, это что расследование (увы!) пока встало. С другой стороны, информация, которую он запрашивал, прибыла, и он попросил, чтобы Андреа прошла с ним в отделение, чтобы всё было официально.

Она почувствовала нотку уверенности в его голосе и манерах, когда в кабинете он пригласил её сесть. Зажигая сигарету, он выглядел задумчивым, глаза не отрывались от бумаг, лежащих перед ним.

– О его первых годах мы знаем очень немного, – начал он. – Родился третьего сентября тысяча девятьсот тридцать первого года в Бетнал-Грин, отец неизвестен. Мать Эмма Браун. Она умерла во время первых налётов Люфтваффе на Лондон в районе доков. Ему тогда было девять. Три месяца спустя его усыновили мистер и миссис Гидеон Брейд, жившие в доме, где вы вчера побывали.

После возвращения из Литл-Уолтхэма Андреа сообщила инспектору о результатах своих поисков в Сассексе. Он поздравил её – не так с результатами, как с усердием.

– Я хочу перенести вас в май 1949 года, – продолжал он, – когда Джону было восемнадцать. Он и его брат Дэвид, которые на неделе находились в школе-интернате в Колчестере, однажды в субботу вечером были дома. Мистер Брейд уехал в Лондон на какую-то частную выставку и собирал-

ся переночевать у друга, если всё закончится слишком поздно. Дэвид решил выйти прогуляться с приятелями, оставив Джона с матерью. Джон лёг спать рано. Его спальня была в противоположном конце дома от места, где произошёл инцидент. В какой-то момент его разбудили звуки голосов, но он тут же опять провалился в сон. Слышал ли он что-то наяву или это ему приснилось? Он не мог сказать. Как бы то ни было, когда в конечном итоге в два часа ночи его разбудил брат, он лежал на полу около кровати и жаловался на страшную головную боль. И у него действительно была на голове огромная шишка.

Незадолго до этого Дэвид распрощался с друзьями на углу улицы. Он был довольно пьян, как и его друзья. С некоторым трудом он достиг дома. На пути он видел трёх мужчин: «три чёрные тени», – вот всё, что он смог о них сказать. С одной стороны, они явно спешили, а с другой, он и сам не мог хорошенько сосредоточиться. Войдя в подъезд, он наткнулся на тело матери, но в темноте не узнал её. Он думал, что это свалился какой-то пьяница, как и он сам. Он пошёл за братом. Удар по голове и шум, который якобы слышал Джон, заинтересовал их, особенно поскольку исчезли две ценные картины, висевшие в коридоре. Двери гостиной и столовой стояли открытыми. Везде рылись, и позже они выяснили, что пропало несколько ценных предметов. Они побежали, чтобы предупредить мать... дверь в её спальню также была открыта. Как и окно, а кровать – пуста. Именно тогда им открылась ужасная правда: окно было. как раз над местом, где лежал предполагаемый пьяница.

На теле миссис Брейд было полно синяков. Её жестоко избили, прежде чем выбросить из окна. Глицинии, за которую она инстинктивно ухватилась, оказалось недостаточно, чтобы задержать падение, оказавшееся фатальным. Несколько журналистов использовали вид цветка в руке мёртвой женщины, чтобы добавить пикантности к истории. И

должен признать, им это удалось. Именно эта деталь напомнила мне что-то даже при том, что я не смог сразу же вспомнить, что именно.

Было нетрудно восстановить преступление. Пойманная с поличным хозяйкой дома, банда грабителей решила избавиться от неё. Один из них, вероятно, обыскал дом, нашёл спящего Джона и предусмотрительно оглушил его, чтобы не помешал. С учётом обстоятельств это намного более вероятно, чем то, что он упал с кровати во сне.

«Тремя чёрными тенями», которые видел Дэвид, почти наверняка были убийцы, но они так никогда и не предстали перед судом, а украденные предметы никогда не нашлись. Можете понять, почему в голове вашего мужа, который был так предан своей приёмной матери, они стали «тремя мужчинами в чёрном» – выражение, которое было также подхвачено газетами. Есть ещё несколько подробностей об этом расследовании, но я не стану вас ими утомлять.

– Боже мой, – простонала Андреа, – как он, должно быть, страдал. Он хотел забыть этот кошмар, похоронить его навсегда. Очевидно, это и есть причина, почему он никогда не говорил мне о том периоде своей жизни.

– Но теперь, по крайней мере, всё его странное бормотание под гипнозом, кроме приятной музыки, объяснилось.

– Более или менее, – неуверенно согласилась Андреа. – Есть ещё бесконечная дорога, которую мы случайно забыли вставить в список. И не всё соответствует его заметкам в портфеле.

– Которые вы всё ещё не нашли, как я понял?

– К сожалению, нет. Но скажите мне: вы узнали, чем он зарабатывает на жизнь?

– Пока нет. Мы нашли банк, где есть счёт на его имя. Но депозиты прибывают из другого банка, который мы пока не смогли проследить. Таким образом, мы не знаем, откуда прибывают его деньги, но не пройдёт много времени,

как узнаем. Тот факт, что у него диплом по языкам, не сильно помогает. С другой стороны, вопрос наследования может быть довольно интересным. Его отец умер в возрасте пятидесяти шести лет, но у меня ещё нет никакой информации о его завещании. Полагаю пока, что Джон и его единокровный брат разделили всё, но меня больше интересует состояние мистера Брейда. Он продал дом спустя два года после трагедии.

– А чем занимался их отец?

Полицейский нахмурился, словно захваченный врасплох.

– Здесь ничего об этом нет, но полагаю, он был своего рода художником. В любом случае мы скоро узнаем больше, потому что у меня есть адрес брата Джона. Или, скорее адрес театра, где он работал шесть месяцев назад. Хотя у меня нет никаких подробностей, подозреваю, что Дэвид Брейд не был столь же успешным, как его брат. Мы это скоро узнаем. Я уже распорядился найти его. И, если подумать, есть ещё кое-кто, кого я хотел бы видеть. Ваш частный детектив, Грэм Моррис, который упрямо отказывается снять трубку. Вы получали от него какие-нибудь известия за последние несколько дней? Нет? Я тоже, и...

Зазвонил телефон, и инспектор снял трубку. Андреа почувствовала, что её пульс участился. Она внимательно смотрела на собеседника, пытаясь понять по его лицу, о чём речь.

Инспектор всё больше мрачнел. Андреа начала бояться худшего, тем более, что повесив трубку, он продолжал молчать.

– Это не о вашем муже, – сказал он наконец. – Но всё равно дурные новости. Этим утром Грэм Моррис погиб. Попал под колеса метро.

Сидя за столом, инспектор Уолтер Donovan просматривал отчёты своих детективов. Картина дела Этмора начинала проясняться, подтверждая его подозрения. Неисправимый мошенник, который «предлагал» свой талант предсказателя по всей стране, коньком его было чтение судьбы по руке. Среди его недавних клиентов лишь один попросил его прислать «астральный ключ» по почте. Очень необычная процедура, укрепившая подозрения инспектора.

Ещё кое-что бросалось в глаза. С определённого момента Джек Этмор строго ограничил свои приёмные часы концом дня и ранним вечером, тогда как раньше принимал клиентов в любое время. Кроме того, вне этих часов никто его не видел, кроме как в редкие его посещения «Принцессы Элис». И это изменение его привычек совпало с тем, что рассказал владелец гостиницы.

Что из всего этого следует? И как шарлатан мог собрать необходимые сплетни о будущих легковёрных дураках, если стал отшельником?

Что-то было не так. Ненормально. Да всё в этом деле было ненормально! У Уолтера Donovan росла уверенность, что тут есть что-то сомнительное, хотя материальных доказательств не было. Имелась определённая связь между этим убийством и семьёй Джейкобсов, а в основе всего лежало убийство миссис Джейкобс.

Это значительно ограничивало число подозреваемых. На первый взгляд Гидеон Джейкобс чист, но отсутствия у него мотива явно недостаточно, чтобы полностью его исключить. Известный своей эксцентричностью, он мог

иметь необычный мотив. Юная Паула – воплощённая невинность, но имелось что-то странное и в ней. Что касается Чарльза Хаармена, друга семьи, он, казалось, занимал очень странное место в жизни молодой девушки. Оставались два сына, Адам и Джонас. Первый – бездельник, абсолютно способный ввязаться в самые грязные дела. Поэтому он – главный подозреваемый, несмотря на алиби, которое дала ему молодая проститутка. Что касается второго сына, он – полная противоположность брату: законопослушный молодой человек, откровенный и с большим самообладанием – этого парня трудно представить сбившимся с прямого пути. И всё же...

Поглаживая свою бороду с улыбкой на лице, детектив вспомнил свой недавний разговор с Джонасом Джейкобсом. Но именно в этот момент раздался стук в дверь и молодой полицейский в форме положил на стол папку с бумагами. Инспектор поблагодарил его и начал читать.

Информация касалась Джека Этмора, который допрашивался в этом же году ранее ливерпульской полицией, подозревавшей, что он организовал большое ограбление: нанял приблизительно двадцать трубочистов, чтобы обчистить клиентов. Полицейские были настолько уверены в его вине, что задержали его на пару недель. К сожалению, пришлось его освободить из-за отсутствия доказательств. Новости не удивили Уолтера Донована, который верил, что Этмор был вполне способен участвовать в двух сомнительных делах одновременно.

Но в глаза бросилось нечто любопытное. Даже невозможное. Поскольку, хотя в течение этих двух недель Джек Этмор был гостем ливерпульских коллег инспектора, он также провёл (и это доказывали полицейские отчёты) сеансы ясновидения в своей лондонской квартире!

В этих неопровержимых свидетельствах было что-то совершенно неправильное...

Вечером Андреа навестил мистер Мерлин. Новости о смерти частного детектива очень встревожили её. Этот трагический поворот в деле исчезновения мужа отнимал надежду вновь увидеть его живым и здоровым. Спокойствие и улыбка мистера Мерлина не слишком её успокоили.

– Я только что видел инспектора Салливана, – объявил он после того, как Андреа пригласила его в гостиную. – Он как раз приехал из Лондона. Трагический конец для молодого частного детектива. Полагаю, вы знаете о том, что произошло?

Андреа медленно кивнула.

– Трагический конец, – повторил старик, – и очень любопытный. Присутствовало много свидетелей, но очень немногие фактически видели, что произошло. Был утренний час пик, и люди столпились на платформе. Поезд выехал из туннеля, кто-то закричал, и он свалился на рельсы. Погиб мгновенно, судя по состоянию трупа, когда его достали. Тем не менее, два или три человека, которые знали его в лицо и регулярно садились с ним на поезд, смогли опознать его официально. Оплошность? Или он сознательно бросился на рельсы? Никто не может сказать. За исключением одной старухи, которая утверждает, что кто-то толкнул его в спину.

Глаза Андреа расширились:

– Убийство? Кто-то убил Грэма? Но это абсурд!

– Абсурд? – задумчиво повторил мистер Мерлин. – Возможно и нет. Профессия частного детектива – опасна, как вы, я уверен, знаете. Когда вы суёте нос туда, куда не надо,

кому-то это может не понравиться. По словам инспектора Салливана, который допросил свидетельницу, вполне возможно, что она – просто старая развалина, пытающаяся привлечь к себе внимание (между прочим, мнение, разделяемое его коллегами). Но тут ничего не ясно. До сих пор всё, что касается исчезновения вашего мужа, просто эксцентрично. А теперь ещё и странный конец частного детектива, к тому же занимавшегося гипнозом с человеком, за которым следил... Совпадение? Инспектор считает это слишком большой натяжкой. И, откровенно говоря, кто может его винить?

Последовало долгое молчание, во время которого Андреа растерянно обводила взглядом комнату, словно ища помощи.

– Но... но... – запинаясь она, – если есть убийца и имеется связь с исчезновением Джона, разве это не значит, что он тоже мёртв?

Мистер Мерлин сделал успокаивающий жест:

– Миссис Брейд, вы ни в коем случае не должны терять надежду. Не могу пока всего объяснить, но полагаю, ваш муж всё ещё жив. И советую вам быть предельно осторожной. Да, я говорю о вас. Ваша жизнь может быть в опасности, особенно если вы продолжите, как опасается инспектор, проводить собственное расследование. Тот, кто начал убивать, не останавливается. И в данном случае есть причины полагать, что мистер Моррис – не единственный. Итак, будьте осторожны, миссис Брейд, чрезвычайно осторожны, начиная с этого момента. Это всё, что я могу вам сказать.

Андреа была слишком озадачена и напугана, чтобы отвечать.

Мистер Мерлин достал кисет и продолжил:

– Я и пришёл, чтобы сказать вам это. Кроме того, я хотел бы позаимствовать фотографию вашего мужа: ту, которая служила обложкой книги. Я знаю кое-кого, кто спе-

циализируется на изучении старых лондонских улиц, и он мог бы узнать это место. Если уж он не сможет этого сделать, то, думаю, никто не сможет.

Андреа пошла принести фото и, передавая его, объяснила:

– Он кончил тем, что вырезал её и наклеил на картон, как обычную фотографию на память. Если... если Джон... он будет очень расстроен, не увидев её... вы меня понимаете?

– Не волнуйтесь, я верну вам её в целостности и сохранности. Я знаю, как она важна для дела.

Говоря это, мистер Мерлин не отводил взгляд от фотографии, внимательно изучая её.

– В каком-то смысле, – сказал он наконец, – могу понять, как она может тронуть человека. Но в моём случае это неудивительно. Любой сувенир из того времени трогает меня, потому что я люблю старый Лондон. Уверен, что фотография сделана там.

Спустя непродолжительное время мистер Мерлин ушёл, вновь горячо попросив Андреа быть очень осторожной до самого окончания расследования.

Любопытный персонаж, подумала Андреа, несколько удивлённая горячностью старика. Она попыталась оценить его возраст: судя по морщинам, можно было бы предположить, что ему за восемьдесят, но блеск в глазах и лёгкость походки указывали на человека гораздо моложе.

После того, как её сосед ушёл, она налила себе бокал портвейна и стала размышлять над любопытными вещами, которые он сказал. Кто же он сам? Он, казалось, владел всей информацией об этом деле даже лучше самого инспектора. К его предупреждению нужно отнестись серьёзно. Его комментарий, что убийца никогда не останавливается, заставил её вздрогнуть. И он намекнул, что было уже несколько жертв.

Кто был этим ужасным убийцей?

Именно тогда у Андреа кровь застыла в жилах. Одно из открытий инспектора Салливана, о которых она размышляла весь день, вспомнилось ей снова, на сей раз в сочетании с недавней газетной статьёй.

Филип Мур и Уильям Питт учились в той же школе, что и Харви Стрэндж, последняя жертва убийцы с кислотной ванной. Школа в Колчестере.

Школа в Колчестере.

А Джон, по словам инспектора, тоже учился в школе в Колчестере.

Музыкальная шкатулка испустила последние звуки, и Гидеон Джейкобс собрался погасить масляную лампу в «мастерской», когда в дверь трижды постучали, и на пороге появился Джонас.

– Отец, знаю, что уже поздно, но я должен поговорить с вами, – сказал он без дальнейших предисловий.

Было уже за полночь, и халат, который Джонас торопливо накинул на себя, предполагал, что что-то беспокоило молодого человека, не давая ему уснуть. Должно быть, что-то важное, подумал Гидеон, снова опускаясь на диван.

– Я слушаю, – сказал он.

– Мы с Паулой хотим пожениться. Вот!

– О! Превосходная новость. Но, должен признаться, меня она не удивляет. В любом случае, ты прекрасно знаешь, что у вас есть моё благословение. Вы выбрали дату?

– Как можно быстрее.

– О!

Владелец дома со снисходительной улыбкой несколько раз кивнул, словно тщательно выбирая слова.

– Всё равно, полагаю, речь не о ближайших днях?

– И да, и нет. Есть проблема.

– Проблема?

Джонас продолжал смотреть отцу прямо в глаза с момента, как вошёл.

– Отец, мы с Паулой больше не хотим быть порознь. И мы хотим быть едины перед Богом. Знаю, с моей стороны это очень эгоистично, поскольку со мной может случиться всякое.

– Но что, чёрт возьми, может с тобой произойти? – воскликнул Гидеон, но затем его тон изменился: – О! Начинаю понимать... память вернулась, и ты вспомнил какой-то некрасивый случай.

– Отнюдь. Красивый, некрасивый – дело не в этом. Убили ясновидца. Боюсь, что я под подозрением.

– Что! – воскликнул его отец, резко выпрямляясь в кресле. – Ты только что вернулся и уже подозреваемый?

– В этом-то и проблема. Я вернулся в страну за сорок восемь часов до того, как его убили. И инспектора это беспокоит. Он думает, что я хотел отомстить за маму.

– Невероятно, невероятно! – бормотал владелец дома, едва скрывая раздражение. – Сначала подозревать Адама, теперь этот безумец нацелился на моего другого сына. Это уже слишком. Я этого не позволю!

Он резко встал, но шум в коридоре снаружи пригвоздил его к месту. Оба прислушались и услышали звуки опрокидываемой мебели, сопровождаемые криками и топотом ног на лестнице.

Шаги в коридоре приблизились, и дверь распахнулась. На пороге стояла растрёпанная Паула в ночной рубашке. Она тяжело дышала:

– Это Адам. Он абсолютно пьян. Хочет говорить с тобой, Джонас. Прошу тебя, не оставайся здесь, он совсем не в себе от ярости.

После очень беспокойной ночи Андреа наконец преодолела свои подозрения. Сама мысль, что Джон – убийца, да ещё такое чудовище, выглядела настолько абсурдно, что она стала упрекать себя. И кому лучше всего судить? Ведь она его жена, не так ли?

Естественно, нужно с подозрением относиться к совпадениям, но перейти от них к мыслям о самом худшем только потому, что установлена связь между двумя фактами – они ходили в ту же школу, – значило зайти слишком далеко. Сотни и сотни учеников, должно быть, учились там в течение длительного времени. В любом случае сам инспектор, очевидно, не нашёл такой связи, иначе сказал бы хоть что-то.

Тем утром Андреа чувствовала себя более мудрой. И она не собиралась ждать, когда ей позвонят в дверь и что-то расскажут. Было ещё только восемь часов, но она не тратила времени впустую и прибыла в отделение полиции, чтобы видеть инспектора Салливана.

Она не удивилась, услышав, что Джона всё ещё не нашли. Спрашивая, удалось ли им связаться с братом Джона, на что инспектор ответил отрицательно, она искусно выяснила адрес театра, где выступала его труппа.

Час спустя она уже садилась на поезд в Лондон. Старый мистер Мерлин советовал ей прекратить играть в детектива, но она чувствовала, что без её усилий расследование не будет идти так, как нужно.

Она нашла небольшой театрик на Южном берегу Темзы около полудня. Это было серое, старомодное, непри-

ветливое здание. Никто не ответил, когда она позвонила в дверь. Она обошла здание по дорожке и нашла открытую металлическую дверь. Она вошла и почти тут же на неё наскочил крепкий рыжеволосый мужчина, который очень воинственно спросил, что она тут делает. Она объяснила, что никто не ответил на звонок, и сказала, кого ищет.

– Я сейчас тут совсем один, – грубо ответил мужчина, но его манеры стали чуть более мягкими теперь, когда он внимательно оглядел женщину. – Дэвид? Дэвид Брейд? Просто невероятно. За последнюю пару дней вы – вторая, кто о нём спрашивает, тогда как за предыдущие несколько месяцев он никого не волновал. Зачем он вам?

– Я хочу всего лишь поговорить с ним, – сказала Андреа тоном, который намекал на сентиментальные причины. – Это... личное.

Мужчина оглядел её сверху донизу и пожал плечами.

– В любом случае я могу сказать вам только то, что сказал джентльмену вчера. Дэвид ушёл от нас несколько недель назад, не оставив адреса для пересылки. И, по-моему, правильно поступил.

Он отложил молоток, который держал, и продолжил приглаживать волосы.

– Правильно, что ушёл? – спросила Андреа несколько удивлённо. – Почему?

– Не то, что ушёл конкретно от нас: бросил театр вообще. Он не подходил для него. Слишком чувствителен и недостаточно агрессивен. И думаю, это, наконец, до него дошло. Наша профессия редко кому даётся легко.

Слишком чувствительный? Даже при том, что он был неродным братом, Андреа почувствовала влияние Джона.

– Вы кажетесь расстроеной, – заметил мужчина, пожирая её глазами.

– Я проделала такой долгий путь, чтобы увидеть его, и... да, я устала.

Человек на мгновение задумался, а затем сделал ей знак заходить:

– Входите, выпьем немного кофе!

Независимо от того, насколько тонкими и умными могут быть полицейские, они не обладают тем драгоценным инструментом, который остаётся прерогативой женщин: их изумительной интуицией. Поскольку Андреа тут же без какой-либо особой причины ощутила, что, если она вызовет сочувствие у этого человека, он сможет ей помочь. Сейчас он был лишь реквизитором, но собирался сделать карьеру на сцене и был очень решителен – особенно в вопросах соблазнения. Андреа играла роль инженеру, подавленной необъятностью города и слушающей с открытым ртом всё, что он рассказывал о профессии, поощряя его осторожными восклицаниями, выражающими восхищение им самим и его знанием предмета. С робостью маленькой потерявшейся девочки она спросила его, не против ли он сопровождать её вечером в ресторан, – она была бы так благодарна, что не придётся идти одной. Он не заставил себя просить дважды.

Лишь после того, как подали кофе, он сдался:

– Строго между нами, я сказал, что не знаю, где Дэвид, потому, что парень, который искал его вчера, явно был копом. Видно было за милую. Три месяца назад он арендовал комнату на Паувис-гарденс, 7. Но не уверен, что он всё ещё там.

Теперь самым трудным для Андреа было избавиться от нового приятеля, что она смогла сделать лишь пообещав новое свидание. Обман? У неё не было выбора. И, так или иначе, он прекрасно пообедал, что наверняка случалось не часто.

Незадолго до времени чая она позвонила в дверь квартиры на Паувис-гарденс, 7 в совершенно непримечательном здании. Мужчина, который открыл дверь, был молодым, но, глаза выглядели усталыми. Его длинные каштановые волосы были разделены в середине пробором, а не-

взрачная одежда соответствовала обстановке комнаты позади него, но Андреа спросила себя, не был ли этот образ лишь позой художника, стремящегося дистанцироваться от толпы. Что-то в нём показалось неопределённо знакомым, и она задавалась вопросом, не будут ли два ребёнка, выросшие рядом, неизбежно демонстрировать одинаковые жесты и манеры и, возможно, даже обретут физическое сходство.

Но, в любом случае, не голос. Глубокий, почти гортанный. Мужчина подтвердил, что является Дэвидом Брейдом и спросил, что ей нужно. Она объяснила, кто она такая.

– О, – протянул он, кивая, – понимаю.

Он впустил её и показал газету с краткой статьёй, в которой описывалось исчезновение Джона Брейда, но не подчёркивался его захватывающий характер.

– Я узнал этим утром, – сказал он, – но должен сразу подчеркнуть, что понятия не имею, где он. Как вы, вероятно, знаете, мы с Джоном давно не виделись. Он когда-нибудь говорил вам обо мне?

– Никогда.

– Вот видите! Но садитесь, прошу вас... если найдёте место.

Кроме нескольких больших фотографий актёров и киноафиш, в комнате не было ничего выдающегося, а все стулья были завалены одеждой или книгами. Было очевидно, что Дэвид не купается в деньгах.

Андреа освободила место и села, думая, что, если она примет такой же тон, как у её деверя, то у неё будет больше шансов завоевать доверие.

– Я внимательно вас слушаю, мадам. Полагаю, что у вас есть довольно много, что рассказать мне.

Андреа сжато, но очень точно изложила недавние события, остановившись подробнее на странной фотографии, так как надеялась, что именно он поможет ей.

Её рассказ, казалось, заинтересовал его и даже развлёк, если можно было бы использовать это термин по отношению к человеку, настолько пресыщенному всем.

Он некоторое время размышлял, прежде чем хоть что-то сказать.

– Я могу разъяснить одну вещь, – сказал он, играя перстнем. – Музыка, о которой рассказал вам Джон, шла из музыкальной шкатулки, которую мать подарила отцу незадолго до того, как её убили. Впоследствии по вечерам он открывал её и слушал: он её очень любил. Да и все остальные, если на то пошло. Джона глубоко тронуло всё, что произошло. И эта бесконечная дорога имеет какую-то связь с тем, что через пару дней после трагедии он исчез на месяц.

Андреа выпрямилась на стуле:

– Да, да, это наводит на мысли! Я видела что-то об этом в его заметках о молодом человеке, который ушёл после убийства его матери. Я забыла об этом, но теперь вы напомнили мне... Скажите мне, Дэвид... я могу называть вас Дэвидом, не так ли?

– Между деверем и невесткой, думаю, это не только разрешается, но и поощряется.

Наконец, она почувствовала, что он оттаял. Он не торопился, а она не привыкла к такой медлительности у противоположного пола.

– Дэвид, скажите: как вы с ним ладили? И почему Джон такой скрытный, даже со мной?

Он пожал плечами.

– Дело в том, что мы никогда не были близки. Он проводил время, читая и мечтая. Мне всегда нравилось действие и движение – именно поэтому, без сомнения, мне нравится театр. Если откровенно, мы никогда не были на одной волне. После смерти матери отец стал очень нервным и раздражительным, что не облегчало ситуацию. Каждый делал то, что хотел, а затем и отец скончался. Не обсу-

ждая этого, мы решили пойти каждый своим путём, не рассчитывая на встречу в будущем. В конце концов, мы же не родные братья, как вы знаете.

Повисло молчание, а затем Андреа спросила:

– Дэвид, вы знаете, чем Джон зарабатывает на жизнь?

Дэвид Брейд улыбнулся:

– Не думаю, что вам придётся долго ждать, чтобы это узнать. Он просто продолжает семейный бизнес.

О чём он говорит? Андреа чувствовала, что настаивать бесполезно, но не могла не задать ещё один вопрос:

– Ваш отец был богат?

– Достаточно богат, но что такое деньги, в конце концов? Только средства приблизить конец, – добавил он, безжизненным взором глядя куда-то вдаль.

Вновь молчание. Внезапно Андреа приняла решение:

– Дэвид, я всё ещё не знаю, что было между вами и Джоном, но могу помочь вам прямо сейчас. Если у вас трудное время, я была бы счастлива... – Её деверь остался равнодушным. – Пообедаете со мной сегодня вечером?

Он категорически отказался с видом, который, по мнению Андреа, был не совсем искренним. «Боже мой, – подумала она, – какая гордая и таинственная семейка!»

– Дэвид, – продолжала она, – полицейские с вами уже связались?

– Нет, и они не должны рассчитывать на то, что я свяжусь с ними. Они должны сделать первый шаг, если им это надо. И, так или иначе, что я могу сказать им о Джоне?

Уходя, Андреа сказала себе, что, если она хочет остаться в хороших отношениях с Дэвидом, то лучше ей не говорить инспектору Салливану о своём визите. Дэвид воспринял бы это как предательство, можно не сомневаться. В конце концов, если она оказалась коварнее инспектора полиции, тем хуже для него!

Стив Салливан работал у себя в кабинете. Он прочитал и перечитал все бумаги по этому делу и почувствовал, что достиг предела. Но он был не из тех, кто легко сдаётся. Имелось что-то прямо у него под носом, что беспокоило его, но он никак не мог это ухватить. Что-то, что связывало Джона Брейда с другим делом. Что-то, что его подсознание зарегистрировало, как нечто общее, но упрямо отказывалось сообщить ему. Что-то на кончике языка, и он знал, что уже недолго ждать, когда всё прояснится.

Именно тогда его взгляд остановился на названии города, где исчезнувший мужчина ходил в школу.

Колчестер?

Это напомнило ему о чём-то. Что-то подобное он недавно читал в другом деле. Но в каком?

Пять минут спустя он говорил по телефону со Скотланд-Ярдом, обсуждая детали дела об «убийце с кислотной ванной».

– Где он? Где? – кричал Адам, стоя у дверях с глазами, налитыми кровью.

– Адам, успокойся! – властно приказал его отец, вставая между Адамом и Паулой. – И о ком ты говоришь?

– Джонас, мой брат!

– Джонас? В этот час он в своей комнате. И если бы ты не проводил время за выпивкой, то сделал бы то же самое.

– Его там нет. Я хочу поговорить с ним!

– Поговорить с ним? Разве это не может подождать до утра? – Гидеон Джейкобс нахмурился. – Что это? На твоей рубашке что-то похожее на кровь.

– Что? – удивился Адам, наклоняя голову в попытке разглядеть пятно на груди, куда указывал палец отца. – О, это! Я тут кое с кем подрался.

– Что такое? Подрался? И ты говоришь так, словно это пустяк.

Голос сына зазвучал громче отцовского:

– А что такое? В чём проблема? Я просто хочу видеть своего брата и немедленно.

– Зачем?

Прямой вопрос на мгновение озадачил Адама.

– Хочу и всё. Нам нужно уладить кое-какие счёты.

– Счёты? Относительно чего?

Адам повернулся к Пауле и указал на неё пальцем, который дрожал так же, как сама девушка.

– Вот. Её. Это из-за неё.

Гидеон Джейкобс встал перед сыном. Это была внушительная фигура.

– Я считаю, что сейчас этот вопрос решён.

– Ничего не решён. Мы должны поговорить... мы... между нами... из нас один лишний.

Никто не видел, как это произошло. Гидеон Джейкобс дал Адаму сильную пощёчину, звук которой разнёсся эхом в последовавшей тишине.

– Ложись спать, Адам. Мы поговорим об этом завтра. Когда ты придёшь в себя...

Адам несколько секунд оставался неподвижным, а затем вернул пощёчину с процентами. Он подошёл к Пауле, схватил её за руку и закричал:

– Где этот сукин сын?

Гидеон Джейкобс стоял, как молнией поражённый, держась за щёку. Грубость и дерзость сына, казалось, потрясли его до основания и парализовали.

– Где этот предатель, этот трус? – кричал Адам, трясая Паулу и доводя её до слёз.

Из другого конца комнаты раздался голос, звучащий холодно и властно:

– Отпусти её немедленно!

Адам обернулся. Появившись из тени, Джонас двинулся к нему, не спеша, но со стальной решимостью в глазах.

– Теперь мы можем поговорить. Как ты того хочешь.

Если бы «мистера Мерлина» не задержала бутылка молока, выскользнувшая из рук из-за кошки, он несомненно столкнулся бы с Андреа Брейд на станции. Но вышло так, что он сел на следующий поезд и прибыл в Лондон сразу после полудня, когда молодая женщина, всё ещё идущая по следу деверя, приглашала реквизитора на обед. Мистер Мерлин не стремился прибыть точно в срок на встречу с экспертом по старым лондонским фотографиям, но, поспешив, смог поймать своего старого друга Арчибальда Хёрста, прежде чем последний ушёл на ланч. На самом деле Хёрст сам планировал встретиться с ним в тот день.

Тех, кто внимательно следит за расследованиями старшего инспектора Хёрста, не удивит, что сотрудники самой знаменитой полиции в мире приветствовали «мистера Мерлина» другим именем: «Добрый день, доктор Твист», «Как поживаете, доктор Твист?», «Всё ещё работаете не покладая рук? В вашем возрасте следует поберечь себя», «Да, старший инспектор всё ещё в своём кабинете».

За пивом с сэндвичами в «Британии» Твист, который помогал Скотланд-Ярду решать самые трудные и с виду вообще безнадежные проблемы уже трудно сказать сколько лет, обсуждал с другом текущее дело.

– Где мы находимся? – говорил Хёрст, стараясь перекрыть шум голосов в баре-салоне. – Стоим на месте. Или почти. Мы понемногу двигаемся вперёд каждый день, но это – тяжёлая работа и очень разочаровывающая. Есть сотни подозреваемых – искать среди них преступника всё равно, что иголку в стоге сена. Верно, у нас мощный задел. Тот

факт, что все три жертвы учились в той же самой школе в Колчестере, не может быть совпадением. Убийца должен быть одним из учеников, которые находились там в то же самое время и, я добавлю, хорошо их знает. В конце концов он, должно быть, знал кучу деталей об их личной жизни, чтобы занять их место, даже при том, что при знакомстве с будущими жёнами и жертвами не обязан был быть в точности тем, кем утверждал, что является. Но, несмотря на хороший старт и восторг газет, мы топчемся на месте. Надеюсь, вы со своей стороны куда-нибудь придёте. Вы выполняли расследование в течение месяца, не сказав мне ничего, кроме деревни, где вы поселились – Шепвик. И то лишь потому, что вам понадобилась моя помощь, чтобы найти место для жилья. Между прочим, я видел на днях констебля Кларка, и он хотел бы вернуться домой в конце месяца. Если помните, вы обещали ему, что всё закончится через два месяца. Осталось лишь две недели.

Перед ответом доктор Твист спокойно осушил кружку и вытер усы:

– К тому времени всё будет закончено.

У тучного детектива отвисла челюсть:

– Вы правда уверены?

– Абсолютно. Я на верном пути, и обстановка накаляется. Прежде всего, было потрясающее исчезновение. Возможно, вы слышали об этом с учётом названия деревни, где всё произошло? – Хёрст кивнул. – И любопытный несчастный случай вчера в метро. Жертва была частным детективом.

– Да, да, я знаю и об этом.

– Но знаете ли вы, Арчибальд, что он вёл расследование в Шепвике и пользовался гипнозом?

За повисшим молчанием повисло удивлённое «Нет». Очень спокойно (слишком спокойно) Арчибальд Хёрст заказал новую порцию выпивки.

– Знаете, Твист, я очень близко к отставке, и это дело – вероятно, моё последнее. До сих пор я всегда терпел ваши маленькие мистерики ради нашей долгой дружбы. Но теперь клянусь, что не собираюсь отвечать за свои действия, если в ближайшие пятнадцать минут вы не скажете мне абсолютно всё, что знаете об этом проклятом деле. Уверен, вы согласитесь, что это ужасный позор, если мы разрушим столько лет нашего плодотворного сотрудничества, но...

– Ну-ну, Арчибальд, – спокойно ответил доктор Твист, – почему бы не довериться мне? Я вас когда-нибудь подводил?

Единственным ответом было недовольное ворчание.

– Кроме того, – продолжал Твист, – именно для этого я и приехал.

В следующую четверть часа полицейский ловил каждое слово криминолога.

– Как можно видеть, – закончил последний, – всё ещё имеется довольно много свободных концов, даже если мы совершенно уверены в личности убийцы.

– Чёрт побери, это невероятно, – пробормотал Хёрст, всё ещё потрясённый откровениями Твиста. – Но скажите мне, сколько из этого вы сообщили инспектору, расследующему исчезновение Джона Брейда?

– Я был довольно уклончив. Я сказал ему, кто я такой, но именно ваше имя произвело на него впечатление, уж поверьте. Я сообщил ему только то, что он должен знать, чтобы не попасть в глупое положение. Он не знает связи между исчезновением и делом об убийствах с кислотной ванной. Но вполне возможно, что он свяжет их сам.

Арчибальд Хёрст медленно кивнул, оставаясь мрачным:

– И само собой разумеется, смерть Грэма Морриса не была несчастным случаем?

– Само собой. Он стал мешать.

– Мы должны поймать этого типа прежде, чем он убьёт снова, запомните! Как только я его схвачу, он у меня заговорит, уж поверьте.

– Откровенно говоря, я в этом сомневаюсь, Арчибальд. Мы имеем дело не с обычным убийцей, как, я подозреваю, вы считаете. Мы должны быть полностью уверены, прежде чем нанесём удар.

Глубокая тишина царила в магазинчике Виктора Пэсмора. Маленький старик, просто кожа да кости, склонился с лупой в руках над фотографией, которую принёс доктор Твист, сейчас такой же неподвижный и внимательный. Солнечный свет, льющийся через многостворчатые окна, освещал множество фотографий всевозможных размеров, на которых в основном видны были старые улицы Лондона с их зданиями и памятниками. Исследуемое фото явно не выбивалось из общей серии.

Пэсмор тщательно исследовал фотографию, а затем отложил лупу и произнёс:

– Гм... трудно сказать. Недостаточно отличительных признаков, чтобы утверждать с уверенностью.

– Думаю, снимок сделан в начале Эдвардианского периода, – предположил Твист.

Виктор Пэсмор покачал головой:

– По меньшей мере, лет на двадцать раньше.

– Лондон?

– Конечно. Думаю, где-то около Сент-Джордж-на-востоке. Так или иначе, недалеко оттуда.

На лице доктора Твиста было написано удивление:

– Но как вы можете быть настолько точным? Невероятно. А я не новичок в этом деле, как вы знаете.

Тщательно протерев очки, старик ответил:

– Когда вы тратите всю жизнь на изучение и сравнение старых фотографий, как я, вы приобретаете определённый опыт. Но я старею, и память моя уже не та, что прежде. Несколько лет назад я, возможно, смог бы сразу опре-

делить точное место. Оставьте фотографию у меня на несколько дней. Вы же не спешите?

Доктор Твист откашлялся:

– Ну, вообще-то...

Пэсмор пристально посмотрел на криминолога:

– Есть ли специфические обстоятельства, связанные с фотографией?

– Именно это и расстраивает: не знаю!

В глазах старика загорелось любопытство.

– Зная вас, могу предположить, что это означает. Очень хорошо. Возвращайтесь через три дня, и я посмотрю, что смогу сделать.

На следующее утро старший инспектор Хёрст сварливо отвечал на первый телефонный звонок в этот день:

– Алло, межгород? Инспектор Салливан? Соедините!

После нескольких щелчков и потрескиваний послышался голос инспектора.

– ...таким образом, я изучал это исчезновение в течение нескольких дней. Ваш друг доктор Твист, возможно, упомянул про это. Так или иначе, ночью я работал с досье. Я знал, что там было что-то, обеспокоившее меня. И теперь я понял, и это касается вашего собственного расследования. Первое и главное, как говорится: парень, который исчез так странно, учился в той же самой школе в Колчестере, что и три жертвы вашего убийцы с кислотной ванной. Мало того, он находился там в то же самое время!

Пока его посетитель собирался с духом, Волтер Донован смог хорошенько его рассмотреть. Около пятидесяти и обеспеченный, что демонстрировала золотая цепочка от часов, свисающая из жилетного кармана. Его сюртук явно был куплен в одном из тех магазинов на Риджент-стрит, куда он, Донован, не мог позволить себе зайти. Над накрахмаленным воротничком пухлое лицо, обрамлённое тщательно подстриженной бородой. В нормальные времена он, конечно, держался бы холодно и высокомерно, но сейчас эти чувства померкли из-за смеси гнева и обиды в его глазах, подчёркнутой пластырем на носу и бровях, фиолетовым цветом скулы и распухшей губой.

– Всё это довольно деликатно, – нерешительно начал он.

Эти несколько слов лишь подтвердили первоначальный диагноз инспектора: почтенный джентльмен, на которого напал какой-то гнусный хулиган, когда он, джентльмен, искал непристойных развлечений, что ставило его, таким образом, в щекотливое положение. Обычно инспектор не занимался подобными жалобами, но посетитель настоял на том, чтобы видеть «главного». А он как раз оказался на месте, проведя ночь за изучением досье Этмора.

– Очень деликатно, – продолжал человек. – Меня зовут Чарльз Андерсон, и мне принадлежит магазин по продаже головных уборов здесь в городе, и магазин этот отличается как качеством продукции, так и респектабельностью. Именно из-за последнего это дело не может расследовать первый попавшийся полицейский. – Он вновь замялся. – Как вы знаете, любой продукт, будь это шля-

па или рулон ткани, теряет большую часть своей ценности, если становится запятнанным.

– Это правда, – торжественно согласился полицейский, надеясь, что визитёр доберётся до сути. Ночью инспектор не сомкнул глаз.

Андерсон, должно быть, почувствовал это, потому что его манеры изменились:

– Позвольте мне быть кратким. Вчера вечером, когда я наслаждался компанией молодой женщины, которая носит подходящее имя Роуз, поскольку обладает такой же свежестью и красотой, я внезапно столкнулся лицом к лицу с молодым человеком, который, очевидно, был пьян. Он угрожал мне, оскорблял, а затем осыпал ударами, как, должно быть, очевидно.

– Да, вижу.

– Давайте внесём ясность. Я знаю эту молодую женщину и знаю, что у неё нет никаких привязанностей. Она совершенно свободна. Молодой хулиган не имеет на неё никаких прав и никакого основания вести себя со мной подобным образом. Нужно наказать его, как он того заслуживает.

Донован нахмурился:

– Вы хотите выдвинуть обвинение?

– Нет, нет! Думаю, вы поняли: я хочу, чтобы инцидент остался в тайне. Я смогу найти убедительное объяснение синякам и шишкам. Но этот скот должен за всё ответить, понимаете?

Инспектор начал поглаживать бороду:

– Это очень деликатное дело, как вы сами сказали. Прежде, чем мы пойдём дальше, расскажите мне все подробности инцидента.

Чарльз Андерсон назвал время, место, имя и адрес ночной бабочки и описал своего противника.

– Проблема в том, – продолжил он, – что молодая особа, кажется, тоже не желает поддерживать обвинение.

Уолтер Донован не слушал. Имя Роуз Келли было ему известно, как и её адрес. Что касается описания противника, оно почти в точности соответствовало одному из молодых Джейкобсов.

– Как я уже говорил, впервые я встретил мисс Роуз две недели назад...

Четверть часа спустя, Чарльз Андерсон вышел из здания Скотланд-Ярда совсем в другом настроении. Сначала инспектор встретил его безразличием, граничащим с дерзостью, но в конце беседы тепло поблагодарил и обещал, что сделает всё от него зависящее, чтобы мистер Андерсон остался доволен. Это было даже странно.

– В самом деле, если вам что-нибудь нужно, только скажите, – в сотый раз повторил Чарльз Хеймер. – Я здесь для того, чтобы помочь вам. Понимаю, что вы должны чувствовать в это трудное время. Обращайтесь ко мне, если что-нибудь понадобится. И позаботьтесь о себе самой. Старайтесь побольше отдыхать.

Побольше отдыхать. Это точно! Но для этого она должна побыть одна, а не слушать бесконечную болтовню этого самозваного утешителя, лучшей помощью которого было бы сейчас исчезнуть.

Не успела она вернуться из Лондона, как наблюдательный сосед позвонил в дверь, чтобы успокоить её. К счастью для него, на нём не было любимой соломенной шляпы, иначе она разорвала бы её на мелкие кусочки.

Одна. Она хотела побыть одна, чтобы немного успокоиться и привести мысли в порядок. Поскольку, хотя пока конца этому делу ещё не видно, новая информация продолжает накапливаться, даже при том, что ситуация ясней не становится.

Она поглядела на часы, которые показывали половину девятого.

Чарльз Хеймер заметил её взгляд (да и как иначе, поскольку он не отводил от неё глаз) и начал вставать с кресла.

– Думаю, мне пора.

– О, нет. Пожалуйста, останьтесь ещё немного.

Почему она это сказала? Андреа готова была пнуть себя за это и за лицемерную улыбку на лице. Стараясь сдерживаться, она стала размышлять над событиями дня.

До некоторой степени Дэвид Брейд не соответствовал образу, который она мысленно нарисовала для него. Она представляла его более энергичным и более нервным, но, прежде всего, не ожидала, что он будет настолько гордым. Манера, с которой он отказался от предложенной помощи, несмотря на то, что явно находился в стеснённых обстоятельствах, говорила сама за себя. Она не сомневалась, что в схожей ситуации реакция Джона была бы такой же.

– ...жизнь не настолько проста, к сожалению, – продолжал Чарльз Хеймер. – И когда я думаю о тех бедных людях, которые умерли в таких жестоких обстоятельствах...

Без сомнения, братья не очень ладили. Дэвид этого не отрицал. Но очевидно, Джон не ладил ни с кем из семьи, поскольку никогда не говорил о своём отце или о ком-то другом. Была ещё тайна его профессии. Чем именно он занимался? Как зарабатывал на жизнь? Дэвид знал, но ничего не сказал. Почему? «Не думаю, что вам придётся долго ждать, чтобы это узнать», – сказал он, но что это значит? И есть ли какая-то связь с исчезновением Джона?

– ...кроме того, убийца всё ещё не найден. Я размышлял об этом и считаю, что подошёл близко к истине. А что думаете вы?

В других обстоятельствах хладнокровие Дэвида успокоило бы Андреа в отношении мужа. Но Дэвида, казалось, вообще ничего не волнует. Ничего. Даже его брат. Дэвид жил в дешёвой обстановке и выбрал профессию, за которую не слишком хорошо платили, тогда как у Джона, казалось, не было никаких финансовых забот.

– Итак, что вы думаете, миссис Брейд?

– Что? Простите. Да, что я думаю? Простите, мистер Хеймер, я думала о Джоне.

Хеймер удивлённо уставился на неё:

– Вы... вы думаете, что это может быть Джон? – замялся он. – Этим чудовищем может быть ваш муж?

– Джон – чудовище?

– Я говорил о преступнике, который окунает свои жертвы в кислоту!

Андреа устало покачала головой:

– Пожалуйста, извините меня. Я витала где-то в облаках. Хотела сказать, что я просто думала о нём, вот и всё.

Чарльз Хеймер облегчённо вздохнул.

– О, так лучше. Намного лучше. Это возвращает меня к теме. Чем занимается полиция? Разве у них нет никаких улик? Я задаюсь вопросом, не достиг ли тот молодой инспектор пределов своей компетентности. Откровенно говоря, я удивлён, что не позвали Скотланд-Ярд.

Андреа с трудом сдержалась, чтобы не пожать плечами.

– Они, должно быть, считают, что мы с беднягой Грэмом Моррисом ошиблись в показаниях. В какой-то степени я их понимаю. Но теперь, когда Грэм Моррис мёртв...

Хеймер согласился:

– В любом случае, любопытный несчастный случай. Ну, не буду надоедать вам больше. Но, как я уже говорил, если вам что-то понадобится...

На сей раз Андреа не протестовала. Она встала, словно поощряя гостя сделать то же самое. Десять минут спустя она вновь села, но на сей раз одна.

Сердце у мистера Хеймера было расположено в правильном месте, но он, казалось, совершенно не понимал намёков. Наконец-то она могла перевести дух, расслабиться и подумать спокойно. Её встреча с Дэвидом, хотя и неутешительная в целом, тем не менее, прояснила несколько пунктов. Например, про эту нежную музыку.

Нежная музыка? Джон говорил о ней, но Андреа была уверена и в том, что прочитала об этом в его записках. Под гипнозом Джон говорил о музыке и о том, как она печалила его, но никогда не упоминал, что мелодия шла из музыкальной шкатулки, которая была подарком его покойной

матери отцу. Но он написал что-то такое в своих заметках... Если бы только она смогла их найти!

Внезапно она встала. В конце концов, даже при том, что она дважды просматривала его портфель, всё ещё оставался небольшой шанс их найти. Возможно, они среди газет.

Когда она открывала шкаф, взгляд её упал на книгу «Семь исчезнувших женщин», которую она торопливо сунула туда после происшествия. Вновь она сказала себе, что убийца с кислотной ванной, должно быть, прочитал её, чтобы так точно следовать методу, используемому книжным преступником. Но если никто в Ярде не заметил совпадения, это их проблемы.

Она открыла портфель, в котором лежали лишь вырезки из газет.

Это её не удивило. Глупо было хоть на секунду надеяться. Именно тогда она начала механически рассматривать вырезки. Их было приблизительно двадцать, и они были аккуратно вырезаны – раньше она не обращала на них внимания. Они заинтересовали Джона до такой степени, что он их вырезал и сохранил. Как странно. Что же в них такого?

Сначала она просто хмурилась. Но чем дальше читала кричащие заголовки, тем больше рос в ней ужас.

УБИЙСТВО КИСЛОТОЙ... ЖУТКОЕ ОТКРЫТИЕ В ЛОНДОНСКОЙ КВАРТИРЕ... ПОЛИЦИЯ ИДЁТ ПО СЛЕДУ УБИЙЦЫ С КИСЛОТНОЙ ВАННОЙ... ОН УБИВАЕТ СВОИ ЖЕРТВЫ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ИСКУПАТЬ ИХ В КИСЛОТЕ... УБИЙЦА С КИСЛОТНОЙ ВАННОЙ ВСЁ ЕЩЁ НА СВОБОДЕ... СЕТЬ ВОКРУГ УБИЙЦЫ С КИСЛОТНОЙ ВАННОЙ ЗАТЯГИВАЕТСЯ.

Церковные часы пробили десять, когда фиакр выса-
дил инспектора Донована перед семейным домом Джей-
кобсов. Лучи солнца освещали противоположную сторо-
ну улицы, где несколько мальчишек вырывали друг у
друга кепку, найденную одним из них.

Донован поправил шляпу-котелок, размышляя об этой
идиллической сцене и контрасте с тем, что ему предстоит.

Гидеон Джейкобс встретил его явно недружелюбно. Про-
водив гостя в гостиную, он с холодной вежливостью по-
интересовался ходом расследования.

– Именно поэтому я и пришёл сюда, – ответил поли-
цейский. – Но вы, кажется, сегодня в одиночестве?

– Да, совершенно один. Дочь ушла, чтобы провести не-
сколько дней с моим другом Хаарменом. Что касается сы-
новей, вам будет трудно увидеть любого из них сегодня.

– Жаль, потому что мне хотелось бы поговорить с од-
ним из них. Его показания были бы полезны для наше-
го расследования. Это очень неудачно.

Джейкобс поднял на полицейского совершенно без-
умное лицо.

– Это ещё более неудачно для меня, инспектор. По-
скольку один из моих сыновей сейчас в больнице, а дру-
гой – в морге.

– В морге! – повторил ошеломлённый Донован. – Что
произошло?

Безжизненно и монотонно владелец дома пересказал
болезненные события вечера накануне, когда два его
сына схватились в драке, в результате которой выскочи-

ли из коридора на лестницу и вместе скатились по ней вниз, а один из них сломал себе шею.

– Невероятно! – воскликнул потрясённый полицейский. – И полагаю, что предметом ссоры была мисс Паула?

Джейкобс кивнул и тяжело вздохнул.

– Да. И это не сильно успокаивает, как вы понимаете. Но полагаю, вы тоже принесли дурные вести, инспектор?

– Это так, но я явно пришёл в неподходящее время.

– Возможно, но на данный момент вы сказали слишком много или слишком мало. Полагаю, речь может идти только о том проклятом деле. Дайте угадать: вы собираетесь сказать мне, что преступник живёт здесь, не так ли?

Настала очередь инспектора молча кивнуть.

На следующий день инспектор Салливан приветствовал доктора Твиста в своём кабинете после того, как попросил последнего прийти как можно скорее.

– Сделано! – сказал полицейский, после того, как криминолог закрыл дверь. – Мы нашли его. Он скрывается в том отеле на Грэй Инн-роуд, в который, по словам Грэма Морриса, входил. Под вымышленным именем, конечно, иначе мы не потратили бы столько времени.

Несколько секунд поражённый доктор Твист оставался неподвижным. Затем спросил:

– Кто-нибудь вас видел?

Инспектор покачал головой:

– Нет, мы следовали вашему совету.

– Прекрасно, прекрасно. Ничего пока не делайте. Я подумаю, какую тактику лучше всего применить.

Доктор Твист, он же «мистер Мерлин» уселся на стул, достал курительные принадлежности, набил трубку, зажёл её и начал испускать кольца дыма с тщательностью и точностью, которая означала глубокую концентрацию.

– Нам ничего не нужно делать в течение нескольких часов, поэтому спешить смысла нету. С другой стороны, ждать больше нельзя: мы не можем позволить себе ещё одно убийство. Мы имеем дело с наихудшим видом убийцы, столь же хитрым, как и чудовищным, и слишком умным, чтобы оставлять какие-либо улики. Вначале я хотел не торопиться, чтобы подготовить надёжную ловушку, такую, которая не оставит ему шансов на спасение. Но теперь это невозмож-

но. Его нужно посадить под замок в течение сорока восьми часов.

– Согласен, – кивнул полицейский. – И я уверен, ваш друг, старший инспектор Хёрст, чувствует себя так же, как я. У него одно желание: защёлкнуть на нём наручники.

Доктор Твист встал и начал нервно расхаживать по комнате.

– Дайте подумать, дайте подумать... Мы должны начать, выполнив первую часть нашего плана. Миссис Брейд должна знать о муже. Мы больше не можем держать её в неведении. Я совершенно уверен, мы найдём его в гостиничном номере в девять завтра вечером...

После своих находок в портфеле Джона Андреа не могла заснуть. В голове вспыхнул ослепительный свет, освещая тёмные места, которые мучили её в течение нескольких недель. Странное поведение мужа, профессия, которую он отказывался назвать, и все эти тайны, окружающие его... Всё это было ужасным, зверским, но как не верить? Могла быть какая-то другая причина присутствия этих статей в портфеле? Если бы в прошлом он выказывал нездоровое любопытство к таким делам и читал страницы со скандалами, это было бы понятно. Но он не интересовался даже детективными романами.

Ужасная тайна давила на неё, не говоря уже об огромном риске, которым она подвергалась сейчас. Тайна его исчезновения оставалась нераскрытой, но казалось, она не затрагивает ужасной истины. Будет ли сама Андреа следующей жертвой? Насколько она знала, он не застраховал её жизнь, но, возможно, сделал это тайно от неё. Боже, как она вынесет такое напряжение?

На следующий день, не в силах всё это терпеть, она пошла к «мистеру Мерлину», чтобы поделиться этой тёмной тайной. Она начала, рассказав ему о своём дне в Лондоне и о посещении Дэвида, но затем на неё вновь навалились сомнения. Что если она неправа? Разве простого наличия этих статей достаточно, чтобы осудить его, даже не услышав, что он скажет в своё оправдание? Она не смогла продолжать и ушла от «мистера Мерлина», не открыв тому ужасных подозрений.

Следующей ночью ей удалось заснуть с помощью снотворного. Утром она встала поздно, оставалась в доме целый день, и никто не пытался увидеть её. Но около половины восьмого зазвонил дверной звонок.

Она удивилась, увидев на пороге «мистера Мерлина».

– Добрый вечер, миссис Брейд. Надеюсь, у вас ничего не запланировано на сегодняшний вечер. Я еду в Лондон и надеюсь, что вы поедете со мной.

Полчаса спустя, сидя рядом с водителем, она задавалась вопросом, что произошло, куда они едут и, прежде всего, что ожидает её. У доктора Твиста, который сидел молча и глядел вперёд, должна быть причина для того, что он делает. Лицо его было настолько мрачным, что она не посмела задавать вопросы даже при том, что имела полное право так сделать.

Было уже после восьми, когда, проехав Холборн, они оказались в конце Грэй Инн-роуд, где Твист остановил автомобиль в заднем внутреннем дворе одного из зданий. Перед уходом он открыл бардачок и достал бинокль. Она последовала за ним в недавно отремонтированное здание и поднялась на четыре пролёта лестницы. Оказавшись в коридоре, он открыл окно и указал на здание напротив – задний фасад отеля – где несколько окон светились жёлтым светом.

Он поднял бинокль и взгляделся в определённое место на фасаде.

Прошла минута, затем другая – он продолжал молчать. Затем посмотрел на часы. Так он сделал несколько раз и, наконец, заговорил:

– Он скоро появится.

– Он? – воскликнула ошеломлённая Андреа. – Вы говорите о Джоне?

– Да, Джон Брейд, ваш муж. Вы же не думаете, что я привёз вас сюда, просто чтобы покататься?

– Джон! Джон! – воскликнула она, и сердце её дико забилось. – Но он всё ещё жив?

– Очень даже жив, поверьте. Он живёт в этом гостиничном номере уже несколько дней – совершенно свободно. Снял этот номер довольно давно.

Радость Андреа исчезла так же быстро, как нахлынула. Ужасные сомнения появлялись вновь, а слова доктора Твиста казались ужасно красноречивыми:

– О! Вот и он, наконец.

На лице доктора Твиста заиграла лёгкая улыбка, пока он продолжал вглядываться в здание напротив. Несмотря на то, что её сердце неистово билось, Андреа старалась держаться спокойно.

– Вот и он, – продолжал её компаньон. – В добром здравии, никаких сомнений. Смотрите сами. И он готовит новое убийство.

Хотя она чуть не падала в обморок, Андреа взяла бинокль. Рука дрожала, но женщина сумела навести прибор на нужное окно и увидела, что Джон сидит за столом перед пишущей машинкой.

– Вот и он. Его лицо выглядит немного осунувшимся, но он совершенно здоров, согласны?

– Да.

– Я сказал, что он готовит следующее убийство, намёки на которое вам повезло подсмотреть, прочтя известные заметки в портфеле. Ну-ну, миссис Брейд! Вы всё ещё не по-

нимаете? Вы видите перед собой человека, которым так восхищаетесь – по разным причинам, – *знаменитого Айвена Хайлендера!*

В течение нескольких секунд Андреа думала, что «мистер Мерлин» сошёл с ума. Айвен Хайлендер, её любимый писатель? Какая связь между бородатым стариком, лицо которого она так часто видела на задних обложках его книг, и Джоном, её мужем? Она поделилась сомнениями вслух.

– Фотографии, – спокойно объяснил доктор Твист, – конечно Айвена Хайлендера, но это фото отца Джона, Гидеона Брейда. Дэвид Брейд не лгал вам, когда в ответ на ваш вопрос о профессии брата сказал, что брат «продолжает семейный бизнес». Гидеон Брейд был изначальным Айвеном Хайлендером. После его смерти ваш муж продолжил дело отца, сохранив известный псевдоним.

Мы опустим сцену воссоединения Андреа и Джона. Смущение, эмоции и слёзы не мешали объяснениям. Твист, который проводил Андреа к двери комнаты Джона, тихо удалился.

А двадцать четыре часа спустя наблюдатель, увидевший их вместе, решил бы, что перед ним совершенно нормальная пара, и вряд ли предположил бы, какие драматические события разделяли их всего лишь накануне. Фактически радостная и размягчённая атмосфера царила в гостиной, где поднимали бокалы с шампанским не только в честь мудрости доктора Твиста, который находился здесь же, как и инспектор Салливан, но и по случаю визита Дэвида Брейда, принявшего приглашение Андреа.

– Это Андреа захотела узнать тебя получше, – сухо пояснил Джон, наполняя бокал брата.

Дэвид, небрежно одетый и развалившийся в одном из кресел, ответил с кривой улыбкой:

– Я и не думал, что это твоя идея. Но, если откровенно, меня начинало беспокоить твоё исчезновение. Я считал, что с возрастом твой талант к драматизированию немного потускнел.

– Уже почти десять, а его всё ещё нет! – воскликнула Анджела.

– Очень жаль, – ответил инспектор. – Мы не собираемся ждать дольше. А теперь, мистер Брейд, я хотел бы услышать ваше объяснение и с подробностями.

Джон согласно кивнул, прошёл и сел около жены, сделав глубокомысленную паузу.

– Начну сначала, – сказал он, наконец. – И вернусь к той ужасной ночи, когда нашу мать так трусливо убили в процессе банального воровства. Все здесь знают, что она значила для меня, хотя по закону была мне лишь приёмной матерью. Моя настоящая мать вообще не заботилась обо мне или же только чуть-чуть. У меня было несчастливое детство, жил я в жутком районе и стал эмоциональным изгоем. Поэтому поначалу я не мог поверить, когда моя новая мать стала заботиться обо мне. Не мог поверить, что такая привязанность действительно существует. Столько заботы, столько нежности, так много внимания.

Джон на мгновение остановился.

– И вот она мертва. Я словно сошёл с ума. Я отказался принять действительность. Покинул семейное гнездо; не говоря никому, отправился искать двоюродного деда в Шотландию и оставался с ним больше месяца. Подозреваю, что он сообщил отцу, ничего не сказав мне, но это не имело значения. Спустя несколько лет после этого мы переехали, и пять лет спустя отец умер. Знаменитый Айвен Хайлендер, автор детективных романов, был мёртв. Это был его псевдоним; настоящее имя держалось в секрете согласно его пожеланиям. Он любил свою работу, но чувствовал, что она не слишком престижна как профессия.

– Но фотография в конце его книг? – перебил Салливан. – Едва ли это лучший способ сохранять анонимность.

– Это была, конечно, его фотография, но так отретуширована, что его едва ли можно было узнать. Мефистофельская аура полностью изменила его.

– Это правда – добавил Дэвид. – Это он, но узнать его невозможно.

– А я-то принимал его за живописца! – воскликнул Салливан. – Но теперь понимаю, почему. В досье, которое я получил, упоминался «художник», не конкретизируя, какой именно, а тот факт, что он был на художественной вы-

ставке тем вечером, когда убили его жену, заставил меня прийти к неправильному заключению. Но, пожалуйста, продолжайте, мистер Брейд.

– Итак, после его смерти мы, естественно, унаследовали его состояние. Не очень большое, вопреки тому, что считали некоторые, потому что отец был расточительным, тратя как на других, так и на себя. И после смерти нашей матери он действительно стал разваливаться на части. Когда он находился в кабинете, то часто подолгу сидел перед пишущей машинкой, с ностальгией слушая нежные звуки из музыкальной шкатулки, которую она ему подарила. Именно тогда он предложил мне написать детективный роман.

– Джон, ты всегда был намного одареннее в писанине, чем я, – сказал Дэвид с оттенком горечи в голосе. – Именно поэтому он определил в завещании, что ты, *и только ты* имеешь право продолжить его работу под его же псевдонимом, если, конечно, пожелаешь. Что, учитывая его репутацию, не было безделицей, вроде ничего не стоящих безделушек, обладающих лишь сентиментальной ценностью. Но, так или иначе...

– Можешь не верить, Дэвид, но меня не особенно обрадовала эта перспектива. Первая попытка оказалась вполне приличной, но я долго колебался, прежде чем сделать писательство профессией. В любом случае ты никогда не предлагал помочь мне, насколько я помню.

– Абсолютно справедливо, – надменно ответил его брат. – У меня несколько иное представление об искусстве.

– Учитывая ситуацию, – поспешно продолжал Джон, – я вынужден был оставаться абсолютно анонимным. Редактор принял специальные меры (которыми я не стану вас утомлять), чтобы никто не обнаружил мою тайну. Но когда я встретил Андреа... Я скрывал профессию не только из-за этого. Я хотел также возвести стену между новой жизнью и прошлым, чтобы страшные воспоминания больше не пре-

следовали меня. – Он торжественно посмотрел на жену. – Понимаешь, даже если ты не задавала вопросов мне, ты задавала их себе, и я видел это в твоих глазах.

Ещё до того, как мы поженились, я снял этот гостиничный номер, чтобы писать спокойно. После этого произошёл инцидент со странной обложкой книги, а затем появился Грэм Моррис со своими сеансами гипноза. Я заметил, как вы двое переглядываетесь, и это меня заинтриговало. Как я мог предположить, что он – частный детектив, а ты наняла его, чтобы узнать мою профессию? Я следил за вами однажды ночью, когда ты с ним обсуждала ход расследования, но, по стечению обстоятельств, не оставался достаточно долго, чтобы услышать всё. Я был слишком уверен в том, что происходило: в тишине ночи, вы двое вместе в поле...

– Я помню ту ночь, – кивнула Андреа, – и помню, что слышала странный шум.

– Я был опустошён. Буквально опустошён. Шок от того недоразумения был так же силён, как смерть матери. Именно тогда я решил уйти.

Повисло молчание, которое первым нарушил инспектор Салливан:

– Вы хотели оставить жену. Очень хорошо. До этого момента всё ясно. Между прочим, я и сам подозревал что-то в этом роде. Но мне бы очень хотелось услышать, почему вы выбрали эту невероятную мистификацию.

На лице Джона заиграла озорная улыбка:

– Даже если я, возможно, выбрал не ту профессию, я всё-таки, как автор детективной беллетристики, чего-то стою. Если всё время обдумывать хитроумные трюки, иногда хочется испытать их на практике. Но что я действительно хотел сделать прежде всего, это поставить жену и человека, которого я считал её любовником, в очень неприятную ситуацию. Их невероятные свидетельства, наряду с предполагаемыми отношениями, заставили бы их казаться лгунами и, по крайней мере какое-то время, подозреваемыми

в том, что заставили меня исчезнуть. Это была моя месть, задуманная предыдущим вечером посреди разговора о невидимках и машинах времени. На следующий день я притворился, что уже испытываю боли, словно моё тело уже подвергалось странной мутации.

– Да, да, – нетерпеливо ответил инспектор. – Но как вы это сделали? Как вам удалось исчезнуть?

– Если честно, это просто детские игрушки. Я обвязал нить вокруг конца одной из палочек «Микадо» и продел её через отверстие в ушке ключа, чтобы сформировать рычаг. Пропустил нить под дверь так, чтобы, когда я тянул за конец, она поворачивала ключ. Это – самый старый трюк в мире, чтобы запереть дверь, не оставляя следов на ключе. Я проскользнул в чулан и осторожно закрыл дверь. Один рывок, и дверь заперта, а палочка протянута под дверь. На это вообще не ушло времени. Шум, который вы услышали, был придуман, чтобы скрыть любые звуки, которые я произвёл, проходя через дверь. Я сложил горшок, книгу и игру «Микадо» на каминную полку так, чтобы они лежали неустойчиво, и протянул от них другую нить, которая также шла под дверь. (Да, я даже оставил игру «Микадо» на виду как подсказку – видите, я действовал с вами честно!) Я поместил детский воздушный шар в камин, рядом с булавкой, всунутой у основания камина. Когда я потянул вторую нить, груда вещей свалилась, а воздушный шар лопнул. В качестве последнего штриха я раскидал вокруг пепел. Неплохо, а?

Андреа глубоко вздохнула:

– Если бы только я знала, что ты – Айвен Хайлендер...

– Я вытащил обе нити и палочку и выбрался в коридор, пока вы были в гостиной. Знаете, где я скрывался после этого?

– Думаю, да, – ответил доктор Твист. – Фактически уверен. Есть только одно место, где вы могли прятаться. Ни-

кто не видел, как вы уехали, а дом был обыскан сверху донизу, но тщетно. Единственным возможным местом вне дома был автомобиль. Он стоял на виду рядом с дверью гаража, когда миссис Брейд была всё ещё в доме, и вам не составило труда незаметно проскользнуть в багажник.

Джон Брейд кивнул и откашлялся:

– Должен сказать, это была очень неудобная поездка. Я знал, что Андреа скорее всего отреагирует именно так, как она и сделала, но если бы она не поехала, я просто дождался бы подходящего момента, чтобы выйти. В любом случае, даже если бы меня обнаружили, я всегда смог бы утверждать, что это всего лишь шутка.

Салливан кивнул, всем своим видом выражая осуждение, но промолчал.

– А теперь, – сказал доктор Твист, – я хотел бы, чтобы вы рассказали нам о новом романе, который вы готовите и который ваша жена посчитала заметками. Вы были достаточно любезны, позволив мне взглянуть на него этим днём. – Он повернулся к Андреа. – Могу понять, миссис Брейд, как беглый просмотр текста привёл вас в изумление, учитывая любопытные общие черты между этим вымыслом и тем, что ваш муж сказал под гипнозом.

Смущённый Джон Брейд, он же Айвен Хайлендер, встал и подошёл к каминной полке, где уставился в очаг словно в поисках правильных слов:

– Всё началось с той известной фотографии – которая для меня всё ещё остаётся тайной. Вообще говоря, она дала сцену для романа, который я готовился писать. Кроме того, она разбудила моё воображение. Тут ещё добавились эти сеансы гипноза, во время которых я обнаружил детали того периода моей жизни, который так старался держать в секрете. История быстро приняла автобиографический подтекст, и я оказался не способен этим управлять. Глице-

ния, музыкальная шкатулка, «трое мужчин в чёрном» и их отвратительное преступление, не говоря уже о персонажах, таких как мой отец, чьё имя я использовал, мать, конечно, знаменитая беседка, утопающая в цветах, и ты, Андреа. Надеюсь, ты узнала себя?

– Я, наверное, полная идиотка, ну да ладно. Поговорим об этом позже.

– И сверх всего этого, – продолжал Джон, который, казалось, не слышал слов жены, – были детали на этой фотографии, такие как тележка с бочками и почтальон. Я не могу описать вам точно писательский процесс со всеми переплетающимися элементами – мне казалось, что я просто записывал любопытную смесь воспоминаний и обстоятельств.

– И смесь двух ваших детств, – вмешался доктор Твист. – Столь отличающихся одно от другого. Два обособленных мира по сути: с одной стороны – горечь, печаль и страдание, с другой – богатство, доброта и осуществление мечтаний. Два мира, которые вы объединили, поместив прекрасный дом вашего второго детства в несчастное окружение, где вы родились.

Джон Брейд кивнул в молчаливом согласии, а затем сухо продолжал:

– Эта смесь, надеюсь, завоюет расположение читателей. Так или иначе, это ещё неизвестно. О! Пока не забыл, есть там и торговец старинными безделушками (он же гипнотизёр) в виде убитого ясновидца! Пророческая смерть, так сказать, потому что я написал об этом ещё до трагической гибели Грэма Морриса.

– И вы не забыли брата, я верю, – заметил с улыбкой доктор Твист.

– А! – воскликнул Дэвид. – Что-то говорит мне, что я не герой этой истории.

– Ты не особенно приятный персонаж, – улыбнулся Джон.

– Не удивлюсь, если окажусь главным злодеем.

– Я ещё не написал конец истории, – сухо парировал Джон.

– Ну, надеюсь, вы быстро доберётесь до него, – сказал Твист. – Умираю от желания прочесть.

– Вопрос нескольких дней. Дайте мне закончить: подозрения, которые я питал относительно тебя, Андреа, и Грэма Морриса; страх перед тем, что могло получиться из сеансов гипноза; то, что открыли мне эти сеансы в фотографии, а следовательно, в себе самом, – всё это погрузило меня в состояние страха и муки... что исключительно подходит для написания подобных книг.

Джон остановился и подошёл к жене, которая произнесла:

– Если бы ты только знал ужас, который я почувствовал, когда нашла те газетные страницы у тебя в портфеле. Я пыталась придумать любые объяснения, но не могла отбросить мысль, что ты, должно быть, убийца, о котором говорили статьи. Если бы я только знала...

– В некотором смысле ты оказалась права. Я – профессионал в деле преступлений. Такого рода статьи – золотая жила для авторов детективных романов...

Джона прервал звонок в дверь.

– Это, должно быть, мистер Хеймер, – сказала Андреа, вставая.

– Мистер Хеймер? – спросил заинтригованный Дэвид.

– Наш сосед, – объяснил его брат. – Ты, должно быть, видел его, когда подходил. В соседнем саду – некий тип в соломенной шляпе.

– Человек в соломенной шляпе? – хмурясь, повторил Дэвид. – Какое он имеет отношение к нам?

– Это человек, которого мы ждём, – вмешался инспектор Салливан. – Мы ждём его, чтобы заняться другим делом, гораздо более зловецим.

Ответом на эти слова стало гробовое молчание, во время которого в коридоре можно было слышать тяжёлые шаги, а затем дверь гостиной отворилась и вошла Андреа,

сопровождаемая полным мужчиной с румяным, но мрачным лицом.

– Это не мистер Хеймер, – объяснила хозяйка дома. – Джентльмен утверждает, что он – полицейский.

– Старший инспектор Хёрст из Скотланд-Ярда, – объявил доктор Твист, спеша представить друга.

Его слова ничуть не облегчили ледяную атмосферу, порождённую видом посетителя. Хёрст был немногословным человеком, но когда он заговорил, голос его оказался ещё более мрачным, чем выражение лица:

– Я приехал, чтобы арестовать убийцу с кислотной ванной. Где он?

Гробовое молчание вернулось, а на лицах можно было прочесть изумление и страх.

– Я сказал вам, что он будет здесь, когда вы приедете, старший инспектор, – спокойно сказал Твист.

Несколько пар удивлённых глаз уставились на криминолога.

– Я сказал вам, что он будет здесь, и он здесь. Убийца с кислотной ванной среди нас: зловещий человек, который убил по крайней мере трёх молодых людей и трёх молодых женщин. Но он не остановился на этом. Его последней жертвой был Грэм Моррис, частный детектив. Настоящий, а не тот, с которым вы встречались. Тот был ложным: он был убийцей, который теперь сидит в нескольких дюймах от нас.

Внезапно движением столь же неожиданным, как и быстрым, он схватил за волосы мужчину, сидящего рядом с ним, и сорвал парик, обнажив бритую голову.

– Позвольте вам представить, – сказал Твист, – Дэвид Брейд, он же Грэм Моррис, он же Филип Мур, он же Уильям Питт, он же Харви Стрэндж, более известный всем в стране как «убийца с кислотной ванной»!

В детективном романе общепринято, что:

Во-первых, решение никогда не находит полицейский, отвечающий за расследование.

Во-вторых, преступник – неизбежно человек, которого мы подозревали меньше всего.

Последнее требует комментария. Поскольку само существование и широкое распространение подобного приема поощряют автора находить всё более изощрённые способы ввести в заблуждение читателя. Таким образом, человек может быть настолько очевидным подозреваемым, что читатель посчитает, что тот не может быть виновным. Другими словами, чем больше подозрений падает на человека, тем меньше подобный читатель им верит. Это замыкает круг и подтверждает второй момент, сформулированный выше.

Как следствие, Айвен Хайлендер с полным правом может утверждать, что нарушил оба золотых правила в одной книге.

Но не будем ходить вокруг да около: давайте прямо назовём имя мерзкого убийцы, алкоголика, игрока, эгоиста, хама и так далее и тому подобное – Адама Джейкобса. Могли кто-нибудь в середине повествования сомневаться в его вине? Уверен, никто. И всё же к концу...

Очень удачно, что именно он отправился к Создателю после борьбы не на жизнь, а на смерть с братом. Поэтому он не мог признаться в преступлении, устно или письменно. Таким образом, мы оказываемся перед необходимостью полагаться на объяснения инспектора Донована, ко-

торые, выглядят столь же убедительно, как и любые подобные объяснения, даваемые претенциозными авторами детективных романов. Позволим ему рассказать всё своими словами:

Если мы начнём с аксиомы, что человек не может быть в двух местах одновременно, то бесспорно, что Джек Этмор, арестованный в Ливерпуле, не может быть тем же самым Джеком Этмором, читающим по руке в Лондоне. И если мы добавим к этому тот факт, что, согласно нескольким местным свидетелям, Джек Этмор изменился и стал намного более отчуждённым через несколько месяцев после смерти миссис Джейкобс, неизбежное заключение состоит в том, что кто-то занял его место в Лондоне. Кто-то из тех же мест, поскольку ему нужно было знать всё о будущих клиентах, кто-то неразборчивый в средствах и кто-то довольно обеспеченный, поскольку деньги, которые он получал за свои предсказания, кажутся значительными.

Многие отвечали всем требованиям, но никто лучше нашего молодого человека. Наш преступник должен быть также кем-то, кого никогда не видели в компании человека, роль которого он исполнял, – по очевидным причинам. И Адама, по словам Хаармена, начиная с известного времени, никогда не видели в компании Джека Этмора. И когда оказалось, что очаровательная Роуз Келли лгала, чтобы дать Адаму алиби на ночь убийства, никаких сомнений не осталось. Действительно, со стороны Адама было глупо срывать свой гнев на человеке, который, как оказалось, провёл с Роуз Келли именно ту роковую ночь. И почтенный мистер Андерсон запомнил дату точно. Но разве сама Роуз Келли не утверждала, что ночь, проведённая с ней, окажется незабываемой? Адам Джейкобс, конечно, не стал бы с этим спорить. Она была одним из немногих людей (женская душа неисповедима), кому дей-

ствительно нравился Адам. И будь он жив, маловероятно, что она выступила бы против него. Что касается её самой, ей удалось избежать обвинения в лжесвидетельстве, сославшись на плохую память и, возможно, пришлось немного потрепетать ресницами перед легковым полицейским.

Настоящий Джек Этмор был последним негодяем. И более чем вероятно, что после визитов к нему миссис Джейкобс, он разработал план избавиться от неё, подкупив нескольких местных хулиганов, чтобы быстро создать себе прочную репутацию. Объявляя об опасности, нависшей над местным жителем и делая так, чтобы это пророчество сбылось, он за одну ночь получил бы известность, как великий предсказатель. Ещё раньше он несомненно завёл много друзей, включая Адама, который снабжал его полезным материалом.

Остальная часть истории больше строится на догадках. По той или иной причине Этмор решает уехать из города и вести более прибыльное дело в другом месте. Вместе с другом Адамом, который, между прочим, испытывал к Этмору гораздо меньше неприязни, чем демонстрировал, они решили, что Адам займет место Этмора. Чёрная борода, густые брови и кричащая одежда Этмора позволяли легко его имитировать. Что касается знания секретов местных жителей, чтобы обманывать их, Адам, который родился здесь, знал всё обо всех.

Всё идёт без помех. Несколько раз в неделю Адам набивает мощну, говоря людям то, что они хотят услышать. Бизнес процветает. Возможно, Роуз или другие девушки, которых он знает, рекомендуют его своим клиентам. А затем однажды Этмор возвращается. Он требует долю или же собирается вернуть бизнес себе. Адам отказывается, и последним аргументом в их споре становится фатальный удар по черепу Этмора.

Адам быстро понимает, что попал в переплёт. Если он избавится от тела, возможно, что в один прекрасный день кто-то из родственников Этмора зайдёт и обнаружит подмену. Он ничего не может сделать в ситуации, которая нависает над его головой как Дамоклов меч, пока он играет роль Этмора. Поэтому с тяжёлым сердцем, как можете себе представить, он решает оставить прибыльный бизнес.

Почему он придал преступлению сверхъестественную окраску? Никто не знает наверняка, но вероятно, сыграла свою роль привычка. Зарабатывание на жизнь, рассказывая людям небылицы, делает шарлатанов самонадеянными до такой степени, что они считают: полиция проглотит всё, что угодно. План, который он придумал, должен был полностью сбить с толку следователей, уводя их от правды.

Некоторые свидетели говорили о некоем посетителе днём, как раз перед инцидентом. Нет больших сомнений, что это был Этмор. Судебно-медицинские эксперты были неправы, определив время смерти между семью часами и полуночью, потому что они находились под влиянием результатов следствия. Этмор был убит не менее, чем за час до семи, потому что это был последний возможный момент, когда Адам, он же «Джек Этмор», отправил письмо, объявляющее о его «неизбежной смерти». Поскольку преступник уже придумал план.

Естественная любознательность Боба Стивенса, почтальона, широко известна, и Адам решает её использовать. Он знает, что письмо, адресованное ясновидцу от себя же самого, пробудит любопытство почтальона, и он, вероятно, попытается узнать побольше, когда увидит, что предсказатель лежит за окном эркера собственной студии. Труп, который видит почтальон, не настоящий, а настоящий спрятан в небольшом сарае на противоположной стороне переулка, надёжно запертом. Адам спе-

циально усаживает его на стуле так, чтобы, когда начнётся трупное окоченение, труп застыл бы в нужном положении.

Очевидно, именно Адам играет роль мертвеца, специально выставив руку. Девять шансов из десяти, что некто, не привыкший находить трупы, и желая убедиться, что человек мёртв, попытается проверить температуру тела, касаясь выставленной руки – если осмелится и на это. Боб Стивенс говорил о холодной влажной руке. Холодной, да, потому что человек, якобы, умер за некоторое время до этого, а в комнате холодно. Но почему влажной?

Ведро, стоящее рядом с телом, было заполнено ледяной водой неспроста. За четверть часа перед появлением почтальона Адам опустил туда руку, чтобы затем продемонстрировать холодную руку «мертвеца». Этого достаточно, чтобы сбить с толку любопытного молодого Боба Стивенса, который теперь понимает, что квартира пуста и заперта изнутри. Как только почтальон уходит, чтобы уведомить полицию, Адам встаёт, отпирает дверь и идёт, чтобы принести настоящий труп через переулок в место, где его потом найдут, повторно запирает дверь и уходит. К сожалению для него, его видит свидетель, который отмечает его подозрительное поведение, и это ломает весь план и сразу переводит подозрения на него – ему приходится в последнюю минуту придумывать себе алиби с помощью неотразимой Роуз Келли.

Его смерть от несчастного случая фактически стала благословением для семьи. Она избежала осуждения, которое, возможно, ещё больше сломало бы Гидеона Джейкобса, уже потрясённого тем, что произошло. Именно Джонас помог Гидеону вновь найти опору. Как только он оправился после трагического падения с лестницы, то не терял времени и сочетался браком с прекрасной и доброй Паулой, и старику пришлось ждать лишь год, чтобы испытать радость оттого, что стал дедушкой.

Только благодаря объединённым свидетельствам людей, непосредственно вовлечённых в это дело, я смог проследить настолько точно, насколько возможно, зловещий путь, пройденный человеком, которого я когда-то считал братом. Само собой разумеется, вся заслуга принадлежит доктору Твисту, без мудрости которого «убийца с кислотной ванной» всё ещё был бы на свободе, а я добавился бы к списку его жертв. Что касается того знаменитого вечера, когда его разоблачили, у меня сохранились лишь отрывочные воспоминания, – так потрясло меня всё это. Дэвид, ничуть не теряя спокойствия, уверенно ответил на обвинения доктора Твиста:

– Да, я ношу парик. Ну и что? Я – актёр: такое происходит постоянно. Я похож на Грэма Морриса? И что же? Даже если бы я играл здесь его роль, это не означало бы, что я его убил. И вам ещё предстоит доказать, что его смерть – убийство, а не несчастный случай.

– Ваша реакция меня не удивляет. Я знал, что вы сохраните спокойствие и ничто не заставит вас ошибиться и признать свои преступления. Я понял это уже давно. В какой-то степени я даже восхищаюсь вашим хладнокровием и даром маскировки и перевоплощения. Несколько лёгких штрихов на лице и тонких изменений в жестах и поведении достаточно, чтобы вы выглядели другим человеком. Но всегда что-то остаётся, нет так ли? Ваш брат уже обнаружил кое-что знакомое в продавце старинных безделушек. Когда миссис Брейд пришла к вам, а вы играли роль артиста, поклоняющегося искусству ради него само-

го и презирающего мирские вещи, она тоже обнаружила в вас что-то знакомое, что отнесла к сходству с братом. Она ошиблась: то, что она узнала в вас, было Грэмом Моррисом!

Что вывело доктора Твиста на след «убийцы с кислотной ванной»? Будучи, как и Андреа, поклонником детективной беллетристики, он заметил странное сходство между зловещей серией трагедий, о которой кричали заголовки новостей, и «Семью исчезнувшими женщинами», одной из самых ранних книг моего отца, которая отпечаталась в его потрясающей памяти среди других преступных интриг, как вымышленных, так и реальных. Он знал Гидеона Брейда. Не будучи близким другом, он был одним из немногих, кто знал его тайну, и, когда они встречались, целью, должно быть, было обсуждение их общей страсти к криминологии. После трагического ухода моей матери Твист видел отца лишь однажды. Он нашёл его сломленным человеком, простой тенью его самого когда-то, и его поразили один из вопросов: тот спросил, какой была бы реакция доктора Твиста, если бы его (Гидеона) сын оказался преступником. Отец объяснил, что работает над книгой по этой теме, но у доктора Твиста создалось впечатление, что за прозвучавшим вопросом стоит что-то более личное. Связано ли это со зверским убийством его жены? Подозревал ли он, что один из сыновей вовлечён в преступление?

Так как он никогда не видел ни Дэвида, ни меня, Твист едва ли имел представление, что мы из себя представляем. Он отложил сомнения, но, однако перечитал отчёт о преступлении, отметив несколько любопытных пунктов. И его подозрения увеличились, когда он понял, что убийца с кислотной ванной был, вероятно, вдохновлён «Семью исчезнувшими женщинами». Твист решил исследовать это совпадение подробнее.

У него не было достаточно информации о Дэвиде или обо мне, чтобы подозревать одного больше другого. Но, об-

наружив след Дэвида здесь в деревне, когда тот шпионил за мной под маской продавца старинных безделушек, он понял, что нужно делать. Махинации Дэвида, даже если их цель была не совсем ясна, ни сулили мне ничего хорошего. Благодаря своим связям в полиции, Твист смог арендовать дом нашего соседа, мистера Кларка, и лично наблюдать за Дэвидом. Теперь я лучше понимаю, почему чувствовал, будто являюсь объектом постоянного наблюдения.

Твист пришёл к выводу, что Дэвид хочет мне навредить. Но как? Он не знал этого тогда, да и сейчас мы не знаем точно. Но он не сомневался, что Дэвид хочет избавиться от меня, частично потому что унаследует мою часть состояния, но, главным образом, из чистой ненависти. Очевидно, именно Дэвид подстроил «случайную» встречу с Андреа и убедил её пригласить его раскрыть «тайну», окружающую меня. Ему легко было понять суть этой тайны. Моя таинственная фотография явилась для него подарком судьбы и дала возможность применить свои услуги как гипнотизёра. Где он этому научился? Вероятно, у фокусника из мюзик-холла, друга моего отца, который иногда брал Дэвида с собой и советовал идти на сцену. В этот момент, после приглашения Андреа, я оказался полностью в его руках, и он мог управлять мной, как марионеткой. Он, вероятно, обдумал множество способов, чтобы избавиться от меня, но моё волнение относительно фотографии заинтриговало его, и он, очевидно, хотел сначала добраться до сути всего этого. Несмотря на мои ответы, он чувствовал, что моё волнение вызвано не только трагической гибелью матери, к воспоминаниям о чём фотография просто не могла подтолкнуть.

А затем я исчез, что застало его совершенно врасплох. После первоначального шока он понял: мало того, что оно серьёзно нарушает его планы в отношении меня, но он оказывается перед необходимостью быстро исчезнуть, иначе

расследование, которое обязательно последует, неизбежно приведёт полицию к настоящему Грэму Моррису.

Всякий раз, когда Дэвид менял личность, он предусмотрительно заимствовал её у кого-то, кто действительно существовал, и часто затем принимал меры, чтобы уничтожить прототип. В случае частного сыщика Грэма Морриса поначалу это не казалось необходимым, но скоро Дэвид понял, что иначе нельзя, и столкнул несчастного парня под поезд метро, прежде чем полиция подобралась слишком близко.

После этого он затаился в той неопрятной квартире, служившей ему прикрытием. По всей вероятности, режиссер сообщил ему, что его ищет молодая женщина, и дал ему время, чтобы вжиться в роль артиста, переживающего трудные времена и только что прочитавшего об исчезновении брата в газетах. После этого брат едва ли мог отказаться от приглашения Андреа после моего возвращения (организованного по воле доктора Твиста), не привлекая к себе нежелательного внимания. «Дэвид Брейд, паршивый актёр, но уважающий закон», – вот облик, который он должен был защитить любой ценой. Это была его последняя линия обороны против разоблачения.

Теперь мы подошли к мотивам его ненависти, которую он несомненно питал с тех самых пор, как мы узнали друг друга, и хотя я всегда ощущал её, но никогда не предполагал её силы.

Уже в десять лет он был гадким ребёнком, которого забавляло наблюдать реакцию канареек после того, как он запускал к ним в клетку кошку. Он постоянно играл злые шутки в семье и с соседями, в принципе, довольно простенькие, но все объединены общей темой: причинение страданий и неудобств как людям, так и животным. Он был полной противоположностью того, каким хочет видеть своего ребёнка мать. Моё появление в доме Брейдов измени-

ло всё. Я чувствовал, что мешаю ему. Он не мог видеть, как его мать тратит на меня заботу и внимание, и возненавидел ещё больше, когда я стал демонстрировать чувствительность к поэзии, красоте природы и другим вещам, которым она меня учила. Не то, что это его расстраивало: он презирал и нападал на всё, что было добрым и нежным. То, что его собственный отец завещал продолжать свое дело приёмному сыну и мне удалось добиться успеха, стало последней каплей. Его ревность и ненависть не знали границ и превратили в убийцу.

Что касается смерти матери, то, учитывая обстоятельства и подозрения, возникшие у моего отца, доктор Твист полагает, что в его виновности сомнений нет. Теория о трёх грабителях – «трёх мужчинах в чёрном» – казалась ему фантазией, особенно потому, что Дэвид был единственным, кто их видел. Криминолог склонялся к следующему: звуки нервного разговора, которые я слышал, не были кошмаром, а сильной ссорой между матерью и Дэвидом, который только что заявился пьяный. Она несомненно высказала ему всё, что думает о нём, и сказала что-то обидное. Он оглушил меня, чтобы я не мешал, вернулся и избил её до полусмерти, выбросив в конце из окна, а затем взял несколько предметов, чтобы поддержать свою историю о краже, которую, якобы, сорвала несчастная женщина. Он разбудил меня и выдал историю о пьяной женщине и трёх чёрных незнакомцах. Прошло, самое большее, полчаса с момента, когда он действительно вернулся в компании друзей. Полчаса, которые одурманенные алкоголем друзья не смогли припомнить на следующий день. Опьянение, гнев и скрытая ненависть были, очевидно, мотивом преступления, но был ещё и элемент наказания меня лично, поскольку Дэвид знал, что для меня не могло быть худшего мучения, чем утрата моей «светлой леди».

В рекордное время он растратил свою часть наследства, которое лишь разожгло его врождённый вкус к роскоши и деньгам, приобретаемым без усилий. Не буду останавливаться на страшном методе, использованном для достижения цели, даже при том, что этот метод был плодом воображения его отца, который в конце жизни понял ужасную роль сына в смерти жены.

Дэвид убил шесть человек, чтобы получить три страховки. Трёх молодых женщин и трёх молодых мужчин, места которых он занял, чтобы замести следы. Эти действия уже кажутся достаточно отвратительными сами по себе, но дотошность и скрупулёзность, с которой он подошёл к задаче, добавили к преступлению ещё больше ужаса. К тому же, он знал этих трёх мужчин, поскольку встречался с ними, как и я, в школе в Колчестере. Могу вообразить шок и ужас Андреа, когда она поняла, что я учился в той же самой школе!

Доктор Твист полагает, что в своём подсознании я хорошо понял своего приёмного брата и в глубине души чувствовал, что продавец безделушек и он были одним лицом. Как доказательство, он предложил тот факт, что я включил двойников в сюжет своего последнего романа: Адам Джейкобс играет роль ясновидца. И, как дополнительная подсказка: известный перстень, который носил Дэвид, когда исполнял роль продавца безделушек, был и на пальце Адама – я изложил это на бумаге *ещё до того*, как узнал правду. Он прав, конечно. И возможно, это было то самое кольцо, которое носил гипнотизёр, копающийся в моём подсознании.

Что касается тайны, окружающей известную фотографию, всё ещё остаётся некая тонкая завеса. Здесь объяснение доктора Твиста является не результатом строгой рациональной логики, но глубокого знания человеческой на-

туры, что, по моему мнению, столь же верно, как самое строгое математическое доказательство.

Вручая мне фотографию, он попросил, чтобы я определил точное место, где жил до начала разрушительных бомбардировок столицы. Мой ответ не развеял его сомнений.

– Это странно, – заметил он. – Один из моих друзей, авторитет по топографии Лондона, полагает, что правильно идентифицировал место на фотографии, как район вокруг Сент-Джордж-на-востоке, где вы действительно жили. И всё же вы чувствуете, что эта фотография не того места, где вы росли.

– Абсолютно в этом уверен. Как я уже сказал, она вообще не напоминают Эрл-стрит, где мы жили, или любую другую улицу в районе, который я знал, как свои пять пальцев. В возрасте от четырёх до девяти я облазил каждый дюйм окрестностей. Конечно, некоторое сходство имеется, но это можно сказать о большинстве улиц в беднейших кварталах Лондона.

Доктор Твист взял фотографию, чтобы вновь рассмотреть её, прежде чем спокойно объявил:

– Знаете, возможно объяснение довольно простое. В некотором смысле я так же заинтригован этой фотографией, как и вы, и сейчас я знаю, что вы наделены острой чувствительностью. Вас, так же, как меня, влечёт к прошлому, погружающему в ностальгию. В частности, вы любите прошлое столетие. Ваши книги это демонстрируют. Однако главное впечатление, которое я получаю от этой фотографии, даже если не знаю точно, где именно вы росли, это вселенная вашего детства. Оно у вас было трудным: грубым, тяжёлым, лишённым любви... или почти. Одно из тех детства, которые оставляют более глубокое впечатление, чем другие, и которые (отмеченные страданиями и жертвами) вселяют огромную жажду жить. Знаю, что вы чувствуете, когда видите потемневшие кирпичи, холодные стены,

высокие дымовые трубы на фоне ясного синего неба: любопытную смесь мрачного и бодрящего.

Вы не хуже меня знаете, что первые картины, которые видит ребёнок, навсегда врезаются в его память. Они скрываются где-то в нашем подсознании, но никогда не уходят. Особенно, если они увидены в очень эмоциональных обстоятельствах, таких как ваши. И когда случайно их что-то вызывает на поверхность, они возвращаются, заставляя горло сжиматься, а глаза наполняться слезами, пробуждая первые сильные эмоции нашего детства. С годами, поскольку воспоминания вызываются всё реже, они тускнеют, оставляя нас со смутной ностальгией, слишком неопределённой, чтобы понять её истинное происхождение. Если объект, который пробудил скрытые воспоминания, связан с предметом, который вы считаете особенно дорогим, и напоминает вам о прошлых временах – в этом случае о Викторианской эре, – вы становитесь жертвой одной из атак подсознания, которые оставляют вас потрясённым и смущённым.

А теперь, Джон Брейд, посмотрите на фотографию внимательно и скажите, есть ли хоть зёрнышко правды в том, что я только что сказал.

Доктор Твист скромничал: в его словах много правды. Рассматривая вновь старую картину и снова испытывая всё то же замешательство, я понял, что он опять совершенно прав.

Когда я пишу эти строки, Дэвид ещё не предстал перед судом. Доктор Твист боится, что, возможно, не наберётся достаточно прямых доказательств, чтобы осудить его, несмотря на подавляющие косвенные доказательства, и Дэвида могут оправдать. Твист, однако, считает, что освобождение не принесёт Дэвиду счастья. Он поговорил с семьями и друзьями трёх убитых жён, и те собираются взять правосудие в свои руки, если Дэвида освободят.

Мистер Хеймер здоров и прекрасно себя чувствует, и я регулярно вижу его за забором – всё в той же соломенной шляпе. То есть, когда он не докучает моей жене. Что касается Андреа, её начальное ликование, когда она узнала, что я – Айвен Хайлендер, постепенно спадает, как это ни странно. Фактически с того дня я больше не видел у неё в руках ни одного детективного романа. Более того, на днях она предложила, чтобы я занялся чем-нибудь более серьёзным, чем печатание на машинке (я пытался закончить главу), – например, помог ей в саду. Если подумать, недавно она была на грани нервного срыва, и я задаюсь вопросом, может быть, третий «Айвен Хайлендер» уже в пути...

ЭПИЛОГ

Прошло уже несколько недель, как доктор Твист оставил фотографию у Виктора Пэсмора, и, когда вернулся, криминолога сопровождал друг, старший инспектор Хёрст. Эксперт по старым фотографиям уверенно заявил:

– Эрл-стрит, в Сент-Джордж-на-востоке. Как я и думал.

– Эрл-стрит? – недоверчиво повторил криминолог, глядя на Хёрста, который казался таким же удивлённым. – Замечательное совпадение. Вы уверены?

– Эрл-стрит. Ни тени сомнения.

– Это очень странно, потому что мы знаем кое-кого, кто жил там давным-давно и уверяет нас, что это место ничуть не похоже.

Пэсмор искоса посмотрел на него:

– Когда он там жил? В какой период?

– В тридцатых.

– Ну, тогда не удивительно. Улица была полностью перестроена в 1911 году и сильно изменилась по сравнению с тем, какой была на рубеже веков. Дата фотографии приблизительно 1880 год. И её сделали не случайно. – Старик наклонился вперёд и указал дрожащим пальцем на изображение. – Смотрите, вот тот дом слева, рядом с магазином. Он был сценой гадкого преступления, которое в то время вызвало большой резонанс. Вы, конечно, об этом знаете, доктор Твист. Не принесли же мне эту фотографию из простого любопытства!

После этих слов повисло удивлённое молчание. Пэсмор достал большой конверт, извлёк из него пожелтевший обрывок газеты и положил его на стол перед изумлёнными детективами. Это была статья из «Таймс», датированная апрелем 1884 года, с заголовком:

ТРОЕ МУЖЧИН В ЧЁРНОМ

У каждого лондонца в памяти всё ещё хранится воспоминание об ужасном событии, случившемся на прошлой неделе в районе церкви Сент-Джордж-на-востоке, где трое неизвестных не погнушались убить честных людей, чтобы украсть довольно небольшую сумму. Вопиющее преступление, которое пробудило гнев жителей, при этом все они согласны, что мистеру Харвуду, журналисту, не следовало тем вечером идти в местный паб, чтобы отпраздновать выигрыш на скачках, довольно скромный, но достаточный, чтобы «перезить трудные времена», как он заявлял между кружками всем, кто готов был слушать. Несколько часов спустя ему и его жене перерезали горло в собственной спальне после того, как они, вероятно, услышали звуки взло-

ма. Как будто этого было недостаточно, трагедия превратилась в ужас, когда выяснили, что всю эту сцену наблюдал через открытую дверь двенадцатилетний сын пары. Однако именно благодаря ему полиция знает, что участвовало трое мужчин в тёмной одежде с лицами, скрытыми чёрными вязаными масками. «Трое мужчин в чёрном», – вот его собственные слова, которые, как мы опасаемся, будут преследовать его ещё очень долго.

Вчера полиция допросила множество хулиганов, известных в этом районе своей агрессивностью. Юный сиротка долго рассматривал их и несколько раз колебался, но в конце концов оказался неспособен узнать хоть одного из «троих мужчин в чёрном», которые убили его родителей.

– Что такое? – прорычал Хёрст немного позже, когда они сидели в уголке в «Британии». – Неужели предполагается, что имеется связь между этими тремя мужчинами в чёрном и теми, кто убил миссис Брейд?

– Вы же знаете, что это адское трио никогда не существовало, – с ледяным спокойствием ответил Твист. – Они жили лишь в дьявольском воображении Дэвида Брейда, он же убийца с кислотной ванной. И можно опасаться, с более ранним трио то же самое.

Хёрст нахмурился и уставился на друга:

– Вы хотите сказать, что они также существовали лишь в уме?..

– Разве вам не кажется странным, что некто попытался узнать черты убийц, про которых уже заявил, что они носили маску? Мне это больше напоминает человека, пытающегося придать правдоподобие собственной роли невинного свидетеля, притворяясь, что пытается помочь полиции. Вы, вероятно, скажете мне, что двенадцать лет – слишком мало, чтобы быть убийцей. Но такое случалось и прежде. Чтобы перерезать горло спящему, не требуется сила Геракла. Но признаю, что это – всего лишь теория, основанная на догадке.

Рассуждение доктора Твиста оставило полицейского озадаченным. Через некоторое время он продолжал укоризненным тоном, словно именно его друг был частично ответственен за преступление:

– Но тогда что за невероятное совпадение улиц. Джон Брейд был глубоко встревожен фотографией, на которой, как мы понимаем, была изображена улица его детства, но без какой-либо материальной причины, поскольку изображение полностью отличалось от той улицы, которую он знал. Только подумайте: улица, которая была сфотографирована за пятьдесят лет до того, как он родился, и полностью перестроенная. Невероятно, не так ли? Что вы скажете на это?

Твист, казалось, всё внимание уделял пиву перед ним.

– Знаете, у меня была возможность расспросить Дэвида Брейда после его ареста...

– И вы узнали от него не больше, чем кто-либо другой, – сказал его друг, не без некоторого злорадства.

– Это не остановило его от признания мне – по секрету – в своих преступлениях, вероятно чтобы позлить меня, но это не имеет значения. Он дал мне определённую инфор-

мацию об убийстве матери. У него не было никакой причины лгать об этом, потому что это и не облегчало его обвинения, и не давало новых. Именно он, как мы знаем, изобрёл троих грабителей-убийц, но мысль о «троих мужчинах в чёрном» невольно пришла к нему от приёмного брата. Джон иногда разговаривал во сне, и часто упоминались эти «трое мужчин в чёрном». Своего рода повторяющийся кошмар, который заинтриговал нашего дьявольского Дэвида Брейда. Он считал, что, сочиняя историю с таким штрихом, он сможет перевести подозрения на брата.

Хёрст некоторое время сидел молча, а потом пробормотал:

– Теперь я совершенно сбит с толку. «Трое мужчин в чёрном» действовали в кошмарах юного Джона Брейда, и он жил на улице, где, пятьюдесятью годами раньше было... сдаюсь!

– Бывают времена, – философски изрёк доктор Твист, – когда нам приличествует осторожно отойти от тайн сновидений. Даже при том, что в этом случае вероятное объяснение действительно существует. Ребёнком Джон слышал разговор о старом убийстве семьи Харвудов, и кошмар с участием «троих мужчин в чёрном» преследовал его во сне. Почему нет? – добавил он не слишком уверенно, набивая трубку.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Действующие лица.....	5
Пролог.....	7
1.....	10
2.....	18
3.....	24
4.....	31
5.....	37
6.....	41
7.....	44
8.....	49
9.....	53
10.....	59
11.....	64
12.....	71
13.....	75
14.....	78
15.....	80
16.....	86
17.....	88
18.....	92
19.....	94
20.....	99
21.....	102
22.....	104

23.....	107
24.....	115
25.....	118
26.....	125
27.....	129
28.....	133
29.....	135
30.....	139
31.....	141
32.....	145
33.....	147
34.....	154
35.....	156
36.....	161
37.....	164
38.....	168
39.....	170
40.....	175
41.....	184
42.....	189
ЭПИЛОГ.....	198

Литературно-художественное издание

16+

Поль Альтер
Картина из прошлого

Гарнитура Cambria

© Перевод. Николай Баженов, 2021